

Очень живучая тварь

Ан Аль Гамма

12+

Ам Аль Гамма

Очень живучая тварь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=49592888

SelfPub; 2020

Аннотация

Каково внезапно узнать, что ты ходячая угроза потусторонним силам. Боги, гвардейцы, падшие легионеры – всё это, как оказалось, существует. Стоило умереть и вот ты уже в эпицентре событий. Крутишься, как белка в колесе, пытаешься выжить в этом новом странном мире, где переплелись законы виртуальных игр и кошмарной реальности. А ведь все так спокойно начиналось: пустыня мертвых, очередь, Горнило душ. Мда. Так, ладно. Соберись. Впереди долгая тропа к заветной планке «бог». Только легкого пути можешь не ждать. Почему? Да потому что ты тварь, через которую Вселенная решила уполонинить ряды сверхсуществ. Ну что, готов? Нет? Да по барабану. Вали давай в Земли отчаяния и постарайся не сдохнуть в первый же день.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	24
Глава 2	32
Глава 3	45
Глава 4	50
Глава 5	65
Глава 6	77
Глава 7	90
Глава 8	97
Глава 9	110
Глава 10	116
Глава 11	129
Глава 12	135
Глава 13	148
Глава 14	166
Глава 15	177
Глава 16	190
Глава 17	201
Глава 18	216
Глава 19	232
Глава 20	247
Глава 21	258
Глава 22	280

Глава 23	293
Глава 24	304
Глава 25	322

Пролог

Песчаный вихрь осыпался, явив Анубису темное затхлое помещение, укутанное паутиной и пылью. Втянув волчьей мордой воздух, бог загробного мира ощутил такой знакомый аромат – аромат смерти, пропитавший это место. Осмотревшись по сторонам, повелитель песков обратил внимание на окончательно усохших мумий, аккуратным рядом уложенных вдоль стен. Да уж, давно он тут не был.

– Ты пришел, – проскрипел женский голос.

Анубис повел мордой. В дальней части помещения, на плетеном из вековой паутины троне, восседала его давняя подруга, царица ужасов Шимасса.

– Могла бы радости в голос добавить. Для проформы, – пробубнел хозяин загробного мира, разжигая в своих глазах мистическое пламя.

Без своих божественных способностей толком рассмотреть хозяйку этой захудалой комнатушки у него врядли получится.

– Я рада, – фыркнули из темноты.

– Ну-ну, – вздохнул Анубис.

Демонстративно оперевшись на навершие своего крючковатого посоха, владыка мертвых замер. Окинув взглядом практически пустое помещение, пошкрябал когтистой пятерней нос, поморщился. Хотелось чихнуть. Бог, что по дол-

гу службы обитает в глубинах вечной пустыни, слишком чувствителен к пыли. Парадокс.

– Я бы предложила тебе присесть, – тяжкий вздох донесся из темноты. – Но не хочу тратить силы. Прости, мой старый друг.

– Если позволишь, я позабочусь о комфорте сам, – Анубис склонил голову в легком поклоне.

– Будь так любезен.

Парой шагов по растрескавшемуся полу, Анубис приблизился к старухе. Повертел головой, пытаясь отыскать в этом помещении ещё что-нибудь ему знакомое. Когда-то тронный зал царицы ужасов был огромен. Здесь царили богатство и роскошь. Сколько раз они с Шимой здесь кутили, отмечая важные и не очень события их тогда ещё молодой беззаботной жизни. А теперь всё вот так. Он – бог загробного мира, следит за реинкарнацией душ. И она – старуха, что доживает свой век. Да, свой очень-очень долгий век и очень-очень умная и хитрая старуха. Но, тем не менее.

Остановившись напротив плетеного трона, Анубис повел мордой, отвел руку в сторону. Степенно опустившись в кресло за своей спиной, оставил крючковатый посох висеть в воздухе. Чинно сложив на животе ладони, стал устраиваться поудобнее. Ёрзая на мягкой подушке, хозяин пустыни норовил с комфортом пристроить свой хвост.

– Ты закончил? – в голосе старухи засквозило раздражение.

Анубис демонстративно вздохнул. Перестал елозить, поднял глаза на хозяйку помещения:

– Шима, столько лет прошло, а ты всё такая же зануда.

Повелителя пустыни всегда веселила эта её откровенная обида на «зануду». Кого другого за подобное уже сожрали бы пауки, но только не старого друга, чем бог загробного мира и пользовался. Шимасса боролась с собственными чувствами несколько долгих секунд. Вздохнула. Обреченно махнула костлявой рукой, мол «что с идиота возьмешь».

Тем временем, Анубис продолжал рассматривать ту, что некогда поражала мужские сердца своей красотой. Сейчас напротив него сидела практически мумия. В хозяйке помещения всё пропахло старостью, за исключением глаз. Внимательные, живые, пронзительные. Алые глаза с вертикальным зрачком по-прежнему цепко смотрят на Анубиса. Сколько бы лет не было этой женщине, пусть они практически ровесники (пара тысяч лет не в счет), но под этим взглядом Анубис всегда ощущал себя несмышленным ребенком. Ребенком, на которого с усмешкой и любовью смотрит старшая сестра. И это он, один из старейших богов Системы. Мда, дела.

Анубис задумчиво пожевал губами, покрутил головой. Отметив позади тронного постамента Шимы дырявый лоскут гобелена, поразмышлял о чем-то своём. Помолчал, рассматривая ветхую тряпку, медленно заговорил:

– Я всё сделал. Кандидаты отобраны.

Шимасса, сомкнув на друге тяжелый взгляд, проскрипела:

– Рассказывай.

– Трое из Альфа-Центавра. Раса прогусов, воины.

В помещении раздался затяжной, насквозь пропитанный вселенской тоской, старушечий вздох.

– Эти импульсивные придурки? – выплюнула старушенция. – Они либо поубивают друг друга, либо сгинут в пылу неумной жажды убийства.

Анубис поерзал в кресле... Все именно так, но конкретно *эти* «придурки», на его взгляд были многообещающими. Самые адекватные из тех, что попали на круг реинкарнации в данный момент. Впрочем, лично Анубис на них бы не поставил. Но как факт – потенциал у душ высокий. Для прогусов высокий, разумеется.

– Дальше. По одному из пятого и шестого секторов.

– Анубис, я всегда считала тебя благоразумным, – выгнула белесую бровь Шимасса. – Ты же мне подсовываешь ходячий кошмар. Я не собираюсь иметь дело с порождением темноты. Да о чем тут говорить, если сама Система не дала названия этим участкам мироздания! Места столь мерзкие и темные, что получили лишь номер.

– А ты, – обвиняюще вытянулся в его сторону костлявый палец. – К тому же, подсовываешь мне последние из них.

– Души очень сильны, – не согласился Анубис. – И все гуманоиды, как ты и просила.

Шимасса тяжело вздохнула. Махнула рукой «продолжай».

Ну, положи руку на сердце, которого у Анубиса по приро-

де не было, он, конечно, всё понимал. Царица ужасов права. Пятый и Шестой сектор слишком мерзкое место со всеми его обитателями. Даже пустыня мертвых, та её часть, где обитают души из безымянных секторов, пропиталась миазмами мерзости. Песок пустыни превратился из молочно-серого в грязно-коричневый, и без того блеклое небо окончательно потускнело.

– Ладно, пока опустим этот вопрос, – Анубис снова поднял глаза на старуху. – Следующая душа из Мельхиора. Раса регулус, девушка.

– Надо же, – удивленно раздалось в ответ.

Ещё бы!

На эту расу давно положили взгляд сильные мира сего. Анубису постоянно поступают просьбы отпустить ту или иную душу из вечных песков. Высоких моральных принципов, умные, целеустремленные, с несгибаемой волей и высокой физической силой – эта раса, фигурально выражаясь, является изумрудом во всей веренице миров. Вот только загвоздки ровно две: полное отрицание религии и сплошь мужские особи.

Первая проблема породила отсутствие возможности прямого вмешательства богов. Душа умершего регулуса отправлялась прямиком в загробный мир, а боги остаются с носом. Точнее, без потенциального бойца. Потому большие шишки и идут на поклон к старому богу, где-то прося, а где-то и выкупая у Анубиса шанс, всего лишь шанс, заполучить

душу себе в служение. Но отпустить умершего из пустыни мертвых ещё ничего не гарантирует. Законы Системы нерушимы. Прежде чем достигнуть территорий божественного пантеона, душе ещё нужно... Короче, много чего нужно. Так просто туда не попасть.

А что касается второй проблемы – это относительная ущербность мужской половины населения по сравнению с женской. Если, в принципе, регулус считается эталоном генетики, а мужчина её стопроцентным воплощением, то женщина, считай в два, если не в три раза выше по всем показателям. Именно поэтому, женская душа, попавшая в пустыню мертвых, приковывает к себе взгляды сразу сотен, если не тысяч богов. Но здесь решает именно Анубис. И сейчас бог песков решил в пользу своей старой подруги.

– Я скрыл девушку на некоторое время. Но заинтересованные лица уже знают о ней, – Анубис поморщился. Все-таки надо бы вырвать кое-кому любопытному глаз, а то и вовсе голову открутить. – Через сутки, максимум двое, ко мне нагрянут с предложениями. Так что, времени у тебя не много.

Старуха кивнула, выражая благодарность старому другу. Однако, какого-то особого интереса у неё эта новость, казалось, не вызвала. Анубис растерянно понаблюдал за безразличным выражением лица старой знакомой. Хотел бы он знать, что порой творится в голове этой старушенции.

– Кхм, – прочистил горло владыка мертвых.

Не дождавшись никакой реакции, продолжил.

– Эти должны тебе понравиться, – Анубис сделал пасс рукой, вызвал в темноту помещения огонек синего пламени.

Крошечное пламя мгновенно разраслось в столп жаркого огня, развалилось на несколько частей. Оживший огонь принял образы пары детей.

– Два цикла назад перешагнули отведенный Системой рубеж, – комментировал Анубис, рассматривая вместе с Шимассой ожившее изображение.

Мальчик и девочка куда-то бежали, то и дело оглядываясь. И все бы ничего, дети как дети. Да вот только выражение лиц на детских мордашках слишком резонировало с их общим видом. Сосредоточенное и хладнокровное у паренька, и кровожадное, с налетом безумия у девочки.

– Мир Парагон, раса парагон, – наблюдал Анубис за ожившим огнем. – Быстрые, гибкие, хладнокровные. Высокий болевой порог, высокий интеллект. Аналитический склад ума.

– Хмм, – раздалось задумчивое из темноты.

– По поводу этой расы ко мне уже обратился Шепчущий в ночи, – скосил глаза на Шиму бог песков. – Испытывает к ним конкретный интерес.

– Не удивлена, – ровным голосом ответила царица ужасов. – Этот всегда ценил хладнокровие превыше всего. Сколько детишкам лет?

– Конкретно этим двум сто семьдесят, – хмыкнул Анубис. – Средняя продолжительность жизни около семисот.

– Они уже прошли барьер? Как отреагировала Система?

– Прошли, – Анубис затушил пламя, развеял фигуры детей. – Незадолго перед моим визитом к тебе. Получили расовую особенность «безразличие». На короткий промежуток времени способны подавлять чужие эмоции. Пока сложно оценить потенциал. За каждый уровень так же получают прибавку к параметрам «воля» и «интеллект».

– Любопытно, – старушка оперлась на массивный подлокотник своего трона, опустила подбородок на костлявую ладонь.

Ну да, есть над чем подумать. Эта раса – темные лошадки. Неизвестно во что может вылиться развитие души, и какую силу они обретут на высоких уровнях. Новые расы, только что перешагнувшие свой рубеж эволюции, всегда величина с неизвестными переменными. Лакомый кусок для богов, но и риск огромен. Места в пантеоне у каждого бога на вес золота. Бывает, минует не одна сотня лет, прежде чем небожителей рискнет даровать в своем пантеоне место выбранной душе. Лишь самые могущественные могут привязать к себе целую расу с туманными перспективами. В обмен на вечную «бронь» рискуешь получить как высококлассных, уникальных бойцов, так и полных бездарей. Шансы всегда одинаковы на оба исхода.

– Давай дальше, – видимо решив для себя, Шимасса вновь утонула в своем огромном троне.

– Дальше почти ничего нового, – неопределенно повел когтистой рукой Анубис. – Азголоты, проспекусы, либрикус,

коя'коя и далее по списку. Около тридцати душ. Лучшие на этом круге реинкарнации.

– Почти? – старуха внимательно посмотрела на Анубиса.

– Почти, – ровным голосом повторил бог песков.

– И? – старуха сдвинула куцые брови.

– Шима, – Анубис, сам не понимая зачем, принялся разглядывать собственные руки. – Есть ещё одна раса... С ними все неопределенно.

– Белигус, – процедила давно забытое имя Анубиса Шимасса. – Говори, раз начал.

– Пфх, – выпустил воздух из легких хозяин песков.

Щелчок когтистых пальцев. В помещении зажегся огонек, сформировался в голубой шарик. В темноте зала закрутилась маленькая планета, Анубис недовольно заговорил:

– Мир называется Земля.

– Земля... Земля, – задумалась старуха, наморщила лоб.

– Какая ещё «Земля»? – через несколько мгновений раздраженно вскинулась старая женщина.

– «Какая – какая», – передразнил подругу старый бог. – Такая вот!

И замолчал, сдвинув брови.

– Белигус! – старуха явно не понимала творящегося с её старым другом, а потому не могла решить, начинать возмущаться или ещё подождать.

– Пфх, – в очередной раз тяжело выпустил воздух Белигус.

Хозяин песков встал с кресла, медленно принялся обхо-

дить его по кругу. В раздумьях опустил голову, собираясь с мыслями. Пнул собственный посох, попавшийся на пути. Деревяшка, жалобно скрипнув, улетела куда-то в темноту.

Старуха, теперь уже точно сбитая с толку таким поведением Анубиса, сама начала ерзать на троне.

– В общем, дело обстоит так, – медленно заговорил Анубис, он же Белигус, он же повелитель песков и далее по списку.

Шимасса замерла в ожидании.

– Мир Земля. Разумных там одна раса – люди. До преодоления рубежа, когда душа сможет попытаться вознестись на следующую ступень, им ещё семь тысяч циклов. И с великой вероятностью цивилизация, а вместе с ней и вся раса целиком, окончательно и бесповоротно сгинут. Сгинут ещё до завершения отведенного Системой цикла.

Анубис остановился, повернувшись к Шимассе.

– Ну и? – растерянно выгнула бровь старуха. – Что тут... необычного?

– А то, – смерил Шимассу оценивающим взглядом Белигус. – Что каждый раз, когда цивилизация скатывается до предсмертного состояния, Система перезапускает отсчет.

В помещении повисла тишина. Анубис замер каменным изваянием, с любопытством отслеживая выражение лица своей старой подруги. Старый бог с усмешкой жад, когда до Шимы наконец-то дойдет смысл сказанных им слов. Прошло несколько секунд, прежде чем восковая маска, в которую

превратилось лицо Шимассы, дрогнуло. Взгляд алых глаз тяжелой плитой опустился на Анубиса, старуха отмерла.

Впервые за всю встречу, её голос перестал дрожать:
– Говори, Белигус.

Анубис дернулся, почувствовал, как под его волчьей шкурой побежали табуны мурашек. Сейчас перед ним была та самая Шимасса, царица ужасов, мать ночи, госпожа боли. Именно таким голосом она сообщала врагам свой вердикт и затем шла против тысяч, вырезая все живое. Именно таким голосом она приказывала своим сестрам и те погружали во тьму целые миры, выпивая их обитателей. Этот голос боялись услышать, её лик боялись увидеть, её, царицу ужасов, боялись вспоминать, опасаясь навлечь на себя взор красных глаз.

Анубис сглотнул подступивший к горлу ком, но взгляд не отвел. Этот леденящий душу голос мог выбить дух из кого угодно, но только не из него. Сказывалось тесное знакомство длиною в тысячи лет. На несколько секунд в помещении сама ткань мироздания загустела, словно кисель, разливаясь вокруг. Но вот живое воплощение кошмаров устало вздохнуло, а потяжелевший взгляд вернулся к своему нормальному состоянию.

– Белигус, я слишком стара для всей этой театральщины. Давай рассказывай, пожалей старую женщину, – старуха устало поерзала на троне. – Я не помню, чтобы хоть когда-нибудь Система скидывала отсчет. В чем причина?

– Хотел бы я знать, – отмер Анубис, вновь начал неспеша ходить по помещению. – Когда я только принял титул, – продолжил бог песков. – Не было времени во всем разбираться. Однако, в один прекрасный момент наткнулся на людей. Сперва не поверил, думал ошибся. Перепроверил, ошибки не было. Цикл запускается единожды и не сбрасывается. Никогда. Никогда, но не в этом случае, как оказалось.

Анубис перестал наконец-то ходить. Вернулся в свое кресло, подпер лапой волчью пасть, принялся постукивать костяшками пальцев по подбородку. С отсутствующим взглядом заговорил:

– Я копнул глубже. Выяснилось, что души даже не привязаны к пескам. Пустыня мертвых над ними не властна.

– То есть, они могут уйти? – царица ночи не верящим взглядом посмотрела на Анубиса.

Поймав взгляд подруги, Белигус подтвердил:

– Именно. И это не смотря на то, что Система продолжает считать циклы. Но, самое странное даже не в этом!

– Есть ещё что-то удивительней этого?

– Представь себе.

– И что же?

– Души, попадая в пустыню, просто стоят и не двигаются. Их воля мгновенно угасает, а разум засыпает.

– Не поняла... – растерянно похлопала глазами Шимасса.

– Они не движутся к Горнилу душ. Стоят как... как статуи! Вот, смотри! – Анубис раздраженно щелкнул пальцами,

уже без каких-либо огоньков создал огромное живое изображение, заполнившее всё пространство комнатухи.

Барханы пустыни, среди которых, убегая далеко за горизонт, тянется вереница стоящих друг за другом фигур. Бесконечная очередь. Головы опущены на грудь, руки безвольно висят вдоль тел. Молчаливые, неподвижные.

Шимасса откровенно не знала что думать, при взгляде на эту гнетущую картину. Буря эмоций, поток сумбурных мыслей читался на старческом лице. Анубис криво усмехнулся. О да, это выражение растерянности и непонимания ему очень знакомо – сам в таком побывал.

– А... а, как тогда они попадают в котел? – обескуражено пробормотала Шимасса, рассматривая бесконечную цепочку людей.

– «Как – как», – зло перекиривлял Анубис. – Я сам их туда скидываю! Вот как! Представляешь?! Беру, и собственно-ручно скидываю, пока очередь не иссякнет!! А затем появляется следующая!

– Ну, тише, мой старый друг, – поморщилась женщина. – Не стоит шуметь в этом месте.

– Кхм, извини, – пришел в себя Анубис.

– Просто нахлынуло. Они у меня уже вот где! – провел старый бог себе по горлу.

– Ну, эти люди ведь не виноваты. Выверт Системы, я думаю, – посмотрела госпожа боли на Анубиса.

– Да, похоже на то, – вздохнул бог песков, успокаиваясь.

Поерзал в кресле, поудобнее пристраивая свой хвост.

– Но все это слишком странно. Я откровенно не решился копать глубже. Система может отреагировать.

– А что из себя представляет сама раса? Путь развития, особенности, сильные и слабые стороны?

– Цивилизация на данный момент, как и предыдущие две идет по пути технического развития. Лишь самые первые люди обладали магическими навыками. Но все закончилось для самих людей быстро и кроваво. Чуть не погубили планету, перекроив в пылу войны материки и вызвав глобальное оледенение. Поражающая мощь, скажем прямо.

– Оу—у, – старуха явно прониклась. – Но сейчас, выходит, навыки позабыты?

– Скорее... законсервированы, – еле выговорил непривычное слово Анубис.

– Что, прости? – Шимасса откровенно не въехала в смысл сказанного.

– Это из их речи. Означает «сохранено и не используется до определенного времени», – усмехнулся старый бог.

– То есть, магическая составляющая не развоплотилась? Генокод сохранил способности?

– Определенно.

– Лю—бо—пыт—но, – по слогам отчеканила старуха, на мгновение погрузилась в поток собственных мыслей. – Ещё что-то можешь добавить?

– Могу. Способность к магии не самое интересное, – рас-

тянулся в улыбке от уха до уха Анубис, глянул на Шимассу.

– Давай уже, не томи! – дернула в нетерпении худой рукой старая богиня.

Анубис, скалясь во всю свою волчью пасть, поправил подушку в кресле. Уселся поудобнее, пожевал губами, наблюдая за подрагивающим веком старухи и выдал:

– Кофе бы, Шима.

– Ах ты... старый, – мгновенно закипела старушенция, пытаясь подобрать слова, описывающие её великий гнев. Но вместо этого выдала: – Ой, да, пожалуйста!

Щелчок сухих пальцев и перед Повелителем песков стоит резной столик с чашкой дымящегося кофе. Анубис жадно втянул носом аромат, после чего аккуратно и не спеша взял чашечку с напитком. Блаженно расплывшись в своем кресле, маленькими глоточками принялся отпивать напиток.

– Самое интересное в этой расе, – заговорил хозяин пустыни, удерживая чашку перед своей мордой. – Самое интересное кроется в сущности самой расы.

– Поясни, – потребовал у него трескучий, полный нескрываемого раздражения голос.

Анубис, не реагируя на хозяйку помещения, и продолжая блаженно потягивать кофе, продолжил:

– Мне потребовалось определенное время, прежде чем я понял, что в них так режет глаз. Дело в том, что люди крайне живучи.

– Хм—м, – задумчиво посмотрела на друга старая боги-

ня. – А ведь если так подумать... Три краха цивилизации и на подходе четвертый.

– Именно. Но раса настолько... приспособливаемая, – медленно выговорил Анубис, подобрав нужное слово. – Настолько, что даже не верится. Цепляются за жизнь любыми способами, подстраиваются к любым условиям существования, способны опуститься до уровня животных, если есть хотя бы шанс, что останутся живы. И это при том, что уровень духовного развития очень высок. Не дотягивает до регулюсов, конечно, те вне конкуренции, но очень близко. И тем не менее, легко способны откинуть в сторону моральные принципы. В девяти из десяти случаев выберут жизнь вместо чести.

– Одаренные среди душ есть? Особые способности?

– Нет, ничего такого. Весь их вид в целом отличается посредственностью. Сейчас на круге реинкарнации никого выдающегося. Расу стоило назвать «посредственность», а не «человечество», – ухмыльнулся Анубис.

– Что же, понятно. Кстати, – вздохнула старая богиня. – В какой они части пустыни?

– Не далеко от Могильной плиты. Начальный сектор Улк—Атан.

– Хм—м. Система словно пытается всеми силами не пустить души на следующую ступень. Забавно.

– Я тоже так думаю.

– Ладно, – махнула ладонью Шимасса. – Покажи девчон-

ку.

Анубис, быстро сообразив о ком речь, щелкнул пальцами. Обретая форму высокой статной девушки, в воздухе вспыхнуло синее пламя. Длинные шелковистые волосы, волевое лицо, идеальная фигура. Все в девушке говорит о грации, гордости, силе. Анубис перевел взгляд на царицу ужасов. Старуха с нескрываемым интересом рассматривала юную особу.

– Ладно, Белигус, пора заканчивать. Пятый и Шестой сектор сразу нет.

– Кхм... – старый бог прочистил горло, поерзал в кресле. – Я их уже выпустил. Обоих.

– Зачем ты... – вскинулась старая, но была перебита зычным голосом бога песков.

– Шима! – в голосе Анубиса впервые прорезались стальные нотки. Бог загробного мира показал свое обличье. – Ты не в том положении, чтобы разбрасываться ресурсами. На кон поставлено слишком многое! Послушай старого друга и хотя бы в этот раз не иди на поводу своих амбиций. Тяжелые времена требует тяжелых решений. К тому же, безымянные могут сгинуть в ближайшее время. Сектор у них тоже не подарок.

Шимасса, сурово сверля взглядом Анубиса, а некогда Белигуса Безликого, насупилась:

– Пусть будет по-твоему, старый хрыч!

– Кашолка старая! – не остался в долгу Анубис.

Помолчали.

– Мда... – вздохнула Шимасса. – Столько лет прошло, подумать только.

– В общем, так, – встrepенулась богиня ужасов. – Девчонку я забираю. Это не обсуждается.

Анубис довольно хмыкнул. Регулус – гарантированный успех.

– Что с людьми? Я про планету Земля.

– Слишком ненадежно. Я не могу рисковать. К тому же, они могут внести своим присутствием неизвестные последствия. Что-то мне не нравится выверт Системы в их сторону. Так просто это не бывает.

Анубис хмыкнул:

– Тогда увидимся через сутки, моя старая подруга. О девочке позаботишься сама?

– О, не волнуйся. Я поговорю с малышкой лично, – глядя на затухающее пламя женской фигуры, ответила старуха. – До остальных мне нет дела.

– Ну, с этим я разберусь. Всегда найдутся те, кто не откажется испытать удачу с перспективными душами. Времена нынче суровые.

Анубис встал с кресла, вытянул в сторону руку. Посох, который он не так давно пнул куда-то в темноту, возник в когтистой руке. Слегка поклонившись старой женщине, что откинулась в своем троне и устало массировала лоб, Белигус Безликий исчез. Тлеющий в воздухе голубой огонек погас,

кресло, столик и чашка с блюдцем осыпались трухой.

Глава 1

– Не сходи с тропы.

Шелест женского голоса угасает в моем сознании. Он кажется мне смутно знаком. Всё это так... странно. Я оглянулся по сторонам. Пустыня, серая молчаливая пустыня. Бесконечные барханы вокруг и безжизненный песок под ногами. Облака черными кляксами одиноко убегают вперед. Нет звуков, нет запахов. Только очередь.

Правду сказать, иначе представлял себе смерть. Ожидал чего-то в духе охотников за привидениями. Думал, покину тело, призраком покружу над родственниками, знакомыми. Воспарю к небесам, скрываясь высоко под облаками в потоке ниспадающего желтого света. А оказалось все несколько иначе: сознание гаснет, и вот ты уже в центре черного вихря. В голове звучит женский голос, а перед тобой затылок неизвестного мужика. Ах да, есть ещё стойкое понимание того, куда ты попал. Ощущение, что отсидел в школе урок, где учитель доходчиво тебе всё объяснил. Единственное, что коробит – очередь. Честно, вот уж никак не ожидал.

Я осторожно выглянул из-за плеча незнакомого мужика. Ну да, вереница людей. Бесконечная очередь змейкой убегает вперед, теряется среди песчаных барханов. За незнакомцем стоит толстая тетка. Одета в леггинсы и белую майку. Черный лифчик просвечивает через тонкую ткань. После

тетки какой-то бизнесмен в деловом костюме, за ним двое подростков в порванных шортах. Кеды, кстати, у них одинаковые. Дальше... Дальше уже не видно. Темновато здесь, полумрак кругом. Прекратив выглядывать из-за чужого плеча, вернулся «в строй». Как-то непривычно тянет спину, я обернулся.

– Крылья? Не понял... – ошарашено пробормотал, рассматривая огромные, мерцающие исполины за своей спиной.

Инстинктивно напряг мышцы, ощутил тяжесть этих... конечностей. Повел плечами, попытался пошевелить отростками. Взмах, второй, третий. Песок под ногами, разгоняемый мощными движениями, разлетается по сторонам. Меня поднимает вверх. Каждый взмах сопровождается тонким звуком звенящего хрусталя. Тело водит в стороны, взлёт у меня нестабильный. Два огромных крыла дарят небывалое чувство силы. На моих руках, от запястий к плечам, разгорается странная вязь. Причудливый орнамент проступает на коже, символ за символом наполняет меня какой-то внутренней... разрушительной энергией? Такая мощь!

– Обалдеть! – ну а что ещё тут сказать.

Внезапно меня что-то схватило, дернуло. Я словно головой в невидимый потолок врезался. На руках появились жгуты. Не успел сообразить, как огненные бичи уже обвились вокруг ног. Запахло паленым, боль от ожога стремительно разливается по телу. Потеряв контроль над робким полетом, не понимая, что происходит, я криво рухнул в песок. Руки и

ноги будто налились свинцом, крылья потяжелели. Хочется кричать, но получается только стонать и мычать. Я завалился на бок, содрогаясь под натиском адской боли. Сознание рисует реки раскаленного свинца, что струятся по моим жилам.

Накатила темнота.

Неприятное пробуждение. В воздухе витает запах паленой плоти. Руки, ноги, да все тело чешется и зудит. Особенно сильно зудит спина. Скованный по рукам и ногам, неловкими движениями поднялся. Дрогнула, натягиваясь, цепь, зазвенели кандалы. Я стою, не в силах пошевелиться. Все что остается – переводить хмурый взгляд с затылка неизвестного мужика на собственные руки. Причудливый орнамент все ещё там, ровной полоской убегает под рукава майки.

Это вообще нормально? Что за неизвестная сила решила меня приструнить? Я вообще-то собирался к Горнилу душ, мне вроде как местный учитель рассказал. Так, ладно. Постоим, подождем. Что там с крыльями, кстати? Я словно сова выгнул шею.

– На месте. Отлично

Растрепанные и слегка помятые, но целые. Можно выдохнуть. Тем временем, цепь на руках ослабла. Сразу же пошевелил конечностями. Вверх – вниз, влево – вправо. Отно-

сительно свободно. Однако, звенья странной огненной цепи все ещё плотно приковывают меня к месту. Не к добру это.

– Эй... – я осторожно позвал впереди стоящего.

Выглядит мужик, как сосед, что по-быстрому вышел в магазин. Куртка – дождевка, треники, замызганные туфли. Прическа – слипшиеся волосы, местами топорщащиеся в стороны. Из спины неизвестного торчат два обрубка. Конечности выглядят обломанными под самый корень. Как я сразу не заметил? В голове тут же появилась пугающая догадка. Так, спокойно... Максим.

«Фух», – вытер невидимый пот со лба.

Имя свое помню – уже хорошо. Странно, что я в принципе не помню, как сюда попал, не помню момент смерти. И если напрячься, попытаться... Все равно не получается. Я знаю лишь то, что меня зовут Максим. Звали. Возраст двадцать шесть лет, при жизни был студентом. На этом всё. Друзья, родственники, знакомые? Личная жизнь, город проживания? Пусто. Память будто кем-то подчищена. Подозрительно это. А ещё подозрительно выглядит то, как трясется тот самый мужик впереди меня

– Эй, – я наклонился вперед. – Мужик, ты чего?

Вытянул руку, аккуратно сжал плечо неизвестного. Собирался потормозить соседа, привести в чувство. Вместо этого раздался хруст, мои пальцы смяли человеческую плоть, как картон. Будто передо мной и не человек вовсе, а так, муляж из фольги. Мужика пробила крупная дрожь, его бук-

важно лихорадит! Покрываясь холодным потом, я поспешно убрал руку.

– Б... беги, – прохрипел незнакомец, оборачиваясь.

Как заржавелый механизм, он повернул ко мне голову. Ага... очень интересно. У мужика вместо лица зияющий провал – выгрызенная дыра в черепной коробке. Губы последнее, что напоминает в нем человека. Я с ужасом взгляделся. В черепушке неизвестного сплошное бурое месиво. Ясно. Понятно. Нужно срочно отсюда валить! Я дернулся, затрепыхался. Что есть мочи попытался выдернуть себя из оков. Тщетно. Цепь натянулась как струна, руки и крылья дернуло к земле. Теперь я оловянный солдатик, что стоит по струнке. Остервенело пытаюсь освободиться, то и дело поглядывая на шевелящиеся в немом послании губы несчастного. Так, а это ещё что за насекомое?

Два непонятных усика поднимаются из-за мужика. Что-то ползет по бедолаге с той стороны. Пару секунд и вот я уже смотрю в две маленькие черные бусинки – глаза сколопендры. Огромная плоская многоножка выбралась из-под разорванной куртки несчастного. Сколопендра, точно пустынная кобра, дугой выгнула сегментированный корпус, подняла над головой мужика свое раздувшееся тело. Черные зеньки неотрывно смотрят на меня, жвала сочатся слизью, без остановки щёлкает зубастая пасть.

– Да ну на... – договорить я не успел.

Сколопендра прыгнула, целясь мне в лицо. Время замер-

ло. Я вижу, как вспыхнул орнамент на моих руках, сжатые кулаки наполняются белым светом. Разрушительная энергия, что струится во мне, уже готова к бою. Вот и отлично! Время ускорило свой бег, а гусеницу прошила яркая вспышка, сорвавшаяся с моих открытых ладоней. Не так уж и сложно, как оказалось. Мерзкая тварь рухнула в песок, скрутилась кольцом у моих ног. Несколько секунд гусеница извивалась, дымела и верещала, чтобы затем кинуться мне на ногу. Я ощущаю прикосновение сотни цепких лапок, живучая тварь поднимается по моему телу куда-то на спину.

– Ну же, ну! – лихорадочно пытаюсь перезапустить потухший орнамент на своих руках.

Как это работает?! Что требуется от меня, помолиться? Произнести слова-активаторы, о которых я не имею ни малейшего понятия? Я просто упер взгляд в ладони, матом заклиная эти символы вновь воссиять. Вот появилось тусклое свечение. Загадочная каллиграфия на моей коже постепенно разгорается. Но это всё медленно, слишком медленно! Сколопендра уже поднялась к лопаткам.

– Гори же, гори! – я пытаюсь приказать татуировке на моих руках.

Орнамент вспыхнул. Я вновь почувствовал эту огромную мощь в ладонях. Но многоножка уже вгрызлись под самый корень в мое правое крыло. Лопатка взорвалась болью, перед глазами поплыли красные круги. Меня жрут заживо! Секунда, вторая, третья. Боль разрывает спину. Вот пернатая ко-

нечность рухнула на песок. Подняв сноп пыли, крыло рассыпалось пеплом. Хочется рыдать от боли, она просто невыносима, невероятна! Я через силу повторяю волшебную мантру «гори». Сколопендра с мерзким клекотом радостно отгрызает второе крыло. Я продолжаю копить силу в сжатых кулаках. Этой гусенице я так легко не дамся! Второе крыло рухнуло в песок. Теперь мерзкий жук обвивается вокруг меня, карабкается по моему телу, поднимается к лицу.

Шанс всего один, но я спокоен. Где-то в глубинах моего подсознания уже проснулся другой «я». Злой, сосредоточенный, напряженный. Он ждёт и ухмыляется, неотрывно следит за кровожадной тварью. А вот и она. Сколопендра у моего лица. Я смотрю в эти черные глаза-бусинки. Глаза убийцы — злые, мерзкие. Она готова обглодать мой череп. Её желание разлито в воздухе. Но я не собираюсь умереть повторно!

Разжал кулаки, молясь всем богам, чтобы эту тварь прожарило насквозь. Мои руки превратились в два пылающих факела из живой плоти. С громopodobным грохотом сколопендру прошил поток света. Ярчайшая вспышка затопила серость окружающей меня пустыни, многоножка рухнула на песок. Я практически ослеп, невыносимый жар обжигает лицо, руки горят, рабские браслеты плавятся и падают на песок. Слепо ощупывая свои щиколотки, я кое-как присел. Сжал кандалы на ногах. Железка лопнула, не выдержав температуры моих рук. Судорожно развернувшись, я засеменил по песку. Сопровождаемый мерзким клекотом десятков, со-

тен, тысяч всполошившихся тварей, я рванул в противоположную от очереди сторону. Ослепший, неистово перебирая ногами и вытянув перед собой полыхающие руки, я уношу свое тело как можно дальше. Подальше от этой проклятой вереницы людей, от этих многоножек, от этого мужика с дырой в голове. Перед глазами белая пелена, все тело пронизано болью.

Словно какое-то животное, рыча и всхлипывая, я упорно бегу. Надеюсь, что успею свалить достаточно далеко, прежде чем ошалевшее сознание канет во тьму. Ибо тогда я проснусь уже с дырой вместо лица и бурой кашей в черепной коробке.

Глава 2

Зрение постепенно возвращается. Белая пелена перед глазами отступет, открывая взгляду бесчисленные барханы мертвых песков. Я медленно плетусь через молчаливую пустыню, подгоняемый упрямством и страхом. Страх, он все ещё со мной, витает над моей головой, пронизывает живот, холодит затылок. Зубастая многоножка была близка к своей цели. Не запустишь во второй раз руническая вязь, промедли я секунду-другую и зубастый червь обглодал бы мое лицо. К счастью, все обошлось.

Уже, наверное, как пару часов я приближаюсь к границе непонятной стены. Зыбкая пелена странной преграды виднеется вдали. От песков до самых небес, полупрозрачная твердь мерцает загадочными всполохами. Альтернативы моему маршруту нет, ибо по сторонам мертвая пустыня, а в очередь я не вернусь. Обрато к сколопендрам с её подругами – нет уж, спасибо! Все то время, что я плетусь через пустыню, в голове копятся мысли. Так что же тут на самом деле происходит, в этих песках забвения? Почему у меня идет кровь, почему я чувствую боль, могу испытывать эмоции? Я умер или как? И вообще, что за мерзкая гусеница?! Я точно знаю – всего этого здесь быть не должно! Неизвестная сила вложила в мое сознание четкое понимание происходящего. Ни о какой магии, рунах, сколопендре и речи не было. Я

умер и путь мой – в горнило душ. А тут... Херня, короче, какая-то.

– Какой-то неправильный загробный мир, – пробормотал себе под нос, спускаясь с очередного бархана.

Молочно-серый песок под ногами уже приелся. Ни камней вокруг, ни деревьев. Над головой по-прежнему черно-белая муть, отдаленно напоминающая тучи. Постоянно клубится и плывет мне навстречу. Зачесались обугленные руки. Зола с обожженных конечностей постепенно осыпается, открывая свежие участки молодой кожи. Я интенсивно скребу ногтями, отдирая черноту. Руническая вязь, кстати, пропала. И почему я уверен, что она именно «руническая»? Сейчас я бы не отказался, чтобы кто-нибудь мне пояснил происходящее. Я таинственный маг мертвых песков? Бескрылый серафим, чье призвание спасти людские души из плена зубастых гусениц? Да? Нет? Какого черта?

– Какая-то одноразовая магия, – пробормотал себе под нос, оглядывая свои теперь уже обыкновенные руки.

Тут же поправился, вспоминая недавние события:

– Двухразовая.

Крылья жалко. Я невольно потянулся рукой за спину, потрогал обрубки. Конечности саднят и чешутся, но уже хотя бы не болят. На ходу осмотрел себя: кроссовки, майка, джинсы – максимально потасканные на вид, грязные и теперь уже порванные. На вещах присутствует множество маленьких отверстий – следы когтистых лапок гадской много-

ножки. Непроизвольно вздрогнул, вспоминая случившееся там в очереди. Тут же глубоко внутри меня всполошилась чуйка, похолодел затылок. На всякий случай обернулся проверить. Пусто. Молчаливые серые пески вокруг. Но шагу надо прибавить.

Я наконец-то вышел к стене. Поднявшись на очередной бархан, оказался практически вплотную к этой мутной преграде. Стена, если можно так выразиться, по факту непонятная субстанция. На ощупь загустевший кисель. Невозможно увидеть, где она начинается и где оканчивается. Куда не кинь взгляд – стена повсюду. По ту сторону желеобразной массы продолжается фейерверк. Яркие всполохи оставляют на своем месте одинокие силуэты, смутно похожие на человеческие. Темные фигуры тут же устремляются куда-то вперед, теряются из вида.

Я стою возле прозрачной субстанции, наверное, уже минут пять. Эксперимента ради пытался пробиться на ту сторону. Но стоит коснуться странной стены, как руку стремительно начинает засасывать. Уже дважды я выдергивал свою конечность из этого голодного киселя. Ощущения не такие уж и мерзкие, к слову. Так, холодит немного. Но сам процесс пугает. Гложут меня сомнения, что могу застрять на полпути. Останусь в этом желе, задохнусь. Жуть. Прямо скажем –

я боюсь.

– Бр-р, – я мотнул головой.

Но эти вспышки, загадочные фигуры людей. Или нелюдей? По ту сторону стены какая-никакая жизнь. За моей же спиной, я обернулся, сплошь мертвые пески. Ну и зубастая тварь. Благо, осталась она далеко позади. Чем дальше я вот так стою, тем крепче во мне уверенность – нужно рисковать. Лучше застрять в киселе, нежели снова встретиться со сколопендрой. Кто её знает, может она прямо сейчас идет по следу, рыщет в этих песках, преследует меня. Нужно пробиваться вперед. Там люди, мне помогут. Наверное...

– Смертный? – позади глухо рыкнули.

Я вздрогнул, обернулся. На меня растерянно смотрит морда... Анубиса? Словно сошедший со стен усыпальниц Египта, человек-волк прямо сейчас стоит передо мной. Это что же получается, древняя цивилизация была права? Знала о сверх-существах задолго до?

«Обалдеть!» – я сглотнул подступивший к горлу ком.

Мне нужно что-то ему отвечать или нет? Что сказать богу? Объясниться, как я тут оказался?

– Я... Что это были за твари? – непроизвольно вырвалось.

Отчего-то я уверен, что Анубис знает. Или не знает? Выгнутая бровь на его волчьей морде смущает меня.

– Какие твари?

– Их там сотни, тысячи! – меня прорвало, выливая на повелителя загробного мира словесный поток. – И они жрут

людей в очереди!

– Там! – я вытянул дрожащую руку, указывая пальцем в направлении, откуда пришел.

Анубис молчит. Скрестил на мне свои желтые глаза. Хозяин этого мертвого мира, кажется, пытается для себя решить: принимать мои слова всерьез или нет.

Пожевав губами, существо заговорило:

– Смертный, ты сейчас на круге реинкарнации, – он повел рукой в сторону пустыни, полуобернувшись. – Тебя, как и всех остальных, ждет котел душ...

Понятно, меня за дурачка считают. Думает, я поехавший.

– Эта тварь отгрызла мои крылья!

От подобного заявления Анубис аж поперхнулся. Округлившиеся глаза на его нечеловеческой морде сейчас говорят о многом. Как минимум о том, что подобное он слышит впервые. Быстро вернув себе привычное выражение лица, человек-волк обошел меня по кругу. Анубис остановился за моим левым плечом, тяжело вздохнув, заговорил:

– Душа, я понимаю твои переживания. Уже скоро я отправлю всех вас на новый круг...

– Да какая реинкарнация?! – взбеленился я, оглядываясь на обрубки крыльев за своей спиной. – Почему эта тварь отгрызла их?

Анубис на мгновение закатил глаза, но тут же вернул контроль над эмоциями. Сухо спросил:

– Какие крылья?

– Да вот эти! – я снова потянулся рукой за спину, нащупывая пострадавшие конечности.

Которых не было.

– Какого... хрена?! – ошарашено выгнул шею.

Пальцы проходят сквозь культы на спине.

– Но, они же... вот прямо тут, – не веря в происходящее, я пытаюсь ухватить обрубок крыла.

Я их отчетливо вижу, причем оба. А вот схватить – пальцы ловят пустоту. Ошарашено перевел взгляд на Анубиса. Морда его лица выражает максимальный скепсис. Бог песков переводит взгляд с меня на мою спину, где я всё ещё пытаюсь схватить культы.

– Они... вот тут, – прошептал я, глядя в эти желтые серьезные глаза. – Честно...

Захотелось разрыдаться. Весь этот бардак вокруг, что творится с первых минут моего пребывания в этом мире: сколопендра, очередь, горящие руки. А теперь вот единственное живое существо передо мной не верит моим словам. Анубис приблизил ко мне свою волчью морду.

– Неважно, – я обреченно махнул рукой.

Что-то доказывать богу песков, наверное, бесполезно.

– Скорее всего, – задумчиво согласился со мной бог. – Но проверить стоит.

Когтистая рука Анубиса потянулась к моей голове. С трудом поборов желание отпрянуть, я остался на месте. В конце концов, что со мной будет? В момент касания его сухой

морщинистой ладони моего лба, я ощутил инородное вмешательство в разум. Словно вскрыли черепашку, опустили внутрь что-то холодное и взболтали. Анубис сдвинул брови, нахмурился. Неожиданно, воздух разрезал непонятный красный хлыст. Сочным «хлобысь» мясистый жгут врезал по когтистой руке Анубиса, словно защищая меня. Я и бог одновременно дернулись, оглядываясь. Пусто, словно ничего такого и не было. Только спина у меня немного чешется.

– Любопытно, – удивленно проговорил бог.

Хозяин песков задумчиво разглядывал свою поцарапанную загадочным жгутом конечность, шевелил когтистыми пальцами, удивленно ворочал кистью.

– Пройдемся? – неожиданно повернул ко мне морду Анубис.

Откровенно говоря, сейчас меня больше интересует стена и возможность попасть на ту сторону. Но раз бог загробного мира предлагает, отказываться вряд ли стоит. Степенно ступая, держа одну руку за спиной, а второй сжимая кривой посох, человек-волк двинул вдоль желеобразной преграды. Мутное полотно в тех местах, где проходит это сверхъестественное существо, деформируется. Стена кажется живой, она испуганно выгибается в противоположную сторону, словно пузырь. Под впечатлением от происходящего, я молча плетусь за Анубисом.

Человек-волк в металлической блестящей юбке и безрукавке идет не спеша, следит, чтобы я не отставал. Анубис

высокий. Рост – почти два моих. Бог сутулится при ходьбе, но даже так он громаден. Худой, с торчащими из-под безрукавки ребрами, тем не менее, он внушает страх. Чувствуется в нем жуткая мощь. Словно постигший дзен мастер боевых искусств, что маскируется под обыкновенного старика. Ну, такое впечатление складывается у меня, пока я быстро перебираю ногами, пытаюсь поспевать. Любопытно, что от него не чувствуется какой-то угрозы. Думаю, меня просто не воспринимают всерьез.

– Знаешь, что это? – Анубис ловким движением постучал своим крючковатым посохом по стене.

В том месте, где деревяшка коснулась кисельной субстанции, поверхность потрескалась и обледенела.

– Нет, – машинально ответил.

– Это граница моей территории.

– Понятно... – ничерта не понял я.

Анубис покосился на меня взглядом своих желтых глаз, усмехнулся.

– За ней, – продолжил бог, степенно вышагивая вдоль выгибающейся стены, – за ней совсем другой мир. Материальный... в какой-то степени.

– Почему я чувствую боль? – внезапно вырвался вопрос, который всё это время крутился у меня в голове. – Почему у меня идет кровь? Я же умер! Я – душа.

Анубис мягко улыбнулся, оскалился во всю свою пасть. Видок так себе, честно говоря.

– А должно быть по-другому?

– А... Ну, э—э, – я растерялся, не зная, что отвечать.

– Мы отвлеклись от темы, – Анубис снова улыбнулся, сверкнув в полумраке пустыни своими желтыми глазами.

Я, признаться, не до конца понимаю, о чем вообще идет речь.

– В том мире, – бог песков кивнул головой в сторону стены. Барьер, сторонясь вертикально торчащих ушей Анубиса, вогнулся огромным пузырем – Для тех, кто сумеет себя проявить, приготовлено место в божественном пантеоне.

– В пантеоне?

– Да, – улыбнулся Анубис. – Мир за стеной – арена. А вы, души – игроки и соперники. На вас смотрят, к вам приглядываются, оценивают. По ту сторону «дивный новый мир», как вы говорите у себя на Земле.

Анубис снова оскалился, продолжил мерно вышагивать. Я быстро перебираю ногами, соображая над услышанным.

– По-хорошему, надо бы вернуть тебя обратно в очередь.

Я нервно дернулся, глянул на Анубиса.

– Но что-то мне подсказывает, возвращаться ты туда не собираешься, – смерил меня оценивающим взглядом человек-волк.

Я сглотнул подступивший к горлу ком.

– Не собираюсь, – я, в самом деле, туда не вернусь.

Даже думать о подобном страшно.

– И как тогда нам с тобой быть? – усмехнулся Анубис ку-

да-то в сторону.

Наверное, я сейчас должен был предложить свой вариант, но вселенная решила за меня. Я заметил две черные бусинки-глаза и хитиновый блестящий корпус многоножки. Морда твари медленно вздымается из-под песка. По-змеиному изгибаясь, многоножка выталкивает свое длинное тело на поверхность. В ногах резко похолодело, спина намокла. Я остановился, не в состоянии двигаться дальше. Бог загробного мира заметил мое состояние. Приблизившись, выгнул вопросительно бровь. Я в ужасе поднял глаза на Анубиса, вытянул руку в сторону замершей на месте многоножки:

– Там... Эта тварь там. Вон, сидит. Лежит.

Анубис, не задавая лишних вопросов, посуровел. Глаза вспыхнули мистическим голубым пламенем. Владыка мертвых шагнул вперед, стал между мной и сколопендрой. Многоножка подняла глаза-бусинки на Анубиса. Щелкнув пару раз жвалами в сторону бога, повернула морду ко мне.

– Пожалуйста, защитите... – я схватился за металлическую юбку Анубиса.

Бог загробного мира, похоже, не видит сколопендру, вращает мордой по сторонам. Я ощущаю исходящие от него потоки силы, разливающиеся вокруг. Стену за моей спиной корёжит. Мутная субстанция трескается и хрустит. Бросив на меня сосредоточенный взгляд, Анубис неожиданно отпустил посох. Кривая деревяшка зависла в воздухе. Когтистая рука бога щелкнула пальцами. Оголовье посоха вспыхнуло, раз-

дувая из наверхшия идеально круглый, неонового цвета пузырь. Теперь мы окружены защитной сферой и многоножке это явно не нравится. Сколопендра закутилась на месте, издала стрекочущий пронзительный звук. В следующий миг песок пришел в движение. Десятки, сотни сегментированных продолговатых тел выползают из-под песка, окружают нас со всех сторон. Анубис, видимо, что-то почувствовав, подобрался. Неужели он не видит и не слышит происходящего вокруг? Его пустыня живая, она вся состоит из этих тварей!

Многоножка подняла свое сегментированное тело в воздух.

– Она собирается прыгнуть! – крикнул я в спину богу песков.

Пузырь вокруг нас тут же уплотнился, а затем:

– БОМ—М!

– БОМ—М!

– БОМ—М—М! – сколопендра врезалась в сферу, вызвав внутри звук колокольного набата.

Защитный пузырь дрожит и трескается от сотен ударов. Твари, что врезаются в него, повисают на шарообразной поверхности, соскальзывают в песок.

– Где они? – рыкнул Анубис, вращая головой по сторонам.

– Везде! – в отчаянии выкрикнул я, осматривая сплошное живое марево вокруг нас.

Пустыни больше не нет. Куда не кинь взгляд, везде чер-

ный хитин извивающихся тел. Сколопендры лезут на поверхность, недовольно верещат, выгибаются, чтобы в следующий миг запустить себя в защитный купол Анубиса. Повелитель мертвых что-то прорычал на непонятном мне языке, широко замахнулся. Резко выбросив вперед свою когтистую ручищу, человек-волк пробил купол, сдавил до хруста одну из прилипших к пузырю многоножек. Дернув на себя хитиновую тварь, Анубис втянул её внутрь. Голодная зверюга крутится в его руке, щелкает пастью. Сколопендра пытается ухватить бога за конечность.

Анубис медленно повернулся. Перевел изумленный взгляд с извивающейся твари на меня.

– Я же говорил! – дернулся я подальше от визжащей сколопендры.

Но Анубис, кажется, не слышит. Владыка мертвых шагнул ко мне, словно котенка поднял в воздух и со всего замаха швырнул в стену. Я влетел в оживший кисель. В голове раздался хлопок. Мозг взорвался шумом старого советского телевизора, канал которого неожиданно запорошило помехами, а звук выкрутили на максимум. Перед глазами поплыли алые круги, уши заложило. Странные символы сыплются через мое сознание. Я ощущаю себя под водопадом из непонятных закорючек, знаков, фигур, цифр. Мутный гель тащит меня в свое мерзкое нутро, неотвратимо и жадно. В глазах рябит бело-черными полосами.

Последнее что помню – ярчайшая красная вспышка в со-

знанни, а затем быстрый поток текста:

Анализ субъекта...

Имя: Максим.

Ошибка...

Ошибка...

Присвоен навык: Ненасытное нутро.

Подбор параметров...

Выбор класса...

Готово.

Добро пожаловать в мир, Поедатель!

Глава 3

Базолг, первый гвардеец Анубиса, почуяла проблемы за мгновение до того, как в зал ворвался повелитель. Огромный, в несколько раз выше и массивнее обычного, хозяин представлял из себя жуткое зрелище. Гипертрофированная саблевидная пасть, вытянутый струной зрачок, вздыбленная шерсть и хлещущий из стороны в сторону хвост. Анубис, выпрыгнув из воронки портала, гортанно рыкнул, двинулся к своему трону. Воздух в помещении резко загустел, пространство вокруг повелителя мертвых исказилось. Базолг к этому времени уже активировала с десяток умений, торопливо укрепляя доспех. Последнее такое появление повелителя закончилось лично для неё лопнувшими глазами, не выдержавшими близкий контакт. Сидеть потом ждать, пока регенерация сделает свое дело, не самое приятное занятие. Лучше с головой обвешаться магическими щитами и потом ходить с недомоганием, чем остаться без глаз.

Тем временем, Анубис неумолимой стеной надвигался. Взлохмаченный и злой, кидая по сторонам кровожадные взгляды, хозяин песков шел по красной махровой дорожке мимо многочисленных статуй и колонн. Его крючковатый посох, зажатый в левой руке, казался игрушечным на фоне этого огромного ошестинившегося зверя. Видимо, что-то вспомним, Анубис зло посмотрел на деревяшку, наотмашь

швырнул бедную корягу куда-то в сторону. Раздался хруст и треск разбитой посуды, любимая ваза госпожи Шимассы разлетелась осколками.

Анубис, даже не сообразив, что натворил, подошёл к трону. Только сейчас первый гвардеец увидела, что правая рука хозяина сжимает какую-то мерзкую тварь. Хитиновая черная гусеница гневно пищит и извивается, новорит выскользнуть из мертвой хватки бога песков. Скосив взгляд на сколопендру, Анубис выставил в сторону левую руку, распахнул ладонь. В этот же миг в руку повелителя прилетело массивное тяжелое копьё – одно из тех, что держат монструозные скульптуры легионеров по обе стороны коридора. Одним мощным движением повелитель мертвых нанизал хитиновую тварь на копьё, насквозь пробил сегментированное тело жуткого монстра. С кровожадным оскалом Анубис ещё несколько мгновений упивался предсмертными конвульсиями сколопендры, после чего вогнал копьё тупым древком в каменный пол. Помещение вздрогнуло от удара.

– ВАГАБОНГ! – раздался предвкушающий рык хозяина.

Базолг скосила взгляд. Второй гвардеец, до этого момента непринужденно развалившийся на резной каменной скамейке, сейчас скатился на пол. Вагабонг судорожно пытался встать на одно колено, не контролируя дрожь в собственных конечностях.

«Идиот», – успела подумать Базолг, прежде чем Анубис появился прямо перед несчастным.

Огромной когтистой лапой схватив последнего за горло, владыка мертвых словно тряпку вздернул гвардейца в воздух.

– Сейчас же отправляешься в сектор людей. Понятно?!

Несчастный идиот, что не успел вовремя сообразить в какую жопу они тут все встряли, конвульсивно трепыхался в воздухе, гремел доспехами. Красная от прилившей крови голова покрылась вздувшимися венами, глаза бедного Вагабонга медленно лезли из орбит. Тем не менее, надо отдать ему должное, это тело, хрипя и вздрагивая, умудрилось криво, но покивать головой.

– Запечатаеть весь сектор. Чтобы ни одна тварь туда даже нос не сунула!! – Анубис рычал, сверля взглядом несчастного.

Даже отсюда, стоя у трона повелителя, Базолг слышала жалобный хруст шейных позвонков второго гвардейца.

– И разберись какого хе.. – повелитель на секунду стушевался, что-то припоминая, – ...какого хера там происходит! ТЫ. МЕНЯ. ПОНЯЛ?

Под потолком что-то треснуло. Базолг, обливаясь холодным потом, продолжала накидывать на себя щиты. Доспех уже гудит от энергии, но девушка продолжала без остановки активировать нужные навыки. Требовалось успеть до того момента, как очередь дойдет и до неё. Анубис продолжал сверлить взглядом Вагабонга. Лицо гвардейца готово было взорваться кровавым фонтаном, глаза практически заката-

лись, язык вывалился изо рта. Повелитель мертвых, не выдержав, рявкнул:

– ВЫПОЛНЯЙ!

Мощнейший бросок когтистой лапы живым снарядом швырнул несчастного Вагабонга по воздуху. У входа в пирамиду открылось черное марево портала, безвольная кукла, гремя доспехами, с гудением пронеслась по помещению. Фигура гвардейца ухнула в пространственную воронку, портал тут же закрылся.

– БАЗОЛГ! – раздался пробирающий до дрожи рык.

«Мамочки, мамочки» – запричитала в уме побледневшая девушка.

Но, рухнув на одно колено, гвардеец кое-как сумела выдать из себя:

– Да, п—повелитель!

Появившись прямо перед её лицом, Анубис слегка сбавил тон, продолжил:

– Базолг, дорогая, отправляешься в столицу. Разыщи в библиотеке любые упоминания..., – Анубис повернулся в сторону пронзенной копьем сколопендры, – об этом. Всё, что сможешь найти, копируешь и тащишь сюда, понятно?

– Да! – пискнула, белая как мел Базолг.

Хозяин сейчас нависал над ней всей своей огромной тушей, придиричиво изучая взглядом желтых, полыхающих глаз.

– Когда справишься, отправляйся к Шепчущему в ночи.

Передай, что я готов обсудить его предложение. За ответную услугу. Поняла?

– Да! – снова пискнула девушка, из последних сил пытаюсь держаться в сознании.

В таком вот состоянии Анубис не контролировал собственных сил. Потому все, что находилось рядом с ним, корежило и крутило. Как сейчас корежило и крутило несчастную Базолг. Потолок в очередной раз глухо треснул, осыпавшись прямо на голову гвардейца мелкими камушками.

– Выполняй!

Дрожащая и чуть ли не всхлиывающая девушка тут же встала, попятилась в открывшийся за спиной портал. Уже где-то издалека до ушей Базолг донеслось:

– ЛОБРИГУС!

– Да, п—повелитель!

– ГДЕ. МОЙ. ПОСОХ?

Глава 4

Могильная плита. Уровень 0—99

Начальный сектор Улк—Атан

Очнулся я внезапно, покачиваясь, сел. Яркий неоновый свет бьет в глаза даже через плотно сомкнутые веки. С пронзительным свистом в голову прилетел непонятный снаряд. По ощущениям прямиком из стратосферы. Удар чего-то острого и твердого пришелся строго в затылок. Меня кинуло лицом на шершавую, испещренную глубокими бороздами землю, фиолетовый свет в глазах сменился бордовым, сознание кануло в темноту.

Отличное начало.

Затылок саднит, накатывает тошнота. Я лежу лицом в землю, боясь пошевелиться. Нужно выждать. Мало ли, ещё одна «пуля» прилетит мне в голову. Вот неподалеку быстро протопали. Через несколько секунд позади меня хлопнуло, тяжело ступая, мимо прошел кто-то грузный. Послышался басовитый хмык, неизвестный удалился вперед. Неоновый

свет по-прежнему бьет в закрытые глаза. Пожалуй, их стоит открыть, угроза миновала.

Выждав десяток секунд, решил подниматься. Медленно, ибо тошнит. Зрение, как оказалось, в порядке. Просто высоко над головой висит огромный неоновый диск. Фиолетовое светило окрашивает окружающее пространство в такой непривычный для меня цвет. Огляделся. Могу сказать, что земля подо мной не земля вовсе. Выщербленный камень с глубокими трещинами и прорезями. То-то я думал, словно лежу на какой-то тёрке. Сконцентрировавшись на чувствах и запахах, понял, что повсюду разлит сладкий аромат. Манящий, дурманящий сознание.

– Кстати, – пробормотал себе под нос.

Застыв в небольшой рытвине, рядом со мной торчит пятиугольный жетон, измазанный во что-то буро-красное. Я инстинктивно потянулся к затылку. Пальцы нащупали влажную, надорванную плоть, голова разразилась тупой болью. Я испуганно одернул руку, поднял странный жетон. Вот, значит, что прилетело мне в голову. Пятиугольный каменный блинчик на грубой нитке. В центре медальона выпуклое изображение: два человеческих языка, что облизывают друг друга. Чем дальше я рассматриваю жетон – подвеску, тем сильнее поднимается из глубин сознания тот самый шум помех советского телевизора. В глазах начинает рябить, поверх жетона ползут пьяные буквы. Знакомые, вполне себе обычные русские буквы. Словно жирные черви, они лезут друг к

другу, формируются в слова

Подвеска поедателя

Даже не знаю: удивляться или нет? Куда я попал, в симуляцию компьютерной игры? А где интерфейс, значки, иконки? Это и есть тот «в некоторой степени» материальный мир, о котором рассказывал Анубис? Всё очень странно. Пятиугольник на грубой нитке неожиданно щелкнул. Вслед за этим, жетон раскололся на две одинаковые половинки.

– Какого хе...

Договорить не успел, ибо мне в спину прилетел сочный пинок.

– Свалил, кретин! – удар босой ступни заставил вспахать лицом каменную плиту.

«Какого черта?!» – я подскочил на ноги.

Пытаюсь собрать плавающее в глазах изображение. Хочется найти того, кто это сделал. Вот только кто конкретно пнул меня, если вокруг десятки людей? Приветствуя друг друга, народ собирается в кучу, движется вперед. Те самые вспышки, что я видел ещё по ту сторону стены, не прекращаются. Молодые парни и девушки, мужчины и женщины – мимо меня проходят все новые и новые люди, появляясь в причудливых всполохах света. Неизвестные рассматривают моё, без преувеличения, вытянутое от удивления лицо, кидают косые взгляды.

– Привет! – я пытаюсь быть вежливым, улыбнулся.

– Свалил в сторону! – получил в ответ удар босой ноги.

Блондинистая фифа, не скрывая презрительный взгляд, продефилировала мимо. Мы несколько секунд смотрели друга на друга: я со злостью и обидой, она с усмешкой и презрением. Но вот дамочке, видимо, надоело. Задрав нос, отвернулась, без оглядки зашагала вперед. Как-то это не вежливо. Я к такому не привык.

Обратил внимание, что все эти незнакомцы вокруг меня выглядят иначе. Все как под копирку: стройные, спортивные, уверенные в себе. Одеты в синюю униформу: штаны свободного кроя, просторная рубашка, грубая веревка у пояса. Одежда пестрит символами и рисунками. Среди всех прочих выделяется изображение двукрылого человечка. Неизвестные поголовно блондины и у каждого на груди жетон, сродни моему. А ещё надрезана рубаха в области сердца

У неизвестных над головами висят строчки текста:

Лет'су, воин, 1 ур.

Последователь Улк-Атан

...

Лет'су, маг, 1 ур.

Последователь Улк-Атан

...

Лет'су, фантом, 1 ур.

Последователь Улк-Атан

Текст поверх голов, классы, уровни. Всё ещё хочется думать, что происходящее дурной сон. Но я помню пустыню,

видел Анубиса, запомнил его слова. Все это более чем реально. Ну, насколько возможно для мертвых, вроде меня. Сопровождаемые яркими всполохами, незнакомцы продолжают прибывать на это скалистое плато. Народ тут же устремляется вперед, ступая босыми ногами по выщербленному камню. Я провожаю хмурым взглядом многочисленные фигуры. На контакт со мной так никто и не пошел. Зато я получил ещё один пинок босой ноги и несколько презрительных «кретин, свали с дороги».

Прошло минут десять, прежде чем людской поток стал угасать. Вспышки возникают все реже. Прошло ещё каких-то полчаса. Теперь я сижу в одиночестве. Сижу и понимаю, что все это время я продолжал приноживаться. Вот уже почти час я пытаюсь определить, откуда струится этот дурманящий аромат. Где же источник сладкого запаха, как мне его найти? Он так манит меня, зовет, тянет куда-то... вперед! На второй план отошли все вопросы о том, где я нахожусь и что делать. Люди, что ушли далеко вперед, меня больше не тревожат. Та самая прозрачная стена, через которую я сюда попал, меня теперь не особо волнует. Сколопендра, Анубис, пустыня муртвых – к черту их. Важен лишь сладкий дурман.

– Не сходи с тропы, – шелест женского голоса в голове. – Не сходи с тропы, поедатель.

Мотнул головой, прогоняя голос, пошкрябал спину, где ещё не так давно были крылья. Культи снова на месте, но теперь мягкие и плоские. Странно. Действуя инстинктив-

но, я поцепил на шею свой разломанный надвое медальон, двинулся вперед. Внимательный и осторожный, влекомый манящим запахом, я продвигаюсь вглубь каменного плато. Далеко впереди невероятно плотная стена розового тумана, скрывающая черную громаду чего-то неизвестного. Через несколько минут я уже шагаю, наблюдая сизые потоки непонятной дымки. Аромат, что влечет меня вперед, становится все сильнее. Он идет откуда-то...

– Снизу, – пробормотал, заканчивая собственную мысль.

Оглянувшись по сторонам, припал к земле. Определенно, внизу запах сильнее! Как собака, я припустил вперед в поиске источника. Теперь, дурманящий мой разум аромат, кажется практически осязаемым, материальным. Вот-вот я поймаю его за хвост, просто и ненавязчиво загребу рукой, схвачу зубами!

Совсем скоро я кое-что нашел. Возможно, не совсем то, что искал. Мертвец, блондинка. Заостренное лицо, приятные черты лица, аккуратные брови и тонкие губы. Одна из тех, кто ушел вперед. Определить, что девушка мертва, оказалось несложно. Блондинка лежит ничком и не шевелится. Над ней нет поясняющих строчек текста, красные червяки букв не ползают над её головой. На минутку, меня немного напрягает тот факт, что слова, странным образом появляющиеся над людьми, делают это таким дебильным образом. Неужели нельзя как-то, ну не знаю, просто загореться светящейся табличкой? Что за черви, в непреодолимом порыве

ползущие друг к другу? Почему они красные, кривые?

Рассуждая на эту тему, я аккуратно перевернул блондинку. Рядом с телом обнаружилась не видимая до этого момента яма. Круглой формы с гладкими ровными краями. Со дна ямы на меня смотрит самый настоящий череп, уставился зеньками и щелкает зубами. Я вижу струйку белой дымки, выбегающей из этой ожившей головешки. Едва заметный дымок сквозит вверх каждый раз, когда черепушка беззвучно открывает рот. Словно загипнотизированный, я наклонился к черепу. Костяшка удивленно проследила за мной взглядом своих натуральных человеческих глаз. Понятия не имею, как они крепятся в его безжизненных глазницах, но факт. Черепок следит за мной, а открывает-закрывает челюсть. Беззвучно и монотонно: открыл-закрыл, снова открыл. Думается мне, в трезвом уме я бы наложил в штаны, после чего дал деру. Но сейчас? Даже не знаю. Я морально истощен. Как-то всё воспринимается через пласт стены под названием «пофигизм». И эта стена только что придавила меня собой. Нынешняя ситуация, конечно, нервирует и пугает. Но... Короче не знаю.

Я припал к земле, принюхался к дурману сизой дымки, покосился на костяшку. Череп покосился на меня. Жадно вдыхая потоки непонятного дыма, обратил внимание, как красные червяки собрались в слова. Буквы маячат прямо над черепком, подсказывают мне, на что же я такое напоролся:

Несчастный еретик, ур.20

Страж черных врат

– Еретик? – я удивленно повторил надпись вслух. – Страж?

Червяки алых букв расползаются обратно в свои невидимые норы, исчезают. Не знаю почему я решил, что они живут в норах, но эта мысль сидит теперь в моей голове крепко, надежно. Еретик, тем временем, нервно пялится на меня. Интересно, о чем он думает? Гадает, как я до сих пор не окачурился? Признаться, самому интересно. Головешка прекратила щелкать челюстью, поток дымки иссяк.

– Не понял! – я прильнул лицом к замершему черепку, занервничал.

Сладкий аромат теряется где-то под ним. Там, в глубине.

– Что мне с тобой делать? – шарясь руками по гладкой кости, спросил у последнего.

Ответа не последовало, я пожал плечами:

– Без обид, мужик, – посмотрел в удивленные глаза еретика.

Ну, мне почему-то думается, что он удивился. Особенно, когда я присел на корточки, схватил его за челюсть и со всей дури потянул. Единственное, что пришло мне в голову – вырвать головешку из своей норы. Источник сладкого аромата находится под ним, я это знаю. Что случится, когда башка еретика оторвется, неизвестно. Но апатия внутри меня уверенно пожалала плечами, махнула рукой, мол «по барабану, тяни, давай». А раз так, надо тянуть. Череп жалобно заскрипел,

затрещал и с громким «хрусь» лишился челюсти. Я отлетел назад, смешно вскинув руки, запустил несчастную челюсть под облака. Чертыхнувшись, быстро подобрался, осмотрелся. Костяшка тихо стукнула о плиту позади. Пришлось шустро подскочить и на всякий случай подобрать. Вернулся к черепу, рассматривая оторванную запчасть. Выползли из своих нор пьяные червяки:

Челюсть еретика (редкое)

Все мы играли в компьютерные игры, аналогия понятна. Думаю «редкое» означает качество. Вопрос только, зачем мне эта кость с зубами? Ровные, кстати, полный ряд.

– Прикольно, – я перевел взгляд на дико вращающий своими шарами череп.

Если мертвые могут охеревать, то именно это сейчас происходит с бедолагой. Такого вандализма головешка не ожидала, зуб даю. Хех.

– Так ладно, пора заканчивать, – схватив жалобно скрипнувший череп под основание, что есть мочи потянул.

Секунда, вторая. Я рвал жилы, пока не раздался характерный «хрусь». По инерции отлетел назад, запустив череп под облака. Не сумел удержать, бывает. Да и не важно, пусть летит. Струя сизого дыма с тихим гулом вырвалась наружу. Еретик оказался вмурован точно в центре норы и сейчас из его шейного позвонка в воздух бьет струя белесого дыма. Я как наркоман, не отдавая отчет собственным действиям, припал к этому потоку, жадно затянулся дымом. Изображе-

ние перед глазами поплыло. Чувствую, как накатывает дурман, галлюцинации уносят мое сознание в иные миры. Но я не могу остановиться. Мерещится, что языки на треснувшем амулете зашевелились, облизываются. Красные черви вылезают из своих нор. Их становится все больше. Что они мне пытаются сообщить?

Ядовитый дурман

Где-то на периферии зрения возникла новая строка текста. Мутнеющим взором, с трудом улавливая смысл, прочитал:

Ненасытное нутро:

1/1000

2/1000

3/1000

4/1000

5/1000

6/1000

....

Я рухнул лицом прямо в ямку, попытался удержаться в сознании. Чувствую тупую боль в районе лба. Тело быстро немеет, хочется пить.

Что я сделал, как только спало оцепенение? Правильно, я ломанулся вперед. Кинулся на поиски новой дозы. Сейчас

мне не нужно припадать к земле, изображая поискового пса. Я четко ощущаю запах, иду, влекомый этим странным ароматом. Разлитый в воздухе невидимым шлейфом, он заставляет меня плутать влево направо. На периферии зрения маячит текст, послушно меняет цифры таймер.

Ненасытное утро:

18/1000

19/1000

20/1000

...

В какой-то момент я понял, что начал спотыкаться. В очередной раз, чуть не вывихнув ногу, полетел на землю, больно ободрал руки. Мотнул головой, с трудом возвращая рассудок, осмотрелся. До меня дошло, что я уже некоторое время просто иду по трупам. Сотни тел в синих одеждах, сотни блондинистых голов, чьи лица высыхают на глазах. Впалые глазницы, сухие потрескавшиеся губы, осыпающиеся пожухлые волосы. Иероглифы на одеждах больше не светятся, красные черви букв не пишут текст над головами. Но это не важно, потому что я уже у цели. Ещё несколько метров вперед. Теперь направо. Правее, ещё правее! Здесь, под этим трупом!

Я оттолкнул мертвого блондина. Еретик. Смотрит на меня, водит шарами своих глаз.

– Ну, привет!, – пробормотал дурным голосом костяшке, улыбнулся черепку.

Наверное, стоило просто выдрать его из норы, но я полез отрывать челюсть. Обрадованный быстрым успехом, принялся за остальное. Еретик двадцатого уровня люто вращал глазенками, пока я со всей дури тянул. Наконец-то выдрав головешку и откинув в сторону, припал к фонтанчику сизого дыма. Я впитываю его, жадно вдыхаю, чтобы снова уронить голову в яму. Одеревеневшее тело теряет контроль.

Ненасытное нутро:

26/1000

27/1000

28/1000

29/1000

...

Циферблат в моей голове накручивает счетчик. Количество растет, как снежный ком. Пока я лежал мертвым грузом, где-то впереди слышались голоса. Десятки самых разных, глухих и, наоборот, возбужденных. Они там, впереди. Но я туда пока не пойду! Счетчик в голове замедляется.

Ненасытное нутро:

46/1000

Шатаюсь, поднялся. Спотыкаясь и перешагивая тела, двинул к очередному спрятавшемуся от меня черепку. Я их найду, всех найду! Не спрячетесь от меня... Что это в руке? Аа, челюсть... Надо засунуть в карман. Зубы – это хорошо.

Ядовитый дурман отпустил примерно через несколько часов. Как я понял? Внезапно. Я внезапно обнаружил себя в куче человеческих челюстей. Голова гудит, воздух, что я выдыхаю, сизый. Специально набрал в грудь побольше, «хукнул», проверяя. Дымок струится из моего рта. Счетчик в голове давно уже замер.

Ненасытное утро:

660/1000

– Нормально так... – пробормотал себе под нос.

Я старательно прогоняю из головы воспоминания последних событий. Черепа, трупы беловолосых людей. Кажется, я хохотал, выдирая очередную головешку из норы. Всё как в тумане. Образы размыты, оборванны. А ещё так болит голова, что просто ужас.

– Господи, что происходит? – приложил руки к лицу, закрываясь.

Собственный голос эхом отозвался в голове. Впереди послышалась человеческая речь. Я замер, прислушиваясь. Определенно, там люди. Думаю, те самые блондины в синих одеждах. Передо мной очень плотная дымка тумана. Проморгавшись, сбрасывая остатки помутнения, всмотрелся. Расплывчатые силуэты. Много людей, несколько десятков. Я слышу мужские и женские возгласы, вижу фигуры, сную-

щие по сторонам. Нужно идти вперед. В этот раз я поговорю с ними, получу ответы на свои вопросы. Узнаю, что, в конце концов, происходит!

С трудом пробившись сквозь такой неестественно плотный туман, вывалился у самой его границы. Впереди огромная толпа. Вокруг разлита темнота, черное небо над головой. Огромный диск неоновой лампы в небесах. Но теперь он не погружает мир в оттенки фиолетового. Толпа гудит, десятки парней и девушек, мужчин и женщин столпились в одном месте, что-то обсуждают. Все они замерли напротив огромных черных врат. Врата закрыты, дальше хода нет. Слева и справа обрыв. Это уступ.

– Эй, народ! – позвал, привлекая внимание. – Эй!

Дернувшись на голос, платиновая блондинка повернулась в мою сторону. Я её узнал! Та самая фифа! Ещё обзывалась на меня. Что, не ждала встречи?

– Привет, – скалясь от уха до уха, помахал ей рукой, улыбнулся во всю ширину морды лица.

Девушка резко побледнела, вздрогнула от моих слов. Блондинка судорожно вцепилась обеими руками в стоявшего рядом парня. Неистово дергает того, трясет паренька, будто хочет содрать с него рубашку.

– ДА ЧТО ТЫ ТАМ... – уж завелся парень, оборачиваясь.

Глянув на ошалевшую бабенку, блондин проследил за её взглядом, увидел меня.

– Привет! – я как можно дружелюбнее помахал рукой.

Надеюсь, хоть этот вменяемый. Парень вздрогнул, резко пнул локтем своего соседа в толпе. Народ, как по цепочке, стал оборачиваться в мою сторону, затихать. Я начинаю нервничать. Эти выражения их дергающихся лиц, наступающее следом молчание. У меня нет предвзятого отношения к блондинкам, но уж как-то странно себя ведет эта толпа. Вот практически в полной тишине ко мне обернулся здоровенный мужик. Самый высокий и мускулистый среди всех.

– Привет! – блин, надоедает, но поздороваться надо.

О, кажется, он что-то скажет, вон даже рот открыл.

– Всемогущая Улк—Атан... – задрожал мужик, уставившись на меня. – Что это за тварь?

Не понял. Это он про кого сейчас?

Глава 5

– Анубис, открой Око!

По красной махровой дорожке, вдоль огромных каменных колонн и величественных статуй неслась, если можно так сказать, расфуфыренная блондинка.

«Расфуфер—ренная», – покрутил на языке забавное слово Анубис. – «И придумают же эти смертные».

Быстрый цокот каблучков то и дело сменялся сбитым уха-нем и хлопками. Глядя на то, как бегущая к его трону Улк—Атан пыталась на ходу взлететь, бог песков удовлетворенно хмыкнул.

«Ну да, не полетаешь», – окидывая взглядом колонны и статуи, подумал Анубис. – «Специально расставлял».

Тронный зал хозяина пустыни сейчас едва ли напоминает то захудалое помещение, что он принял по долгу службы. Пыль сменила позолота, некогда пустые стены сейчас украшают работы бессмертных мастеров, чистота и порядок царят в каждом уголке этой пирамиды. Гвардейцы Анубиса так и вовсе вызывают зависть и восхищение, а некоторые откровенный страх. Повелитель мертвых удовлетворенно вспомнил о Шэдоксе, его третьем гвардейце. Вот уж где по-настоящему ходячий кошмар.

Тем временем, Улк—Атан подлетела к ступеням трона. На её счастье, куриных мозгов в блондинистой голове хва-

тило, чтобы не подходить ближе. Подняться к Анубису мог не каждый, и уже тем более не кто-то подобный. О скудном уме мечущейся у ступеней блондинки говорило многое. Пожалуй, самым показательным моментом является её привычка без оглядки навязывать собственный пантеон новым расам. И так, по статистике, половина оказывается полными бездарями, а в случае с этой недалекой богиней вселенная откровенно повеселилась. Четыре из пяти рас, принявших культ Улк—Атан, полные ничтожества. Выделяется лишь раса *лет'су*, одна из множества в поясе Альфа – Центавра. Эти фанатики известны своей привычкой красить волосы в белый перед ритуальным самоубийством. Раса давно перешагнула отведенный системой рубеж. Несколько тысяч циклов назад, наверное. Анубис уже и не вспомнит точно.

Был ещё вопрос, как эта курица умудряется быть первой в вопросе «навяжу свой культ новеньким и клала я на остальных богов» и почему на её поведение предпочитают закрывать глаза. Ну, Анубис, конечно, знает, но тем не менее. Улк—Атан обладает специфической репутацией, меняя постель с умопомрачительной скоростью. Бог песков не удивился бы, скажи ему, что эта мокрая курица побывала в кровати у каждого из первой сотни.

Кстати, по поводу мокрой курицы. В сторону бывшего прогуса Система сделала странный выверт. При покорении блондинкой планки «бог», её когда-то белоснежные крылья обрели вид мокрой тряпки. Грязная вода с её пернатых ко-

нечностей никогда не перестает литься на землю. Благо, эффект лишь визуальный. Иначе, пришлось бы за шкуру вышвырнуть её из помещения. Эту бордовую дорожку Анубис сам выбирал и очень любил. Но в остальном, конечно, блондинка высший сорт. Точеная фигурка, выдающиеся формы. Приталенное шелковое платье выгодно подчеркивает достоинства этой... божественной проститутки. От пришедшего на ум сравнения Анубис чуть не скатился с трона, с трудом удержал невозмутимое выражение лица.

Тем временем, у входа в пирамиду появился новый проситель. К трону Анубиса шло живое подтверждение его мыслям о быстро меняющихся койках.

«Смазливая мордашка забралась в постель О'Солуте, пятому номеру в рейтинге», – отметил хозяин песков.

Мягко ступая, Шепчущий в ночи, он же О'Солуте, поднялся к трону Анубиса. Бог песков перевел взгляд на гостя. Ну да, этот как обычно в своей огромной черной рясе, лишь тлеющие угольки глаз горят из-под капюшона.

– Извини её, Анубис, – неглубоко поклонился старый бог, обернулся к нервно суесящейся у ступеней трона Улк—Атан. – Ситуация не располагает. Почти четыре сотни душ пропало. Остальные шепчут имя своей госпожи, словно встретили весь пятый и шестой сектор разом. Прошу, позволь взглянуть. Мы хотим узнать, что происходит у черных врат Могильной плиты.

Анубис встал со своего трона, взял парящий в воздухе по-

сох, не спеша спустился. Игнорируя что-то там бормочущую Улк—Атан, вышел к центру помещения, замер. Шепчущий с блондинкой быстро заняли места в десятке метров напротив. В комнате появилась фиолетовая сфера. Зависнув под толком, шар обратился желтым глазом с вертикальным зрачком, распахнулся. Заструился свет, проецируя вниз изображение. В помещении воцарилась тишина, боги рассматривали ожившую картинку.

Скалистый обрыв, у самого края черные ворота. Широкие и массивные, занимающие практически все доступное пространство, ворота закрыты. Рядом толпятся люди, жмутся, теснят друг друга к черному камню. С противоположной стороны обрыва, аккуратно возле стены плотного тумана, стоит кто-то, что-то.

– Анубис, что это за тварь? – Шепчущий как всегда лаконичен.

Присутствующие в зале смотрели на нечто, отдаленно напоминающее человека. Ну, можно сказать бог песков догадывается, что это за тварь. По характерным культам, что торчат из её спины. Сейчас эти отростки скорее напоминают неестественной длины два языка, что шевелятся и облизывают друг друга, извиваются мерзкими червями. Над головой твари витает торнадо из призрачных черепов, порывается вырваться из плена вихря, кинуться в сторону жмущейся в ужасе толпы. Лицо человека – выщербленный череп, практически идеально гладкий, полированный. Белая кость и ша-

рики глаз считай единственное, что на нем сохранилось. Существо весело машет толпе рукой, вызывая конвульсивные подергивания нескольких десятков людей.

Анубис заметил, как дернулась Улк—Атан, ужас промелькнул на смазливой мордашке. В следующий миг блондинка потеряла над собой контроль. Дрожащий палец вытянулся в сторону проекции, прекрасное лицо исказила гримаса страха и отвращения:

– Убей её. Уничтожь тварь, Анубис!

Бог песков нервно дернул ухом:

– Душа вне моих границ. Никто не может вмешиваться, вы знаете правила.

– Ты, – выделил Шепчущий, – Можешь.

Анубис поднял свои светящиеся желтые глаза на фигуру в черном балахоне. Не отрывая взгляд, медленно проговорил:

– Это будет дорого стоить.

– Я оплачу, – красные угольки уставились на Анубиса.

Задумчиво пожевав губами, человек-волк позвал:

– Шэдокс.

Пространство по правую руку владыки мертвых внезапно рассыпалось осколками, заговорило:

– Да, мой гос-сподин.

Парочках присутствующих едва заметно вздрогнула. *Шэдокс, третий гвардеец Анубиса*, сейчас окончательно материализовался, явив свой образ. Спроси любого из богов кто это такой и получишь единоголосный ответ – тот, о ком луч-

ше не спрашивать. Песок, что обернули в грязные тряпки и заставили жить. Существо с двумя клинками, рукоятки которых торчат из-за спины. Хренова мумия-самурай, безглазая и безрукая. Раса, название которой до сих пор не могут определить в Храме наук. Единственный из гвардейцев, лично получивших разрешение Анубиса не преклонять колена. Шэдокс наводит ужас на всех гвардейцев божественного мира. Всего лишь 654 уровень, но произнесите это имя и любые разговоры об уровнях резко смолкнут. Чертово создание, которое в равной степени боятся и ненавидят. Пропади оно внезапно и мир вздохнет с облегчением.

Собственно, именно поэтому в такие моменты Анубис всегда держал его под рукой. Сильные мира сего должны помнить, у кого они в гостях и смертоносная безрукая тварь лучшее тому напоминание.

– Выпусти гончих, – сверля взглядом алые угольки Шепчущего, спокойно проговорил Анубис.

– Слуш—шаюсь, – прошелестело уже пустое пространство.

Тем временем, тварь как-то неуверенно шагнула к толпе. Горстка людей синхронно попятилась.

– Оно их убьет, Анубис! – божественная проститутка вновь начала истерить, заламывая руки.

Анубис, продолжая смотреть на проекцию, не повел и бровью. Неожиданно, тварь заозиралась, повернулась спиной к толпе, стала пятиться подальше от тумана. Из-за дым-

чатой стены показались уродливые морды собак, напоминающие жуткую помесь скарабея и пса. Гипертрофированная мускулатура, шипастый панцирь на спине и жуткого вида клыкаста морда с подрагивающими жвалами. Игнорируя толпу, собаки принялись окружать существо, тесня страшилище к черной бездне обрыва. Анубис в последний раз поднял глаза на парочку.

– Уничтожь тварь! – не раздумывая выплонула Улк—
Атан.

Анубис щелкнул пальцами. В ту же секунду гончие кинулись на свою цель, облепили со всех сторон, вырывая шматы мяса. Клубок из тел повалился на землю, чтобы через несколько мгновений кануть в пропасть, сорвавшись с уступа.

Когда Шепчущий и Анубис остались наедине, бог песков заговорил:

– Базолг.

Первый гвардеец, что все это время стояла каменным изваянием у трона, преклонила колено. Не меняя позы, вложила в открытую ладонь господина три черных, порванных куска пергамента. Красная вязь странными червями ползает по листам, образуя неизвестные символы, формирует слова, знаки, пиктограммы, собирается в картинку жуткой

многоножки и двукрылых человечков.

Заметив удивление в красных точках О'Солуте, Анубис хмыкнул:

– Оригиналы. Сделать копию, оказывается, невозможно.

Протянув насквозь черные, ветхие листки Шепчущему, Анубис проговорил:

– Двое суток на перевод и душа будет отпущена.

Красные угольки несколько мгновений смотрели на письмена, чей язык давно забыт.

– Обе души, Анубис.

– Перевод уже завтра.

– Договорились, – с этими словами Шепчущий осторожно забрал ветхие листки.

– По поводу вашего долга я решу позже.

Кинув взгляд на замолчавшего Анубиса, О'Солуте медленно поклонился, после чего исчез. В воздухе остался парить тлеющий черный пепел.

– Базолг.

– Да, повелитель!

– Приготовь портал в темную материю. Мне надо посоветоваться.

– Слушаюсь, господин!

– Базолг.

– Да, повелитель!

– Вагабонг появлялся?

– Нет...

– Как закончишь с порталом, найди его. Или то, что от него осталось. Выполняй.

Не обращая внимания на хозяйку помещения, Анубис, весь какой-то помятый и угрюмый, молча прошел к трону Шимассы. Щелкнув пальцами, создал себе самую обыкновенную каменную табуретку, подхватил её. Вместе с табуреткой отошел к стене, поставил, молча сел. Новый щелчок пальцев и перед молчаливым богом появился замызганного вида кусок неограненного булыжника. Вытянув руку, Анубис что-то прошептал. Во всполохе голубого пламени на когтистой ладони появился странного вида блестящий красный кирпич. Испещренный непонятными символами по бокам, с двух других сторон кирпич отличался изображением белой чашки с дымящимся черным напитком. Шимасса, что всё это время молча следила за объявившимся к ней нахалом, попыталась расшифровать загадочные письмена.

«ЖОКЕЙ»

Хитрым движением Анубис вскрыл кирпич. В тишине зала раздалось «тс—с», кирпич оказался пачкой странного коричневого порошка. Пока Шимасса пыталась сообразить, что же такое притащил Белигус в её тронный зал, бог загробного мира сунул морду в пачку, шумно вдохнул. Постояв так какое-то время, владыка мертвых с прибалдевшей улыбкой

выдохнул. Шима, наблюдая за этой немой сценой, откровенно закипала. Но прервать непонятный процесс пока не решалась.

Тем временем, Анубис немигающим взглядом уставился в крошечную вязь непонятных символов на пачке. Не шевелясь, бог песков, казалось, пытается расшифровать каракули.

– Хм—м, – владыка мертвых щелкнул пальцами, на булыжнике появилась амфора с кипящей водой.

Шимасса, уже намереваясь высказать этому придурку все, что о нем думает, поперхнулась: «Кипящая вода? Зачем ему здесь кипящая вода?»

– Белигус, прекращай этот спектакль! Ты меня уже заколе...

Шимасса не успела договорить, ибо левая ладонь бога песков загорелась синим пламенем. Анубис закрыл глаза, поднял свою горящую пламенем руку к собственной голове, коснулся когтистым пальцем виска. Секунду ничего не происходило, но вот бог загробного мира отвел руку, вытянул из своего разума фиолетовое марево плотного дыма. Дым тут же за клубился в шар. Шарик принялся увеличиваться, разрастаясь и формируясь в небольшую, идеально круглую сферу. Анубис медленно открыл глаза, небрежным движением отправил сферу в полет, в сторону богини. Больше ни на что не отвлекаясь, владыка мертвых вернулся к непонятным манипуляциям с черным порошком и кипящей во-

дой. Сфера, прекратив полет, выросла до огромного пузыря, спрятав внутри себя хозяйку помещения. Шимасса, что все это время с каменным выражением лица следила за Анубисом, оглянулась. Внутри пузыря возникли фигуры и образы: Анубис, пустыня мертвых, прозрачная стена и испуганный смертный. Царица ужаса вживую наблюдала воспоминания бога, вытянутые тем из собственной головы.

Когда шар наконец-то развеялся, прекратив транслировать воспоминания, помещение погрузилось в абсолютную тишину. Анубис к тому времени безучастно смотрел в пустоту, меланхолично помешивал черное варево в маленькой чашечке. Металлическая ложечка в его когтистой лапе выглядела крайне неуместно. Непонятная красная пачка, наполовину пустая, стояла на углу всё того же неотесанного булыжника.

– Это поедатель, – дрогнувшим голосом нарушила тишину Шима. – Ты выпустил в мир поедателя!

Анубис вздохнул, отпил из чашки:

– Хотел убедиться.

– Я надеюсь, он сдох?

– Девять из десяти, что нет.

Грустно подняв свои желтые глаза на обескураженную Шимассу, Анубис продолжил:

– Уже завтра Шепчущий расшифрует летописи забытых лет. Подозреваю, нас ждет второе пришествие.

Анубис не договорил, продолжил монотонно помешивать черную жижу в посуде. Его светящиеся желтые глаза неотрывно смотрели на царицу ужасов, молчаливо и внимательно. В какой—то миг Шимасса вздрогнула, в алых глазах старухи промелькнуло то, чего он так долго ждал.

– Погоди..., – проскрипело из темноты. – Но... их же целая планета!

«Дошло, наконец-то» – Анубис тяжело опустил голову.

– Если все они придут в мир, – задрожал голос старухи, – да что там! Если ещё хоть один попадет на ту сторону...

– Да всё-всё, не бухти, – рыкнул бог песков. – Второго раза не будет!

Анубис замолчал, уставился в черное варево. Помешивая напиток, да мерно постукивая крошечной ложечкой о стенку чашки, повелитель мертвых пробормотал в пустоту:

– Странно это всё. До сих пор не могу вспомнить, как умудрился выпустить его на ту сторону.

Глава 6

– Ну что, малыш, пообщался с людьми?

– Кто это?

– Твой ангел—хранитель.

– Боюсь, ты хреновый ангел.

– Это почему же?

– Я падаю в пропасть, пожираемый собаками.

– Тебя это волнует?

– Немного, я хочу жить.

– Зачем тебе жить, Максим? У тебя нет цели, нет воспоминаний, нет никого, кто думает о тебе.

– Это инстинкт.

– Хочешь, я расскажу тебе историю?

– Меня едят собаки. Правой руки уже нет, сейчас голову откусит. Засунь свою историю себе куда поглубже!

– Это вряд ли. Тебе придется послушать.

– Меня. Едят. Собаки.

– Глупости какие.

– Это почему же?

– Потому, что ты только что упал. Оглянись. Вон твоя собачка, лежит, хрипит.

– Было ещё две.

– Было, а теперь нет. Давай поговорим.

– Это будет быстрый разговор. Я себя плохо чувствую.

– Ничего, как раз успеем к началу.

– К началу чего?

– Скоро увидишь.

– Я понял. Ты не отстанешь. Давай, рассказывай свою историю.

– Это история про тебя Максим, про таких, как ты. Она начинается с того, что на заре мира существовала определенная категория души, не способная к реинкарнации. Появлялись эти души в существах, что сейчас называют себя «земляне». Когда очередной землянин погибал, его душа отправлялась в пустыню мертвых. Навечно. Время шло, пески забвения наполнялись душами. Они копились и прибавлялись, заполняли собой все пространство. Места становилось все меньше, другим душам стало некуда деваться, потому что в песках уже все занято. Система начала сбоить, нужно было срочно решать проблему. Пока вселенная пыталась что-то придумать, души, что витали вокруг пустыни мертвых в ожидании своей очереди, становилось все больше. Больше, больше, ещё больше. Несчастные, они начали сливаться друг с другом, образуя месиво сплошной субстанции, состоящей из теперь уже безликих, злых, непонятных образований.

– У меня правый глаз больше не видит.

– Потерпи, скоро все закончится. Итак, образований становилось все больше, масса субстанции росла. И совсем скоро это «ничто» превратилось во вполне конкретное су-

щество, обиженное на вас, Максим. На тех, кто привел к такому результату.

– Но, получается, мы ни в чем не виноваты.

– Получается, да не получается. Слушай дальше.

– У меня правый глаз не видит.

– У тебя и руки тоже нет.

– Нет.

– Слушай дальше. Злое и обиженное, оно принялось парить над пустыней, пытаясь дотянуться до вас – тех, кто был причиной всему. Тем временем, система тоже не сидела сложа руки. Тысячи сильнейших души были выдернуты из своих тел со всех уголков вселенной, чтобы образовать Легион. Если ты не понял, то я говорю о самых первых богах. Вселенная, паникуя, направила избранных к пустыне, чтобы дать бой страшному чудовищу. Пока легион двигался к намеченной цели, безымянная тварь нашла способ проникнуть в пески забвения. Злое и обиженное, существо хлынуло вниз, устроив бойню. Вселенная, не готовая потерять половину живых созданий разом, приказала системе срочно что-то придумать.

– Я начинаю догадываться.

– Молодец, но дослушай. Следуя приказу, система в срочном порядке наделила вас, землян, преимуществом. Вам дали крылья, чтобы хоть как-то уравнять шансы. Кровавая бойня обернулась противостоянием. Миллиарды миллиардов крылатых душ землян против огромной массы разлив-

шегося в пустыне Безымянного. От столь огромного числа соперников, пустыня набрала критическую массу, начала притягивать к себе всё вокруг: планеты, астероиды, солнечные системы. Пока в песках забвения шла немислимых масштабов сеча, вокруг пустыни образовалось кольцо обломков.

– Я сейчас в нем нахожусь, да?

– Да. Продолжим. Души землян и Безымянный уничтожали друг друга в огромных количествах. Численность обеих сторон стремительно уменьшалась, наполняя своими останками пустыню. В тот самый момент, когда близился финал этой грандиознейшей в истории вселенной бойни, к пустыне прибыл Легион. Безымянный, к этому времени практически победив, понял, что сейчас будет уничтожен. Бросив недобитые души землян, он ринулся из пустыни, преследуемый Легионом. Петляя в огромном кольце обломков, тварь оставила в нем половину себя, перехитрив богов. Огромный кусок её плоти принялся растворяться в этом лабиринте мусора, отвлекая легионеров и уводя за собой. В итоге, раненному зверю удалось сбежать.

Прошло несколько тысяч лет, прежде чем следы Безымянного отыскивались в далеком уголке вселенной. Когда Легион прибыл на место, оказалось, что тварь перестала существовать. Распавшись на миллионы частей, пробивая дыры в защите планет, Безымянный проникал в души живых, оставляя там частицу себя. Разобраться и отыскать все

миры, в которые он успел проникнуть, стало просто нереально. Лишь самый смердящий кусок обособили от остальной части. Так появился поделенный на шесть участков Сектор. Система вычеркнула старые названия миров, приписав лишь номера. Шесть секторов, что населяют существа, чьи души теперь больше чем на половину состоят из частицы Безымянного.

– Почему бы их просто не уничтожить?

– Потому что нельзя. Таков принцип мироздания. Нельзя вмешиваться в течение судеб, какими бы они ни были. Вселенная не может уничтожить часть себя. Ты бы отрезал себе руку, пусть она опухшая и кривая, но все равно рабочая?

– Понятно. Но ведь вмешалась до этого?

– Вмешалась. В первый и последний раз.

– Ясно. Что там дальше?

– Дальше Легион вернулся к пескам забвения. Тот огромный кусок твари, что остался отвлекать богов, так и не удалось добить. Прячась в обломках, кинутая половина Безымянного проникала в живых существ, что стали появляться в этом месте. Кольцо из частей планет, звезд, систем, сформировалось в целый новый мир, получивший имя Земли отчаяния. В этих местах начали появляться города и цивилизации, новые формы жизни, невообразимые новые виды разумных. И все это напитывалось остатками Безымянного.

Тем временем, система устраняла последствия бойни.

Мешанина из поверженных частей твари и души землян, что заполнила пески времени, была сброшена на внешнее кольцо – те самые Земли отчаяния. Сама территория была ограждена барьером с двух сторон, а в пустыне поставили того, чьей основной задачей стало сбрасывать вас в котел, отправляя на реинкарнацию принудительно.

– Что за тварь ест людей?

– Порождение Безымянного. Оставленный им вредитель. Запасной план твари, назначение которого – подготовить почву к следующему вторжению. Отгрызая у землян урылья, постепенно истощая, питаясь ими, червь ждет часа, когда вернется хозяин. Лишь котел сжигает тварь, когда душу отправляют на перерождение.

– А почему Анубис их не видит?

– Тысячелетия эволюции червя. Веками он приспособился скрываться от глаз владыки песков.

– Понятно...

– Итак. Тем временем, Легиону так же нужен был свой дом. Вырванные из тел, покинувшие свои миры, души теперь уже не могли вернуться обратно и не могли попасть в пески забвения. Так возник третий мир, последнее кольцо, Пантеон, мир богов. Он был возведен периметром вокруг Земель отчаяния. Закончив строительство, Легион принялись искать и добывать порождения Безымянного.

Шло время, количество легионеров уменьшалось. Боги погибали в пылу непрекращающихся битв. Тогда система ре-

шла пополнить ряды. Легион должен жить, чтобы подавлять размножение твари. Так появились циклы – время, что система отводит каждой конкретной расе. По окончании цикла её уровень духовного развития становится достаточным, чтобы соответствовать критериям. Тем критерием, по которым отбирались для сражения с Безымянным первые легионеры. Души, что миновали отведенный системой временной промежуток, принудительно отправлялись системой в Земли отчаяния. Те же, кто был не готов к подобной перспективе, в пески забвения.

– А земляне? Почему не отправили их добивать тварь?

– Потому что землян было слишком мало, и они были слишком травмированы. Состояние стало нестабильным. Души стали импульсивными, ожесточенными. Вероятно, это одна из причин, по которой цивилизации землян начали утонать в постоянной войне. Положение усугубляла сила, которую не решилась отбирать система. Крылья, а вместе с ними и огромная мощь, стали дополнительным источником, что подпитывал огонь войны. Системе в определенный момент пришлось вмешаться, заморозив способности живых и пустив цивилизацию по другому пути развития. Единственное, что земляне приобрели после бойни с Безымянным – желание выжить. Любой ценой. Другой такой расы, что так стремилась бы сохранить собственные жизни, во вселенной не найти. С тех пор для землян установлен отдельный таймер. И пока души не придут в себя, пока не до-

стигнут спокойствия, таймер будет сбрасываться. Как показывает история этой планеты, длиться это будет ещё долго. Очередной крах на подходе, и системе придется вмешаться, иначе в этот раз планета может погибнуть.

– Мда.

– Итак. Шло время. Поколения богов в Легионе менялись одно за другим. В конечном итоге настал тот день, когда боги уже не могли вспомнить, с чего все началось. Легион перестал являть собой то, чем должен быть. Он погряз в междоусобных распрях и войнах. Боги стали озабочены своим величием, стали искать власти, жаждали повелевать. Вместе с тем Пантеон разросся, достигнув огромных масштабов. По другую сторону, в Землях отчаяния, происходило то же самое. Они превратились в свой отдельный мир, где властвовала постоянная война, сражения, страх и безумие. Пропитанные душой Безымянного, мерзкие твари стали чем-то неотъемлемым, обыденным. Как неотвратимое зло они наводняли срединный мир. Души, что попадали в эти места, погибали, пожираемые тварями или убитые себе подобными. Те же, кто достигал в пылу битв определенного рубежа, возносились в Пантеон, пополняя ряды некогда бывшего Легиона. Эта закономерность стала восприниматься как лестница в новый лучший мир – на вершину пирамиды в цепочке эволюции. Весь этот жизненный круговорот, что творился в трех мирах, зациклился, придя к какому-то своему, особенно равносвию. И все бы ничего, си-

туация, казалось, разрешилась, пусть и таким замысловатым образом.

Однако, через определенное время семя Безымянного начало всходить. Души, что многие тысячелетия назад пропитались его частицей, те из них, чьи миры не удалось с точностью определить, к этому времени стали заполнять Пантеон. Как и все остальные, дождавшись окончания своего цикла, они отправлялись сражаться в Землях отчаяния, набирая необходимую силу, чтобы вознестись дальше. В момент, когда душа становилась крайне могущественной, в ней просыпался разум Безымянного. В Пантеоне начала накапливаться масса уже темных легионеров, темных богов. Эти создания сложно отличить от собратьев, потому что они стараются ничем не выдавать себя. Они живут среди остальных, затаившись, ждут своего часа. Два существа в одном: бог и частица разума мерзкой твари. Границы Земель было решено окончательно закрыть для богов. Легион мог в любой момент превратиться в свою полную противоположность. Система опасалась непредвиденных последствий. Но нужно было решение проблемы.

Вспомнили о вас. О тех, кто бился в самом первом сражении, в кровавой многомиллиардной мясорубке. Выбранная душа землянина была направлена в мир, дабы пройти свой путь по Землям отчаяния, закончив его в Пантеоне, уничтожая на своем пути все проявления Безымянного в обоих мирах. Покинув пески забвения, переступив границу, душа

превратилась в поедателя.

– Но почему именно земляне?

– *Потому что те, кто бился с Безымянным, как никто другой смогут распознать темную душу среди тысяч других.*

– А почему «поедатель»?

– *Проходя барьер, вы обретаёте способность находить и поглощать останки своих далеких предков, погибших в битве. Существо обретает силу и способности умершего тысячелетия назад.*

– Ясно. Тогда у меня вопрос.

– *Дай угадаю. Почему на тебя напали, если ты такой хороший?*

– Нет, этот будет следующим. Можно ли как-то попроще определить темную душу, а то слишком размытое определение «распознает».

– *Порой, система делает странный выверт в сторону зараженных частицей Безымянного. Достигая того рубежа, когда душа становится небожителем, система может изменить её обличье. Стоит сравнить оригинал и получившегося легионера, чтобы увидеть разницу. Но об этом никто не знает и таких случаев совсем не много.*

– Но ты знаешь. С кем я тогда говорю, если ты все знаешь?

– *Подумай над этим как-нибудь, если хочешь. Но сейчас, давай уже заканчивать.*

– Остался ещё один вопрос: почему меня пытались убить?

– Причины могут быть разные, но я скажу тебе следующее. Предыдущий поедатель, что был отправлен системой, выполнил свою задачу. Он прошел сквозь Земли отчаяния, достиг уровня бога. Землянин поднялся в Пантеон, сократил численность темных душ, в ком проснулась частица разума Безымянного. Вот только сократил он несколько больше, чем требовалось.

– Что-то я чую ... подвох.

– Душа, как позже выяснилось, все ещё была нестабильна. Землянин устроил резню таких масштабов, что в живых осталась небольшая кучка небожителей, что, кстати, до сих пор живы и помнят. Запись о том эпизоде, как напоминание, кто такие поедатели, сохранилась и по ныне.

– То есть меня объявят в розыск.

– Обязательно. И назначат награду за голову.

– Тогда у меня последний вопрос.

– Дай угадаю: зачем тебе это?

– Да. Зачем мне лезть в эту кашу?

– Как на счет твоего инстинкта самосохранения? Я предлагаю спасение. Если забыл – ты прямо сейчас умираешь, однорукий и одноглазый...

– Очень смешно!

– Максим, перед тобой новый дивный мир. Местами он лучше, местами хуже, но в большинстве своем, этот стихийно возникший мир невообразимо красив и безграничен. Ты можешь прожить очень долгую жизнь, насыщенную – да,

опасную – да, но без всяких сомнений очень интересную. Почему бы не попробовать? Найди себе место, стань сильнее, отвоюй столько пространства, сколько захочешь.

– Понятно.

– *Мир сильно изменился. Изменились боги, законы системы. Появились, например, гвардейцы. Почему бы не появиться вменяемому поедателю?*

– Гвардейцы?

– *Души, что по определенным причинам приняли покровительство богов.*

– И зачем им это?

– *Не каждая душа, попав в Земли отчаяния, способна пройти весь путь. Когда понимаешь, что риск окончательно и бесповоротно умереть, как оказалось, катастрофически высок – порой задумываешься над тем, чтобы искать помощи у сильнейшего. Сила и короткий путь через Земли прямо в Пантеон в обмен на вечный отказ возвыситься и самому стать тем самым легионером.*

– Понятно. А...

– *... на все остальные твои вопросы ответит время. На некоторые из них – уже сейчас твой медальон. Разберись, наконец, со своими способностями. Только не забывай про темных легионеров. Впрочем, про тебя они теперь точно не забудут. Хе—хе.*

– ...

– *Ну что, давай прощаться. Это тебе подарок за то, что*

дослушал.

Получено: Сухой язык, 1 ур.

Языков: + 1 (всего 3)

– Поднимайся, поедатель, давай глянем, изменились ли вы за семь тысяч лет.

– Постой... А если я погибну?

–...

–...

– Да по барабану, в общем-то.

– Охренеть...

– Ну что? – меланхолический голос повелителя песков эхом разнесся в тишине помещения.

– Всё сделано!

– Что ... «всё»? – в голосе Анубиса засквозили нотки раздражения.

– Всё!

«Идиот», – Базолг закатила глаза.

– Вагабонг, иди-ка сюда...

Глава 7

Дак это не шутка?! Из моей спины в самом деле торчат ленточные черви! Красные бичи выются подо мной, толкают мое изломанное тело, хотят, чтобы я поднимался. «Языки», как назвала их местная система, нетерпеливо колотят о землю тупыми мордами, норвят порубить врага на части. Собака, с моей теперь уже бывшей рукой в зубах, хрипит и дергается, но руку мою из пасти все равно не выпускает. Принципиальная что ли? Чувствую, как из моей спины вновь что-то лезет. Злая, голодная, серая каланча. Сухая и колючая на вид. Этот мерзкий питон только что продырявил брюхо псу-скарабею. Серая тентакля осушает монстра, выкачивает из него кишки, плоть, жизненные соки. Перед глазами маячит сообщение, радостно поздравляет с приобретением. Господи, в кого я превратился? От такого уroda теперь каждый встречный будет шарaxаться.

Кстати, мои дела плохи. Из плеча толчками бьет кровища, правый глаз не видит и вызывает тянущее чувство. Словно кто-то привязал шнурок к мозгам и подло за него дергает. В глазах... глазу, то и дело темнеет. Окружающая ночь с завидной постоянностью окрашивается в оттенки буро-малинового. Боль сводит меня с ума.

Шлеп. Шлеп.

К подножию скалы, где изломанная кукла моего тела пы-

тается подняться, сыпятся трупы в синих одеждах. Много-численные тела блондинов с веселым хрустом и чавканьем отскакивают при падении. Дергаясь и хрипя, ползут друг к другу. Горящие угольки их глаз внимательно смотрят на меня. Это так странно, наблюдать за ожившими мертвецами. Я с трудом ворочаю головой. Шея хрустит, постреливает во все стороны фонтанчиком крови. Высоко наверху, практически у черных небес, виднеется уступ. Уступ, с которого прилетел я, и откуда летят мертвецы. Красные черви букв уже собрались у них над головами

Не оправдавшие надежд, 16 ур.

Чьих надежд? Моих? Я на такое не надеялся, блин. Зачем вы сюда приперлись? Я помню вас мертвых, а не вот это вот всё! Сначала многоножка преследовала меня в пустыне, затем собаки, а теперь вот мертвецы бредут по следу. Права была космическая сущность. Не успел я «загрузиться» в новом мире, как уже настойчиво просят полежать мертвым. Ну уж нет!

– ГВУЭ-Э! – кучи слипшихся воедино тел пытаются поговорить со мной, шевелят десятком ртов одновременно.

– ГВУЭ-Э! – бесформенные уроды норовят подняться, побежать в мою сторону на торчащих отовсюду многочисленных руках.

Почему собственные ноги не слушаются? Вставай, Максим, вставай! Чертово непослушное тело. Всё болит, глаз не видит, голова норовит отвалиться. А ещё этот надрывный

плач позади меня. Женские подвывания режут слух, раздражают. У меня глюки?

– О—о—о, – протяжный, блаженный вздох произвольно вырвался из груди.

Я как наркоман, что получил дозу. По телу разливается приятная волна. Распухший серый кусок мяса перестал выкачивать из собаки внутренности, сытым питоном вернулся обратно. Напором, как из пожарного гидранта, в меня полилась жизнь. Рваная плоть на плече быстро рубцует, кровь перестала хлестать. Но лужа подо мной теперь знатная. Я удивленно перевожу взгляд с оживших мертвецов на свою левую руку. Вокруг запястья вертится хоровод из костей.

Челюсть еретика (редкое)

– Как вы тут оказались? – пробормотал, обращаясь к безжизненным костяшкам.

Так сложно говорить. Лицо будто онемело, не чувствую губ.

– ВУЭ-Э!

Ко мне выдвинулся «небесный десант». Мертвецы окончательно сформировались в безобразных уродов, бредут, катятся, ползут на своих многочисленных конечностях. С проблемой живого поедателя хотят разобраться здесь и сейчас.

– Фиг вам, – кое-как поднялся, расставил пошире ноги.

Не в состоянии отыскать какие-нибудь кнопки интерфейса, поднял единственную целую руку к глазам.

– Включайся? – попросил-приказал загадочному хорово-

ду на запястье.

Ненасытное нутро: 660/1000 (ядовитый дурман)

Активировать: Да/Нет?

Кажется, сработало.

– Да? – скорее спросил, чем ответил.

Вихрь из челюстей с тихим гулом завелся, стремительно набирает обороты. Пальцы сами собой сжались в кулак, в руке угрожающе хрустнуло. Поток жидкого тумана струится по моему лицу, шее, груди. Сизый дым перетекает в левую руку, переплетаясь с костяным вихрем, наполняя его. Я ощущаю мощь... силу.

– Какое странное умение, – пробормотал, прицеливаясь. – Надеюсь, оно стреляет...

Твари быстро приближаются, но я рискну, буду отбиваться.

ДА—ДАХ!

Жуткая, гудящая спираль из костей и белого марева сорвалась с моей руки. Кошмарный снаряд, казалось, мгновенно испарился, исчез с запястья.

БА—БАХ!

Я чуть не оглох. Ближайшего монстра разорвало на части, с головы до ног завалив меня кровью и ошметками тел. В скале напротив образовался невероятных размеров кратер.

Ненасытное нутро: 460/1000.

– Охренеть мясорубка, – я сглотнул подступивший к горлу ком, с опаской поглядел на свою руку.

С грозным «У—У—У», спираль уже набирает обороты. Ускоряясь с каждой секундой, жуткий бур засасывает в себя воздух. Реактивная херня на моей руке готовится в очередной раз жахнуть.

– Нахер, нахер, – я в панике вскинул руку.

ДА-ДАХ!

Очередного монстра разорвало на тряпки.

Ненасытное нутро: 260/1000.

– Господи...

Видимо, последняя куча подумала тоже самое, ибо резко развернулась. Многорукий безобразный монстр со всех ног ломанулся куда подальше.

ДА-ДАХ!

Ненасытное нутро: 60/1000.

Пока жуткий бур успокаивался, я обводил взглядом продырявленную скалу. Как после бомбежки, ей богу. Ещё раз с опаской посмотрел на собственную руку. Смертоносный хоровод костей остановился, замер кольцами вдоль запястья. Жидкий ручеек сизой дымки тянется обратно к моей голове. Прислушиваясь к затихающему грохоту, сел. Как мальчик, что неожиданно для самого себя взорвал боевую гранату. Признаться, я напуган. Языки за моей спиной попадали на землю.

– Откуда они там растут?! – обернулся, приглядываясь.

Всё понятно. Где раньше были крылья, теперь торчат эти черви. Два из левой лопатки и один из правой. Языки сонно шевелятся и дрожат, то поднимаются над моей головой, то вновь падают на землю. Тот, что подарила мне загадочная сущность, похож на утыканный колючками серый шланг с зубастой мордой. Я сосредоточился, замер, попытался управлять отростками. Тщетно. Языки лишь приподняли свои ленточные тела, повели тупыми мордами по сторонам. И как это все работает? Может, их прокачать как-то надо?

Внезапно, что-то екнуло в моей голове. Я обернулся в сторону изуродованной скалы. словно магнитом, тело потянуло к ошметкам тварей. В принципе, я могу сопротивляться этому странному порыву. Но может сходить, узнать в чем дело? Монстров размотало по всей, а от задохлого зомби-блондина я уж как-нибудь убегу. Поддавшись загадочному влечению, двинул к останкам. Так, а это что?

Ядро, 6 ур.

Крошечная бусина скромно валяется в ошметках. По виду черный жемчуг.

– Ядро, значит, – я подобрал вымазанный в крови кругляш, покрутил в руках.

Чувствую бурлящую в жемчужине энергию. Интересно. Какой-то подсказки от системы нет. Видимо, местное обучение только что закончилось. Мол, вот, смотри, это ядро. Бе-

ри, а дальше, как знаешь.

– Ну и ладно, – я сунул жемчуг в карман. – Потом разберусь.

Во всем этом сумбуре, что произошел за последние несколько минут, я отметил пару важных вещей. Обрубок плеча окончательно перестал кровоточить. Шея тоже не скрипит и не взрывается фонтанчиком крови. Спина все ещё постреливает болью, но терпеть можно. Думаю, стоит похвалить сухой язык за это. Не знаю по какому принципу работает живой насос, но дело свое делает. Собаку выпотрошил в считанные мгновения, сохранил жизнь своему хозяину. Если подумать, я довольно живуч. Упасть со скалы, переломать половину костей в собственном теле, лишиться руки. Но до сих пор жив. Аж самому страшно. Одна беда – глаз. Я аккуратно потянулся рукой, попробовал коснуться пострадавшего органа. Пальцы мазнули по гладкой, полированной поверхности щеки. Где там этот глаз...

– Погодите, – не понял я. – Какая ещё «полированная поверхность щеки»?

– Какого хрена...?! – в панике я ощупываю своё обглоданное костяное лицо.

Не выдержал, сел. Ибо дрожащие ноги не слушаются. Сел и затих. Убрал руку от лица, которого у меня теперь нет. Какое осознать подобное? Не знаю. Сижу и не знаю, что думать. Просто дайте мне пару минут побыть в одиночестве. Побыть в тишине.

Глава 8

Из прострации меня вывел тихий женский всхлип. Я проморгался, осматриваясь. Передо мной все та же скала, изуродованная кратерами взрывов костяной мясорубки. Левее обстрелянного места видно каменную лестницу. Вытесанные в породе огромные ступени ведут наверх, туда, откуда я свалился. А вон какой-то спуск – кривая дорожка убегает вниз, в темноту. За моей спиной раздался очередной еле слышимый всхлип. Я обернулся, наблюдая полукруглую границу обрыва. Это очередной уступ. У края виднеется россыпь массивных камней. Приличных таких размеров валуны, можно за ними спрятаться. Особенно вон за тем большим, что отсвечивает тусклым желтым светом с обратной стороны.

– Ладно, погоревал и хватит, – подбодрил сам себя, поднимаясь. – Потерянного не вернуть. Пойдем лучше проверим булыжник.

Я зашагал к намеченной цели. На ходу покосился на свои языки. Тупые морды выгнуты в сторону валуна, настороженно выются над моей головой. Эти красные бичи тянут меня назад, затрудняют ходьбу. Благо их всего три. Надеюсь, так и останется, ибо больше я не унесу. Стоило подойти к обозначенному камню, как меня встретил пронзительный визг. Аж уши заложило.

– Ну... привет, – я растерялся, не зная что сказать.

А что я должен говорить? Я думал ещё улыбнуться и помахать рукой. Но вспоминая прошлый опыт, резко передумал. Лучше просто постою понаблюдаю за этой... Где там красные червяки, давайте ползите из своих нор.

Вурк, маг, 4 ур.

На меня смотрит чудное создание женского пола. Вурк зажалась меж валунов и отчаянно елозит по земле ногами, пытается раствориться спиной в соседнем камне. Огромные, полные страха глаза безотрывно смотрят на меня, готовы выпрыгнуть из орбит. Впрочем, можно представить её состояние. Взрывы, грохот, многорукие ходячие куски мяса. А теперь вот пришло... такое как я, стоит, чего-то хочет. Языки между делом, словно принохиваются к незнакомому существу. Изгибаются в сторону ошалевшей девчонки, водят тупыми мордами.

«Только дырять тут никого не надо!» – мысленно попытался уgomонить подвижную серую каланчу за своей спиной.

Вечно голодная тентакля, ей богу. Ей что вурк, что собака – все едино. Но мой приказ вроде как сработал. Колючий шланг прекратил голодной коброй целиться в девчонку.

– Эй, – я мягко позвал незнакомку. – Э-эй!

Не отвечает. Ничего, подождем. Пусть придет в себя. Сбежать у неё врядли получится, языки не позволят. Я аккуратно присел на корточки, разглядывая местного мага. Плечо и спина отозвались ноющей болью, глаз, который не видит,

мерзко потянул за мозги. Стоило мне присесть, как это испуганное создание замерло, насторожилось. Ну и отлично, зато рассмотрим её получше. Благо в этом деле мне поможет её собственный фонарик, что на тонкой ножке торчит прямиком из головы. Смотрю на него, и вспоминается картинка одной глубоководной рыбы. Страшная такая, в Марианской впадине обитает. Дак вот. У той рыбины из головы торчит такой же фонарик. Светом этой лампочки она заманивает жертву к себе поближе, после чего сжирает. Вот, здесь тоже самое. Не уверен насчет «сжирает», но из головы вурка тянется белесого цвета ножка, увенчанная светящимся шариком. Сейчас этот шарик дрожит и едва заметно светится.

В остальном же, вурк похожа на обыкновенную девушку лет восемнадцати—двадцати. Худая, невысокая, в качественной одежде. Обувь из разряда «уги» по местной моде, юбка—сарафан, широкий кожаный ремень и кошель у пояса. Внешность у девчушки, между прочим, ничего. Глаза большие, я уже говорил. Лицо приятное и слегка... э—э округлое? Не уверен, просто щеки... короче щеки, да. Аккуратные пухлые губы, маленькие уши. Правое рассечено от мочки до середины раковины и скреплено металлической скобой. Завершают образ постриженные светлые волосы в стиле «каре». В общем, милая, только вид зареванный. На шее, кстати, висит амулет. Круглый каменный блинчик на толстой нитке. Только целый, в отличие от моего. Посередине выпуклое изображение пенька с фонариком на тонкой ножке.

Так, девушка приходит в себя. Выражение её больших голубых глаз принимает осмысленный вид. Лицо больше не представляет маску ужаса, сменилось выражением тревоги, поделенной на любопытство. Вот прям смотрю и чувствую, как в этом создании просыпается, крепчая с каждой секундой, пресловутое женское естество. Напротив неё сидит неведомая хрень с тентаклями и костяной мордой, а она уже тянется в мою сторону, словно желает пощупать. Вот ведь женщины.

– Привет, – я в очередной раз предпринял попытку.

Необходимо наладить с ней диалог. Нужна информация: где я, что вокруг, куда податься. Что-нибудь про уровни и классы. А ещё не помешает методичка о поедателях и справочник по темным легионерам.

– П—привет, – раздалось недоверчивое в ответ.

В районе её правой руки набирает силу красное марево тумана. Не понял... Вторя моим мыслям, перед глазами выскочило

Ненасытное нутро: 75/1000 (ядовитый дурман)

Активировать? Да/Нет.

Кольца на левой руке хрустнули, тронулись с места, набирая обороты. Языки, как по команде, выгнулись в сторону девчушки рассерженными змеями. Вурк вздрогнула, её живой фонарик практически затух, перестал отсвечивать. Но подозрительный алый туман в руке она не развеяла.

– Я тебе не враг, – пытаюсь разрядить обстановку.

Не хочется мне в лицо получить неизвестно чем. Не факт, конечно, что она успеет, уж больно приткие черви за моей спиной. Но тем не менее.

– Меня Максим зовут, – брякнул я банальное.

Ну и чего ты молчишь? Поздоровалась ведь со мной минуту назад. Ладно, сменим тактику. Я отсел подальше, прислонился спиной к гладкой поверхности камня, облегченно вздохнул, вытянул ноги. Языки вновь попадали на землю. Попутно вырубил фарш—машину на своей руке. Костяная мясорубка с тихим «у—у—у» заглохла. Поврежденный глаз, что больше не видит, с мерзким чувством вновь попытался вырвать мне мозг. Наверное, нерв дергается. Дрожащей рукой потянулся к поврежденному органу. Так и есть. Мягкий липкий шарик выкатился из глазницы, болтается на веревочке. Стараясь не грохнуться в обморок, воткнул глаз на положенное место. От жуткого «чпок» я и девушка оба вздрогнули. Так, с этим закончили. Давайте ещё одну попытку:

– Меня зовут Максим. Я хороший.

– П—привет.

Заклинило её что ли, не пойму:

– Привет.

Странный диалог у нас тут.

– Ч—что это было?

Это она про взрывы мои? Про червяков?

– Да как-то само собой получилось.

– С—спасибо, – неуверенно улыбнулась мне девушка.

– За что?

– За то что спас от монстров.

А, вот она о чем. Стоит ли говорить, что я же и виной случившемуся? Наверное, не стоит.

– Максим? – тихий дрожащий голосок вырвал меня из прострации.

– А? Да, Максим. Меня зовут Максим.

– А я, а я, а я... Странное имя «Максим».

Захотелось хлопнуть себя по лбу.

– И ты... странный, – боязливо протянуло это создание, осматривая меня своими большими глазами.

Спорить не буду, но взгляд сам собой уцепился за этот её фонарик. Кто бы тут говорил о странностях, между прочим. Девчонка резко потупилась. Видимо сообразила, что ляпнула. Вот—вот! Тоже мне, нашла странного. Вурк неловко поднялась, отряхнулась, рассматривая себя со всех сторон, осторожно покрутилась. Дымка в её правой руке окончательно развеялась. А быстро она все-таки очухалась. Здесь жуткие монстры, взрывы, странный человек с живыми змеями за спиной. А эта вон, крутится, сарафан свой осматривает. Женщины...

– Меня зовут... меня зовут... Странный у тебя амулет!

Рукалицо. Я опустил голову, разглядывая свой поломанный каменный блинчик. С мерзким «хлоп» глаз выкатился из орбиты, противно дернул.

– Ну... наверное, – поднял я взгляд на вурка, соглашаясь.

На что это она так испуганно смотрит? А, глаз. Ща вставлю обратно, начинает надоедать. Тем временем, незнакомка набралась храбрости. Девушка покинула свой угол, осторожно приблизилась ко мне. Языки, словно сонные мухи, потянулись в её сторону. Повисели, поводили тупыми мордами и вернулись обратно, попадали на землю. Понятно... Сторожевые сказали «чисто». Видимо, нечто подобное промелькнуло и в мозгах у незнакомки. Подвинувшись ещё ближе, девушка подобрала подол своего сарафана, присела рядом со мной на корточки, рассматривает меня с головы до ног. Фонарик этот её, правда, в глаз ярко светит. Ну и пусть, зато пахнет от неё приятно. Я глубоко вдохнул аромат, наслаждаюсь. Так по-домашнему, как на Земле. Ведь если задуматься, то это место, срединный мир, какой—то безжизненный. Всюду скалы да камни, темнота и неоновое светило высоко над головой.

– Меня зовут... меня зовут... – начала она уже уверенно. – Как ты тут оказался?

О, господи.

– Упал со скалы. Так получилось. А ты?

Похоже, мой вопрос она истолковала как-то по-своему.

– Умерла, – тихо прошептала «меня зовут». – Внезпно поняла, что стою в центре черного вихря. Перед глазами проносились странные образы: черные небеса, фиолетовое солнце, ужасные твари и картинки огромного летающего города. Он такой яркий, золотой, светлый! Мне так понравился! А

потом все резко прекратилось, и я оказалась тут. Вот...

– Понятно. А ты помнишь свою прошлую жизнь? Я вот не очень.

Сейчас проверим одну догадку. Гложат меня сомнения, что кому-то подчистили мозги. Кому-то в смысле мне. Девчушка вернулась в реальность, лицо стало грустным. Вурк тихо заговорила себе под нос:

– Да, хорошо помню. Мы с сестрой из бедного племени. У нас тяжелая жизнь... была. Когда стояла в черном вихре молилась не отправлять меня назад. Думала, сейчас воскресну и придется жить как раньше, испугалась. А потом черный дым пропал, и мы в городе появились. Сестра тоже оказалась тут. Все там появляются.

– Понятно, – вот и проверили. – Значит, ты тут с сестрой?

– Да. Она у меня сильная. Не то, что я, – почти прошептала незнакомка.

Её фонарик на мгновение практически потух. «Сильная» – какой смысл она вкладывает в эти слова? Выше уровнем? Больше способностей? Вурк сейчас четвертого уровня. Интересно, а какого я? Ответы на вопросы в амулете, как мне сказали, но ведь можно и так прояснить. Наблюдая за отрешенной мордашкой мага, что впала в какую-то прострацию, спросил:

– У тебя четвертый уровень, так?

– А? Да... Это очень мало.

Её большие глаза снова наполнились грустью, фонарик

потускнел:

– Я не могу сражаться, просто страшно. А сестра, она не такая, она сильная! Меня оставят одну, потому что слабая...

– Сильнее меня?

Вурк подняла на меня глаза, глянула поверх головы, неуверенно заговорила:

– Ну—у... думаю сильнее. Ты тоже четвертый, хоть и взрываешь все вокруг. Но сестра двадцатый, а может и больше. Она сильнее, мне кажется.

Понятно.

– А где сестра сейчас? И откуда ты пришла?

Вурк немного озадаченно, как мне показалось, посмотрела на меня. Но через секунду взгляд стал осмысленным, девушка заговорила:

– Мы все в городе живем. Он там, – девчонка повернулась на пятках, ткнула аккуратным пальчиком куда-то в темноту обрыва, – внизу. Сейчас очень темно и его не видно. Но, обычно, отсюда хорошо можно рассмотреть. Я иногда прихожу сюда тихонько посидеть, понаблюдать за городом.

– И не страшно? Одной.

– Тут никогда никого нет. Ты первый, кого я повстречала.

Взгляд *вурка* в очередной раз затуманился. Девушка, погрузившись в свои мысли, тихо прошептала:

– Сестра скоро уйдет от меня. Я слишком слабая. Все уходят дальше...

Уходят? Куда?

– Куда уходят?

– В следующий город. Так говорят. Все, кто стал сильнее, собираются группами и уходят. Здесь им больше делать нечего.

– Понятно... А как называется город куда все уходят?

– Я точно не знаю. «Кельтун» какой-то.

– Сестра тебя обязательно возьмет с собой, не переживай, – решил я подбодрить совсем уже повесившую нос вурка.

Встрепенувшись, девчужка зататорила:

– Меня зовут... меня зовут... меня зовут... Нет, не возьмет, – тихо пробубнела, так и не сказав своего имени. – Она в отряде. Там все высокого уровня. Меня не возьмут.

Её фонарик в очередной раз потух, мелко задрожал. В голове родилась догадка. Потянувшись в карман, выудил на свет горошину. Если я прав, то это именно то, что ей нужно. То, что здесь всем нужно.

– Держи, – я протянул открытую ладонь с ядром. – Это тебе.

Улыбнулся бы, да смысла нет. Мозг все ещё думает, что на лице есть кожа и мышцы. Но я-то знаю, что это не так. Вот же... херня! Девушка подняла на меня свои огромные глаза, её фонарик разгорелся до яркой желтой лампочки.

– Меня зовут... меня зовут...

– Да—да! Бери! – сунул я под нос этой «меня зовут» горошину.

Амулет на её груди задрожал, потянулся к моей ладони.
– С—спасибо, – еле слышно пробормотала вурк.

Потупив взгляд, девушка теплой ладошкой забрала местный аналог жемчуга. Сейчас увидим, как в этом мире происходит повышение уровня. Странно конечно, что я не заметил, как прошло повышение трех моих. У *поедателя* это как-то по-другому происходит? Надо разобраться с этим вопросом. Девушка аккуратно, словно держит настоящее сокровище, поднесла горошину к своему медальону. Выпуклое изображение пенька с фонариком в ту же секунду ожило. Её подвеска гудит, вот жемчужина исчезла внутри кругляша. Медальон ярко вспыхнул, после чего все прекратилось. Надпись над головой девушки, любезно сообщаемая красными червяками, обновилась. Теперь это вурк шестого уровня.

Незнакомка счастливо заулыбалась:

– Меня зовут... меня зовут...

– Пожалуйста, пожалуйста! – перебил я, не дожидаясь.

Разглядывая счастливую девушку, захотелось улыбнуться. Я рад за неё. На мой взгляд, конечно, мелочь. Ну была четвертого уровня, а стала шестого, подумаешь. Но девушка, словно маленький ребенок, чуть ли не приплясывает на месте. Насколько это возможно, конечно, сидя на корточках. Ладно, стоит округляться. Я откровенно продрог, благо, в общем и целом стал чувствовать себя легче. Сказывается какой-никакой отдых. Врядли я вытяну из неё какую-то информацию о поедателях и темных легионерах. Не хочу ни-

кого обидеть, но моя новая знакомая какая-то... непутевая, мягко говоря. Однако, совсем бесполезным этот разговор не назовешь. Как и ожидалось, местные «качают», используя ядра убитых тварей для повышения уровней. После чего уходят в следующий город. Нужно будет разведать где тут ближайшие зоны охоты.

– Город внизу? – я неопределенно кивнул в сторону обрыва. – У вас там всех пускают?

– Да. А ты так пойдешь? – задали мне вопрос.

Хм, логично. Надо уточнить.

– Я чересчур странно выгляжу?

Вместо ответа получил очень частые кивки. Того и гляди сейчас фонарик оторвется.

– Я понял, понял, – вскинул я руку, пытаясь остановить её. – И что делать?

– Замотать тебя, – неловко улыбнулась девушка.

– Хорошая идея! А есть чем?

Странно, что сам не додумался. Лицо надо перемотать от греха подальше. Меньше буду привлекать к себе внимания.

– Есть, но не тут, – прозвучал ответ. – Надо к городу подойти.

Ну-у... нет. Идти нам лучше отдельно. Гложат меня сомнения. Лучше по-тихому подойду, осмотрюсь и уже потом будем решать, заходить в город или нет. С амулетом ещё разобраться надо, проверить чего я умею. А замотаться я могу и сам. В ошметках червей хватает тряпок. Осмотрю те-

ла блондинов, вон пару штук остались валяться у подножия скалы. Значит придется сейчас как-то избавляться от девушки, ничего не поделаешь.

– Ты тут надолго? – я неопределенно повел рукой. – В город возвращаться не пора?

– Ой! Сестра будет злиться, – затараторила вурк, резко засобиравлась. – Спасибо тебе, за всё!

Я лишь мотнул головой. В правом глазу снова дернуло. Как же бесит!

– Я тут пока побуду, подумаю, – соврал я. – Не рассказывай обо мне в городе, ладно?

– Ладно... – тихо прошептала «фонарик», подняла на меня свои внимательные глаза. – Тогда я пошла.

– Угу, – я согласно кивнул.

В мозгах снова хлопнуло. Неожиданно для самого себя, я дернул за пострадавший орган. Достал, блин! В черепушке что-то хлопнуло, порвалось, а в моей руке остался вырванный вместе с нервом шарик.

– Уй! – пискнув, рядом что-то грохнулось.

Я перевел взгляд на свалившуюся в обморок незнакомку, вздохнул, осмотрел на свою ладонь.

Правый глаз поедателя (уникальное)

– Какого хера...?!

Глава 9

«Пернатая мар... мара... мар... как же там» – морща лоб и постукивая когтистым пальцем о подлокотник трона, Ану-бис силился вспомнить чудное слово. – «Марамойка! Точно!».

Обрадованный успехом, бог песков не удержался и довольно щелкнул пальцами. Гвардейцы в зале дружно вздрогнули. Пернатая марамойка, она же Улк—Атан, тем временем грациозно шла к трону. Повелитель мертвых, поборов чувство собственного удовлетворения, уже сидел с меланхолическим выражением лица. Подперев голову рукой, хозяин помещения в полглаза наблюдал за приближением блондинки. В огромном зале стояла абсолютная тишина, нарушаемая лишь треском горящих факелов у подножия трона и цокотом женских каблучков.

Улк—Атан приближалась. Шелковое платье кофейного цвета мягко колышется в такт движениям. То тут, то там взору приоткрываются те самые, будоражащие умы мужской половины, женские прелести. В хитро расположенных разрезах платья на короткий миг мелькают стройные ножки, показывая чуть больше положенного. Лямка платья, кажется, вот-вот сползёт, но умелая ручка в последний момент подхватывает брительку. Глубокое декольте готово упорхнуть вниз, обнажая все, что под ним скрыто.

Не меня выражения лица, Анубис ждал. Когда до трона оставался десяток шагов, перед носом блондинки треснуло пространство, осыпалось разбитыми осколками. С тихим шелестом бинтов и сыплющегося песка, в помещении возник Шэдокс, замер мрачной горбатой статуей. Чтобы не врезаться в третьего гвардейца, набравшая скорость Улк—Атан в последний момент раскрыла свои мокрые, сочащиеся грязной водой крылья, с шумным взмахом отлетела назад. Анубис мысленно хмыкнул, удовлетворенный. Прошлый, откровенно наглый визит этой «мар—рамойки» (все-таки нравится ему это слово) создал много проблем безмозглой курице. Несомненно, надобности останавливать Улк—Атан за несколько шагов до подножья трона таким вот способом не было. Однако, бестактность и неуважение к Анубису, проявленное в прошлом визите, будет долго аукаться этой дамочке. И Шэдокс об этом позаботится. Ближайшие лет двести—триста, пока бог песков не передумает.

Наблюдая за блондинкой, чье лицо пыталось оставаться величественным и бесстрастным, Анубис негромко, слегка лениво проговорил:

– Лобригус.

В ту же секунду в зал вкатился Лобригус – сухонький старичок. Практически врезавшись в блондинку, да чуть не наступив на подол платья, упал на одно колено:

– Да, повелитель!

– Кофе.

– Слушаюсь, – укатился обратно в темноту зала Лобригус, все-таки наступив на подол платья.

Расфуфыренная марамойка откровенно закипала. С трудом держа лицо, блондинка прожигающим взглядом уставилась в Анубиса. Хозяин песков лениво поднял глаза. В абсолютной тишине зала стал раздаваться хруст и шипение, бог загробного мира перевоплощался в худшую версию себя. Тело увеличивалось в размерах, когти на руках и ногах превращались в саблевидные лезвия. Шерсть дыбилась и оцетиливалась металлическими иглами, повседневная юбка и безрукавка обращались устрашающим сегментированным доспехом. Неотрывно наблюдая, как меняется выражение лица блондинки, Анубис встал со своего трона. Тяжело ступая, возвышаясь огромной смертоносной фигурой, бог песков спустился к подножию трона. Дабы не оказаться на пути, Шэдокс каким-то мистическим образом уже перетек на пару метров правее. Склонив свою огромную волчью пасть к лицу бледной, как мел марамойки, Анубис замер. Несколько долгих секунд ходячий ужас придирчиво рассматривал струхнувшую курицу. Улк-Атан сейчас представляла бледную тень той напыщенной, расфуфыренной особы, минуту назад грациозно вышагивающей по его любимой махровой дорожке.

– Кофе, повелитель! – возле трона Анубиса неожиданно возник Лобригус.

Аккуратно поставив на подлокотник трона белоснежное

блюде и маленькую чашечку дымящегося напитка, Лобригус быстро ретировался обратно в темноту, от греха подальше. Владыка мертвых ещё несколько мгновений нависал над совсем уже струхнувшей курицей. Пернатая марамойка чуть ли не падала на пол. Согнув ноги в коленях, пришибленно тарасилась на Анубиса снизу вверх. Но вот хозяин помещения отмер. По пути принимая свой естественный вид, не спеша двинул обратно. Усевшись в любимый трон, владыка песков бережно подцепил маленькую чашечку, поднес к морде, блаженно вдохнул аромат. Прикрыв веки, повелитель пустыни заговорил:

– Я слушаю.

Если эта дура не поняла сейчас «тонкий» намек, то чью-то блондинистую голову вырвут из тела и насадят на копьё. Безмозглая башка до окончания веков останется торчать у подножия пирамиды и никакой Шепчущий ей не поможет. Никто не поможет. Блондинка, тем временем, с трудом приходила в себя. Улк-Атан пыталась вернуть невозмутимое выражение лица и гордую осанку. Вот только получалось у неё откровенно паршиво. Бледная как мел, дрожащая, богиня заговорила:

– Анубис, п—прошу отпустить душу из з—загробного мира.

«О, как», – владыка мертвых отставил в сторону кофе.

Улк—Атан впервые на его памяти пришла с подобной просьбой.

– Какую именно?

– М—мне нужен лич из шестого сектора. Лучший из тех, ч—что сейчас на круге р—реинкарнации, – запинаясь, протараторила блондинка.

«Что за бред», – удивился Анубис. – «Ей сил не хватит расплатиться»

Задумчиво пожевав мордой, да поразглядываяв трясущуюся курицу, владыка мертвых проговорил:

– Цену ты знаешь.

– Я согласна! – не раздумывая выпалила Улк—Атан.

В тот же миг из овального жетона богини к Анубису потянулось марево золотистого дыма. Пока светящийся поток струился между богами, владыка мертвых изучал строчку текста над головой блондинки. Когда обмен силами закончился, повелитель пустыни окончательно задумался. При той баснословной цене, что установлена за душу лича, Улк – Атан даже не потеряла в рейтинге. С её позицией в десятой тысяче, пернатая только что должна была свалиться обратно в Земли отчаяния, обнулившись. Но не тут-то было. Постукивая когтистым пальцем о каменный подлокотник трона, Анубис проговорил:

– Вагабонг.

– Да, повелитель!

– Подготовь лича.

– Слушаюсь!

Владыка мертвых ещё раз поднял глаза на Улк—Атан.

Пытаясь понять что творится в её куриных мозгах, молча понаблюдав за каменным выражением лица блондинки. Пожевав губами, проговорил:

– Передай Шепчущему, что я жду.

Белая как снег, богиня отвесила резкий поклон, развернулась. Быстро семеня, сорвалась с места, рванула обратно к выходу из пирамиды. Дождавшись, когда дамочка скроется в портале, Анубис проговорил:

– Базолг.

– Да, повелитель, – к трону шагнула, сверкая доспехами, первый гвардеец, преклонила колено.

– Собирайся, мы идем к Шимассе. И это... вазу прихвати.

– Д—да, П—п—повелитель.

– Да не волнуйся ты так! Подождешь, пока Шима склеит посудину. Не съест же она тебя. Наверное.

– П—п—повелитель...?!

Глава 10

С медальоном я разобрался. Все оказалось относительно просто – нужно соединить две половинки. Соприкасаясь в месте излома, медальон становится монолитным. Языки на глиняном пятиугольнике оживают, переплетаются между собой. Стоило амулету соединиться, как он спроецировал передо мной темно-бордовую голограмму. Я, признаться, ожидал какой-то таблицы со знаками, символами, данными – все в таком духе. По факту же получил объемную модельку себя любимого и скупую строчку текста над голограммой

Поедатель, 4 ур.

Там же, над макушкой однорукого человечка витало жиденькое торнадо из призрачных черепков. Удивленный, я задрал кверху голову. Какого-то вихря надо мной не наблюдалось, но едва заметный поток сизой дымки присутствовал, потихоньку клубился, набирал обороты. Думается, именно эта субстанция молочным киселем заряжала костяную мясорубку. Неожиданный симбиоз, прямо скажем. Я потянулся рукой к проекции, попытался разогнать подозрительный кисель над собственным изображением. На удивление, дымка обернулась поясняющим текстом – *ядовитый дурман, 1 ур.* Тот самый дурман, что водил меня между черепков на скалистом плато, вынуждал изображать безумного наркомана. Выходит, я надышался ядовитого газа, до кости опалил

собственное лицо в подозрительно дыму и вот результат. Безумие какое-то. Да, неизвестная сущность говорила о способности поглощать навыки далеких предков. Но ядовитый газ из мертвых головешек? Всё это очень странно. Ладно, что там дальше? Я коснулся извивающихся червей за спиной проекции, ткнул пальцем в знакомый зубастый шланг.

Сухой язык, 1 ур.

Строчка текста и ничего больше. Для достоверности я потыкал пальцами в две оставшиеся конечности – тоже самое. Ни тебе описания, ни пояснения. Единственное, что понятно из собственного опыта, эти черви за моей спиной интуитивно слушаются хозяина. Со скрипом, но слушаются. Правда, в экстренных ситуациях будь готов, что голодная серая тентакля начнет всех подряд дырявить, спасая хозяина и перекачивая в него жизненные силы из своей жертвы. Так, что там осталось?

Костяной бур

По традиции никакого описания. Откуда он у меня взялся, почему именно у меня – фиг знает. Принцип действия – тоже ничего. Могу лишь догадываться, что есть какая-то связь между моими действиями и чужими костями. Я вручную отрывал челюсть еретикам и вот теперь они со мной. Пусть и таким неожиданным способом. В общем, я прочитал все, что мог прочитать, покрутил-повертел голограмку однорукого безобразного мужика и закончил. Как повышается уровень, есть ли у меня какие-то характеристики, появит-

ся ли в будущем список задач – ровным счетом никакой информации обо всем этом. Путеводитель, интерактивная карта местности – отсутствует. И пусть этот мир хитрый симбиоз реальности и компьютерных игр, но от второго здесь явно обрезанный минимум.

Амулет отключался с точностью до наоборот – его следовало переломать. Об этом я допер минут через двадцать, что только не попробовав перед этим. Далее я подошел к трупам. Оказался прав на счет целых – один валялся. Я даже знаю, почему его в общую кучу не затянуло. У блондина отсутствовала голова. Видимо потерял при падении. Быть может на скале оставил, зацепившись об острый выступ. Переодеваться было мерзко, но что поделать. Синяя рубашка мертвеца перекочевала на мое исхудалое тело, штаны блондина я порвал на тряпки. Отойдя подальше, перебинтовал лицо. Вот, теперь я мумия!

Оценив внешний вид через амулет, остался доволен. Конечно, стремновато выгляжу, и запашок от меня, но что поделать. Больше напрягает отсутствие руки и глаза, а ещё эти ленты за спиной. Свой собственный глаз, что остекленел и теперь светится странным белым светом, я туго замотал в тряпку, привязал к поясу. Языки, с боем и руганью, но я загнал под рубаху. Не хватало ещё ходить по округе с уродливыми ленточными червями над головой. Выгляжу теперь немного странно, похож на горбуна. Но ничего не попишешь. Ещё меня посетила шальная мысль подняться обрат-

но на скалу. Но дурь из головы выветрилась буквально сразу – однорукий калека тот ещё скалолаз.

Всё, больше ничего интересного. Собравшись с духом, я зашагал в темноту по тропинке. Где-то неподалеку город, о котором рассказывала Фонарик. Буду называть её так, сама виновата. Пока не узнаю имени, будет Фонариком. Узкая дорожка привела в поля. Идти было стремновато, по углам что называется, мерещилось. Я то и дело боязливо вскидывал руку, перед глазами сразу же выскакивал знакомый текст

Ненасытное утро: 79/1000

Активировать?

Да/Нет.

Несколько раз вызывал текст просто эксперимента ради, проверить, отчего меняются цифры. К моменту, когда я вышел к окраинам города счетчик накрутил 88/1000. Очевидно, шкала самовосполняется. *Это* радует. Город располагался на границе знакомой мне по пустыне забвения гелеобразной стены. Я присмотрелся. Серая преграда тянется в обе стороны, утопает в ночной темноте. Поразмыслив, кое-как взобрался на ветку ближайшего дерева. Уселся, как сыч, принялся смотреть. К городу ведет дорога, наезженная, расхоженная. Можно сказать тракт. И по ней сейчас движутся местные. Бесконечная вереница людей и нелюдей с пожитками, телегами, в доспехах и при оружии тянется в город, либо подальше от него. Заинтригованный, я взобрался ещё выше, глянул пристальней. По правую сторону города обнару-

жилаась полоса тумана. Там или болота, или озеро. Одно из двух. В тумане виднеется контур какой-то громады, но что именно не разобрать. Что касается самого города, то отсюда виден лишь частокол из бревен, заточенных кверху колом. Ворот нет. Вместо них проем шириной метров пять. Смотровых башен, построек над частоколом тоже не наблюдается. Ладно, сейчас это все для меня не слишком важно.

Спрыгнув с ветки, задумался. Идти в город, не идти? Можно поплутать в окрестностях, поискать какую живность, монстров. Или все-таки зайти в город, оценить ситуацию, собрать информацию. Благо пускают туда, всех без разбору. Успел убедиться. В конце концов, свалить обратно всегда успею. Ладно, решено. Через пять минут я уже был возле тракта, в нерешительности выглядывал из кустов.

Тракт оживлен. Слышны голоса, ругань, усталые вздохи и скрип проезжающих телег. Немного странно, что нет факелов, ни одного. Все прекрасно видят в темноте? Не знаю что в моем внешнем виде так впечатлило Фонарик, но местные жители выглядят не менее дико. Я в своих порванных штанах и синей рубахе, в кроссовках и с перебинтованной головой на общем фоне вообще неприметен. Ящерицы, богомолы, жукоподобные мужики. Пузатые бобры, с бугристыми каменными наростами, и ещё с десятков самых разных существ непрерывно проходят мимо. Никто друг на друга внимания не обращает, абсолютно. Народ плетется сам по себе, изредка бросает взгляд по сторонам. Порой откровенно

злой или наоборот, безразличный к окружающим. Вот возле моих кустов протопала помесь человека и богомола. Странное существо: человеческое тело, треугольная голова, жвалы на лице. На груди дополнительная пара уродливых конечностей, за спиной два крыла. Жуть блин... Богомол, одетый в зауженные плотные штаны и высокие ботфорты как-то обреченно ушел вперед, пустым взглядом осматривая дорогу у себя под ногами.

Тем временем, червяки поползли из своих нор, дополняя картину. Ушедший вперед богомол – это *воин либрикус*, 14 ур. Вон тот пузатый бобер с каменными наростами – *странник асолот*, 5 ур. Бобров очень много в толпе, я уже насчитал штук тридцать в этом живом потоке. Вся эта масса существ, если присмотреться, идет маленькими кучками. На первый взгляд, кажется, что сплошная толпа и не разберешься что к чему. Но те же бобры идут по трое-четверо. Вон группа из варанов—переростков. Разбавленная толстым мужиком с рогами на голове, группа нелюдей погоняет обвешанную пожитками корову. Тут есть коровы, мда. Пока я прятался в кустах и сравнивал себя с местными, понял, что именно полноценных людей, без лишней головы на плечах или каких-нибудь усиков на спине тут нет. Все они, без сомнения, владеют какими-то способностями, и любой может оказаться носителем частицы Безымянного, потенциальным врагом. Вот хотя бы богомол, что прошел мимо. Эта пара конечностей на его груди наверняка не просто так висит. Мерз-

кие, и выглядят подозрительно. Успею я их отрубить своими тентаклями? Или бобры со своими наростами. Сталактиты на их спинах едва заметно дымятся, вполне вероятно, могут жахнуть чем-нибудь раскаленным. И что тогда? А случись бой с варанами, от моих красных бичей будет какая-то польза? Серый понятно, тот сразу полезет делать дыру в противнике, но остальные? Уверен только в мясорубке. Но там зарядов не осталось и вообще, гремит так, что помереть с испуга можно.

– Ладно, соберись, – подбодрил сам себя. – Будем решать проблемы по мере их поступления.

Я осторожно вышел на тракт, влился в поток. Пристроившись за группой варанов, побрел вперед, озираясь. Идёт эта пятерка неспеша, в самый раз для меня. В случае беды успею среагировать. До частотола минут семь ходьбы, осмотрюсь. Ящерицы переростки переговариваются, обсуждают «дальний поход» на следующей неделе и наем дополнительной охраны. Рогатый жуко—мужик на это заявление пространно хмыкает и тянется к своей огромной, какой-то боксерской перчатке. Боксерского в ней только форма, ибо во всем остальном это орудие смерти больше похоже на ошетилившегося колючками дикобраза. Я потерял интерес к разговору на том моменте, где вараны сошлись во мнении, что «ко-я'кая совсем охренели» и «снова эти придурки на воротах». Придурки меня и насторожили.

Гоп—стоп или рэкет – вот что всплывает в памяти, стоит

взглянуть на столпившихся у входа в город опоссумов. Высокие, худые что червяк, эти человекоподобные звери поголовно затынуты в кожаный доспех. Опоссумы рассыпались вдоль стен и сейчас периодически цепляются к путникам, подходят парочками по двое-трое и под ручки отводят пешеходов в сторону. Схему я вычислил быстро: из толпы наметанным взглядом выуживается одиночка уровнем два – восемь, после чего тому устраивается приватный допрос. Я сбавил шаг. Иду и наблюдаю, как опоссумы прессуют очередного несчастного. Фонарик. Нет, не «мой» фонарик – другой, восьмого уровня. Девушка сейчас стоит в окружении двух, а нет, считай, трех опоссумов. Ещё один оттолкнулся от стены, которую подпирал, и с масляной улыбочкой двинул к подельникам. Босая, в замызганной одежде, фонарик втянула голову в плечи и прижимает к своей груди амулет—подвеску. Чего-то более ценного у неё наверняка нет. Сарафан из грязной мешковины единственное, что я вижу на девушке. Ох, не нравится мне все это. Опоссумы, как стервятники облепили бедолагу. Кружат вокруг девушки, толкают несчастную между собой, дергают за уши и сарафан. Лампочка фонарика постоянно вздрагивает, мерцает тусклым, почти незаметным светом.

– Шевели ногами! – неожиданно мне прилетело в бок.

Я покатился в кювет, плечо взорвалось болью. Ткань рубашки быстро намокает. Плечо жутко ноет и по ощущениям интенсивно кровоточит. Огромный жуко—мужик, зулу-бер-

серк 22 ур, смерил меня презрительным взглядом, прошел мимо. С полированного наплечника его монструозного доспеха ярко светится символ «X».

– Вот же не было печали! – с трудом задавил языки, что разозленными змеями полезли из-под рубахи.

Чувствую желание этих червей впиться прямиком в лицо этому *зулу*. Особенно сухой, тот больше всех порывается выпотрошить рогатого.

– Свалили обратно! – прошипел я себе за спину, вызвав недоуменные взгляды толпы.

Собрав волю в кулак, выбрался на тракт. Злой, глянул по сторонам. Зулу и след простыл, а вот гопники у дороги остались. Сейчас опоссумы крепко держат брыкающегося фонарика. Самый долговязый подошел к девушке вплотную, схватил её за амулет. Переросток выудил из-под кожаной куртки свой кругляш, что-то прошипел. Я вижу, как засветились подвески в руках долговязого, между жетонами струится поток непонятного марева. Перекачка длилась считанные секунды, освещая в темноте ночи довольную рожу гопника. Но вот все прекратилась. Девчушку отпустили, небрежно кинув ей на грудь собственный медальон. Надпись над головой фонарика поменялась. Вместо *вурк маг 8 ур* стало *вурк маг 4 ур*. Девушка, всхлипывая и дрожа, побежала за ворота города, затерялась в толпе. К злости на рогатого тут же добавилась обида на несправедливость к девушке. План не отсвечивать и тихо попасть в город отменяется. Я так не могу. Не

могу проигнорировать подобное, хоть убейте. И гори все синим пламенем.

– Посмотрим, как ты заберешь уровень у поедателя, – бурява взглядом того самого опоссума, я переместился на другую сторону обочины.

Максимально замедлив шаг, постарался принять потерянный вид. Давайте, ребятки, подходите. Неужто такого как я и проигнорируете? А нет, конечно, нет.

– Эй, калека, иди-ка сюда, – поманили меня пальцем.

Я медленно подошел, остановился. Самому любопытно, что сейчас произойдет.

– Вход платный, две «четверки», – прошипел, лыбясь во всю свою усатую харю, этот енот.

«Четверки»? На ум приходит только ядро четвертого уровня. Больше никаких «четверок» я себе представить не могу.

– У меня нет, – честно ответил долговязому.

За моей спиной уже стоит его поделщик.

– Ничего, заплатишь уровнем, – гопник расплылся в улыбке, потянулся к моему амулету.

Пока этот идиот пытался понять, что не так с моим переломанным блинчиком, его дружок мутузил костяной бур на моей руке. А сильная у него хватка, сдавил будь здоров. Я исподлобья глянул поверх голов этих усатых рэкетиров.

Воин ма'шутцу 20 ур. слева и разведчик ма'шутцу 29 ур. передо мной.

– Обана! Да у него тут побрякушки редкие, – удивленно протянул опоссум, попытался тащить на себя кости с моей руки.

Пока один придурок самозабвенно дергал бур, второй озадаченно крутил в руках мой поломанный амулет. Надо помочь, а то народ в толпе уже начинает заинтересованно коситься в нашу сторону.

– Соедини, – бросил я долговязому.

Усатый тут же последовал совету, вздрогнул. Языки на каменном пятиугольнике облизнулись, заплетаясь узлом. Я прям вижу, как в рэкетире сейчас борются осторожность и жадность. Подняв взгляд вверх моей головы, удивленно прочитав, кто я и что я, енот ещё больше забеспокоился. Усатый с подозрением оглядел мою фигуру, отметил намокшую от крови рубаху, отсутствующий глаз, замер в нерешительности. Но мой амулет из рук не выпустил. Вот даже интересно: что в итоге победит жадность или осторожность? Напарник долговязого всё пытается тащить костяные кольца с запястья. Достали, придурки!

– Давай уже, решайся, – раздраженный происходящим, я грубо поторопил разведчика.

Видимо, наглый тон ему не понравился. Сдвинув брови и предвкушающе ухмыльнувшись, опоссум выудил из-под кожного доспеха свой амулет, зашептал «шу—о—шу, ком—о—ком». Дергаемый его придурком напарником, я вместе с усатым наблюдаю, как засияли наши подвески. Его – белым

светом и моя, насыщенно—бордовым. Видимо, что-то такое промелькнуло в голове у енота, ибо отпустив медальоны, тот резко дернулся в сторону. Вот только бесполезно. Два блинчика уже зависли друг напротив друга. Мгновение ничего не происходило, но вот подвеска енота неожиданно загудела, закрипела, освещая в темноте ошалевшую шерстяную морду. В следующую секунду жетон с глухим хрустом развалился, осыпавшись под ноги долговязому кусками сухой глины. С непередаваемым наслаждением я проследил за интересной трансформацией. Некогда *разведчик ма'шутцу 29 ур. стал просто ма'шутцу*, а я на краткий миг ощутил прилив сил.

Покончив с одной усатой проблемой, мысленно потянулся к своему единственному умению.

Ненасытное нутро: 122/1000 (ядовитый дурман)

Активировать: Да/Нет.

Да.

Жернова на моей руке с тихим гулом завелись. Обе руки болвана, что так и не оставил в покое костяные кольца, мгновенно превратились в фарш.

– ВУА—А! – душераздирающий крик усатого огласил округу

Несколько долгих секунд я молча стоял, переводил взгляд с бывшего разведчика на бегающего по тракту воина. Толпа ухнула по сторонам, сторонясь верещащей фальцетом фигуры. Ручейки бурой крови орошают землю, льются из культей недоумка.

– Наслаждайтесь, – глухо проговорил забинтованным ртом, сваливая на тракт.

К двум, теперь уже бывшим гопникам, бегут дружки. Петляя по сторонам, я быстро двигаюсь вперед, с каждой секундой приближаясь ко входу в город. За спиной гудит народ, носятся опоссумы, слышны вскрики и ругань. Плечо нестерпимо болит, рубашка напитана кровью, но я доволен. Да, это было глупо, нелогично и рискованно, но теперь моя совесть спокойна. Заметил впереди пару блондинистых голов. Заглядывают поверх толпы, кого-то высматривают. Я даже знаю кого.

– Вон тот, забинтованный, – прилетел мне в спину чей-то бас.

Опоссумы бегут догонять, блондины синхронно стартовали следом. Но слишком поздно, я уже в городе. А в этой толпе народа не то что поедателя – годзиллу потеряешь.

Глава 11

Базолг откровенно подозревала, что госпожа Шимасса будет покруче её хозяина и за внешним видом старой женщины скрывается сила, мощь которой трудно даже вообразить. Нет, конечно, старость и общий усталый вид Базолг прекрасно видела, и понимала, что все эти медленные движения, скрипучий дрожащий голос, сплошь седина в волосах – все это не какая-нибудь там приبلуда, целью которой является напустить побольше тумана в глаза. Старой женщине откровенно тяжело. Время берет свое, даже у такого бога, как она. Но если госпожа начинала злиться, то Базолг, предложи ей выбор под чью горячую руку попасть, незамедлительно выбрала бы Анубиса, а потом бы от чистого сердца поблагодарила за предоставленный выбор. От двух предыдущих посещений этого места у Базолг остался нервный тик и занять ещё один совсем не хотелось.

Обыкновенно, повелитель брал её с собой лишь в случае, когда мог где-то накосячить перед царицей ужасов. В такие минуты её, несчастную Базолг, тупо оставляли на растерзание госпоже, чтобы, когда минует буря, забрать с готовым результатом. Сам повелитель до этого времени на глаза Шимассе не появлялся. И вот сейчас разбитая Анубисом ваза самым наглým образом была вручена несчастной Базолг. Хозяин строжайшим указом приказал стоять и не отсвечивать,

пока не позовут. Вот Базолг и стояла в нескольких шагах за спинкой кресла повелителя. Стояла, держала замотанную в тряпки разбитую вазу и не отсвечивала. Все, о чем могла сейчас думать первый гвардеец Анубиса, 994 уровня Базолг разрушитель – это как не напрудить прямо в доспех.

– Шепчущий перевел записи?

– Думаю, он ждет только моего возвращения, – Анубис поерзал в кресле, поудобнее устраивая свой хвост. Хочется кофе, но придется потерпеть. – Не помню, чтобы Темный когда-то нарушал сроки.

– Принципиальность О'Солуте мне всегда импонировала, – тяжело пошевелившись в троне, проскрипела Шимаса. – Поедатель мертв?

– По косвенным признакам жив, – поднял глаза Анубис. – Через восемь часов я смогу открыть Око, тогда и скажу точнее.

Повелитель песков дернулся было оставить висеть в воздухе свой посох, но резко передумал, бережно положил дровяшку на колени:

– Шима, что ждет Пантеон, если он доберется до всех нас?

Взгляд царицы ужасов затуманился, стал отрешенным и безжизненным:

– Страшная, кровавая бойня, а следом за ней смерть. Прошлого поедателя останавливали всем миром.

Помолчав несколько минут, Анубис снова заговорил:

– Что они из себя представляют? Ты что-нибудь помнишь,

Шима?

Старуха медленно откинулась в троне. Взгляд её алых глаз потух, Шимасса погрузилась в воспоминания. Царица ужасов медленно заговорила, голос её прерывался и дрожал, речь начала сбиваться:

– Что представляют... Они... Кровь повсюду, Белигус. Всё в океане крови... Я стою... мы все там... и он, смеётся, хохочет. Почти все мертвы... Языки за его спиной... Они живые... – старуха задрожала, усохшая костлявая рука вцепилась в подлокотник трона. – Всё вокруг в языках... Они везде... Тысячи красных бичей пожирают тела... выпивают живых...

Старуху пробила крупную дрожь, дыхание стало тяжелым и прерывистым. Анубис вскочил со своего места, одним прыжком преодолел разделявшее его и Шиму пространство. Оголовье крючковатого посоха засияло неоновым огнем, наполнилось гудящей энергией. Владыка мертвых коснулся дрожащего тела старухи, принялся огромными потоками вливать энергию в немощное тело.

– Всё, Шима, всё. Успокойся...

Затихающая на глазах, успокаивающаяся, Шимасса через несколько долгих секунд устало заговорила:

– Их нельзя пускать в мир, Белигус. Ты должен защитить всех нас, слышишь? Ты не должен вп...

– Я понял, понял. Успокойся. Никто из них не выйдет из песков без моего разрешения. Будь уверена.

Смерив оценивающим взглядом притихшую царицу ужасов, бог загробного мира вернулся на место. Помолчав пару мгновений, заговорил:

– Что с девушкой?

– С девушкой? – отмерла старуха. – Как всегда. Регулус, с ними не бывает проблем. Я отправила девчонку в Кельтун'Хель. Там она войдет в силу, там они и встретятся. Если поедатель жив – он придет туда. Все дороги проходят через этот город.

Анубис молча слушал, не шевелясь. Выждав пару минут, заговорил:

– Шима, случившееся у черных врат... Я чувствую вмешательство системы. Нужно дождаться переводов, понять...

– Поедатель должен быть уничтожен, Белигус, – отчеканила старуха, глянула на бога мертвых холодным взглядом.

Анубис отвел глаза:

– Нужно изучить старые записи. Время ещё терпит.

– Да, записи... – Шимасса вновь начала погружаться в какие-то свои воспоминания.

Тяжело вздохнув, Анубис поднялся. Кресло за его спиной треснуло, осыпаясь трухой. Помолчав, повелитель пустыни неуверенно заговорил:

– Тогда я пойду...

– Иди, мой старый друг.

Анубис не шелохнулся. Наблюдая, как Шимасса безразличным взглядом тарашится перед собой, бог загробного

мира заговорил чуть быстрее обычного, начал медленно отступать:

– Базолг!

– Да, Повелитель! – подскочила к Анубису первый гвардеец, упала на одно колено, прижимая к груди разбитую вазу.

Продолжая пятиться, контролируя замыленный взгляд царицы ужасов, Анубис затараторил:

– Шима, я тут это, вазу случайно разбил. Твою. Ну, ту самую. Шел мимо... Короче, как-то так всё получилось.

Отрешенный до этого момента взгляд старухи, словно часовой механизм, стал возвращаться в реальность при словах «разбил», «вазу», «ту самую». В помещении чересчур ощутимо стало ... тревожно. Не теряя больше ни секунды, Анубис внезапно пнул под мягкое место своего первого гвардейца, отправив ту в короткий полет. Уже скрываясь в портале, бог загробного мира услышал звук приземления и громкий треск окончательно разбитой посуды. Мысленно поставив себе «пять» за четкий пинок, повелитель мертвых от греха подальше быстро скрылся в межпространственной воронке. В воцарившейся тишине зала, очень медленно, слово за словом, прозвучал абсолютно сухой, безжизненный, лишенный всяческих эмоций старческий голос:

– Что. С моей. Вазой?

Базолг ощутила, как пространство начинает давить на неё. Жалобно заскрипели доспехи, любимый клинок девушки внезапно согнулся, превратившись в подобие какой-то тяп-

ки. Понимая к чему всё идет, Базолг в ужасе запричитала, бросилась к трону:

– Госпожа—а! Я не виновата—а, это всё о—он! Повелитель ш—шёл мимо и разби—ил, – сдавала с потрохами Анубиса верный гвардеец. – Пощадите—е...

Глава 12

Сбавив скорость, я аккуратно двигаюсь в толпе. Ощущения, что попал в вестерн. По-другому описать происходящее вокруг не получается. Слева и справа вдоль центральной, как я понял, улицы тянутся маленькие домики. Домики с кривыми козырьками, верандой и дверьми нараспашку. Сама же улица метров двадцать в размахе, битком набита... вот так и хочется сказать людьми. Нет, кем угодно, но не людьми. Местные неконтролируемым потоком снуют по ней взад—вперед. Погруженный в гул сотен голосов, я периодически уклоняюсь от закованных в броню многочисленных путников. Никого из них не заботит, что кувалда в руках или дубина на плече может с легкостью покалечить соседа. Думается мне, причина в уровнях. Чем выше левел проходящего, тем шире на его лице пренебрежительная ухмылка. С завидным постоянством «малыши» вроде меня по неосторожности отхватывают дубиной. Кто-то пытается взбунтовать и тут же затыкается, соображая, на кого нарвался. Кому-то сносят голову с плеч.

– Придурки... хреновы, – я в очередной раз нырнул в сторону, спасаясь от кромки здоровенной алебарды.

Главное не подставить плечо. Мне уже плохо, голова кружится, правая сторона тела горит от боли. Терпи Максим, терпи. Я продолжаю двигаться в толпе, стиснув зубы, кидаю

настороженные взгляды по сторонам. Нужно где-то схорониться, пересидеть. После чего найти в этом городе вурка. В идеале – познакомиться с её сестрой, почерпнуть информации. Быть может, затесаться в собранную группу. Не уверен в собственной ценности, но сдаётся мне, стрельба из костяной мясорубки чего-то да стоит.

– Да чтоб вас! – отдавив ногу какому-то ежу, в последний миг отпрянул в сторону.

Кромка бритвенно-острого лезвия чуть не уполовинила поедателя Максима. Зато по голове не получил. Еж врезал по ноге в ответ, поднял на меня горящие праведным гневом глазки.

– Простите, – я глухо пробубнел из-под бинтов, свернул в сторону.

Этот городишко, казавшийся мне небольшим ещё мину-ту назад, теперь видится совсем иначе. Стена, та самая полупрозрачная стена, до сих пор не приблизилась. Центральная улица, я думаю, ведет именно к ней. Нужно свернуть к домикам, тут слишком оживленно. Пойду вдоль салунов, там народа поменьше и меньше шансов быть кем-то задетым. Если мне саданут по обрубку – я труп. Никакая высшая материя в этот раз не поможет. Кем бы ни была та сущность, но мне четко дали понять – второго шанса не будет, не такой уж я и особенный. Так что плечо нужно беречь. Есть ещё вариант с голодной тентаклей, но даже не знаю. Я пока не готов умышленно потрошить невиновных, неправильно это.

Я свернул в сторону, начал пробиваться через плотный живой поток. Богомолы, ежи, гибриды люди и животные – все куда-то спешат, совершенно не обращают внимания друг на друга. Все, за исключением первоуровневых. Мой взгляд то и дело фиксирует бесцельно кружащих в толпе потеряшек с единичкой над головами. У всех в глазах страх и недоумение, а где-то и чистый ужас. Может, мне ещё повезло оказаться на том уступе. Выжил бы я тут, в этой толпе закованных в смертоносный металл пофигистов? Вопрос.

Я заметил опоссума. Через мгновение ещё одного. Значит, не отстали. Гопники меня не замечают пока. Или замечают, но делают вид, что не замечают. Вот же хрень! С тревогой обдумывая варианты, внезапно остановился. Все это время, что я петлял в толпе, в голове крутилась мысль: откуда тут свет? Факелов нет, на дворе ночь, глубокая темная ночь. Высоко в небе неоновый диск. Да, он светит, но не освещает. Тогда откуда здесь свет? А оно вон как, оказывается. Фонарики. Головы фонариков, что прибиты над кривыми козырьками домов. Я замер посередине дороги, сердце пропустило удар. Практически на каждом втором доме, в разных его местах то тут, то там прибиты головы вурков. Испуганные огромные глаза, растерянное выражение лиц. Кажется, будто они не до конца понимали что сейчас произойдет. Головы выглядят такими живыми. Они смотрят на меня, смотрят своими голубыми глазами. Прибитые головы вурков освещают этот городишко. В ступоре я обвожу взглядом стены до-

мов. Взгляд ищет ту самую, с рассеченным ухом.

– Свалил, калека! – над головой прогудел незнакомый голос.

Тяжелая лапища, сжав меня за плечо, кинула с места. Бессмысленно искать того, кто это сделал. Пока я встал, пока разобрался куда меня швырнуло. Пока то, пока се. Короче, иди дальше, Максим, поедатель четвертого уровня, гроза темных душ. Иди—иди, только сопли подтереть не забудь.

Ненасытное утро: 148/1000

Активировать: Да/Нет?

Так, этого нам пока не надо!

– Какой—то базар... – я поднялся, с трудом соображая, оглянулся куда прилетел.

Оказывается, здесь есть торговые ряды. Выглядит как всевозможное нагромождение столов, табуреток, подставок, корзин и всего на свете, во что можно класть предметы и, соответственно, откуда их можно вынимать. Ряды тянутся параллельно улице бесконечной кривой линией. Народу здесь тоже хватает, но хотя бы никто не прет на тебя, как танк, не размахивает холодным оружием. Мутным взглядом посмотрел в морду какого-то хомяка. Мохнатый с прищуром выглядывает из-за своего кривого прилавка:

– Эй, калека, костыль нужен, нет? Есть четкий, надежный. Не нужен? А, ты безрукий. Есть моровая пиявка, вместо руки отлично пойдет! Сорок «четверок» всего! Эй, ау! Пиявку, бери, говорю. Скидку дам, раз калека. Костыль в подарок! Э

—э, куда пошел? У меня лучшие цены в...

Нафиг от этого сумасшедшего!

– Яйца по дешевке! Разведчики налетай!

Яйца? Что за бред... Зачем разведчикам яйца? Хотя, стойте...

– Язык аму-вага! Шаман был очень силен! Маги подходи, по дешевке отдам!

Здесь торгуют чьими-то языками?!

– Да ты на каблук глянь, дубина! Шпора из колючек ко-я'коя! Бери, пока не продал. Последняя пара!

Эти визжащие хомяки уже сидят в моей голове. Толпа вокруг возбужденно рычит, шипит, булькает, рассматривает многочисленные побрякушки на столах мохнатых, торгуется. Лавки, корзины, табуретки – все завалено непонятым хламом, что отсвечивает в полумраке города. Мне мерещится или вещи, в самом деле, источают слабый свет?

– Эй, что за... – я удивленно просипел, придавленный.

Толпа, словно цунами, резко хлынула в моем направлении. Я полетел на прилавок, подминая собой торговца. Мохнатый тут же начал верещать, но внезапно заткнулся. Заткнулся, потому что заткнулись все. Этот океан нелюдей смолк, растекаясь клином от центра улицы. А в следующую секунду я почувствовал мощь, силу, величие. Со скрипом повернул голову, вытянул шею, присматриваясь. Копна роскошных шелковистых волос парит над толпой, величественно двигается по центру улицы. Чья же это башка?

Темный маг, регулус, 40 ур.

Младший повелитель ужасов

В толпе раздается приглушенный сдавленный шепот:

– Регулус...

– Смотри—смотри, регулус.

– Где?

– Вон... Где мумия летит.

– Сорок уровней за пару дней! Уму непостижимо!

Развалившись на прилавке, подмявший неистово пыхтящего хомьяка, я смотрю, как за обладателем роскошных волос летит оживший труп. Жуткая мумия чутко вертит головой по сторонам, разглядывает толпу, мониторит ситуацию. Красное свечение вырывается из её пустых глазниц, пробивается сквозь плотно сомкнутые челюсти. Куцые черные волосы на голове топорщатся в стороны, шевелятся, словно ожившие змеи. Наваждение длилось десятков секунд. «Волосы» вместе с мумией скрылись за воротами города, толпа тут же отпрянула. Народ отхлынул, а я внезапно понял, что хомьяк подо мной готов взорваться истеричным визгом. Его неестественно большая волосатая грудь уже набирает в легкие воздух. Вот только этого мне сейчас не хватало! Я инстинктивно сдвинул рот мохнатому.

– Тише—тише. Не кричи, пожалуйста! – зашипел я в лицо торгошю. – Я возьму, все возьму! Давай договоримся, а? Что надо? Помочь, поработать, поносить чего?

Мы внимательно смотрим в глаза друг другу. Время стре-

нительно убегает. Где-то тут все ещё крутятся опоссумы, у меня кровоточит плечо. Ай, была не была! Если завершит, значит, так получилось. Моя рука у него на лице, секунда и вокруг кровавый фарш. Я разжал мохнатому рот. Хомяк смотрит, молчит. Надо закрепить успех:

– Мужик, я случайно! Прости. Толпа навалилась, я замешкался...

И чего это у него глаза такие огромные? Огромные, полные возмущения. Не понял, в чем прокол?! Ой, я дура—ак!

– Женщина, простите бога ради! – то-то хомяк странный и грудь у него выпирает. – Я плохо соображаю, плечо кровоточит!

– Вот, – я кое-как повернул свой обрубок, демонстрируя насквозь промокший бок. – В голове дурман, но это скоро пройдет! Пожалуйста, поверьте!

А куда все делись? Почему такая тишина?

– Да верит она, верит! – насмешливый женский голос раздался у меня за спиной.

В следующий миг меня скрутила огромная черная рука, подняла над землей. Рука, что кажется, создана из тумана. Монструозная конечность сдавила, намереваясь выжать как губку. Внутри что-то хрустнуло, глаза залило красным. Рука продолжает сдавливать, я ору от боли. Секунда, вторая. Языки, где мои языки?! Костяной бур?! Почему я не могу вызвать спасительную строку текста перед глазами? Я желаю прямо сейчас взорвать тут все вокруг! Всё и всех, лишь бы

остановить эти сминаящие меня тиски.

Последнее что помню – брюнетка, *просперус маг, 33 ур. младший Шепчущая в ночи*. Из её плеч струится темнота. Рядом стоит Фонарик, держит за ладошку эту дамочку, испуганно смотрит на меня. Вокруг толпа опоссумов. Угольки красных глаз сфокусированы на мне. Чертова брюнетка! Мир катится в спасительную темноту. Чертова брюнетка...

Похоже на гигантскую бочку. Я, как и десяток других пленников, бултыхаемся внутри странных стеклянных сфер, летающих под потолком. Внизу... это арена. Песок, высокие стены вокруг. На стенах толпятся, жмутся друг к другу опоссумы. Вон мои знакомые *ма'шутцу*. Те самые, бывший разведчик и безрукий. Кто это рядом, главный гопник? Опоссум переросток? Гипертрофированная мускулатура, игольчатый доспех, наглая морда. Над головой строчка текста – гвардеец О'да Всемогущего. Вся троица пристально смотрит на меня, наблюдает. Ну, ничего, сейчас я вам всем тут устрою! Почему не работает? Костяные кольца на руке не двигаются, свое единственное умение я не могу включить. Как мне тогда взорвать к чертям этот стеклянный шар—клетку? Языки? Поломанные и раздавленные, висят за спиной безжизненными лоскутами. Понятно, вот ты и встрял, Максим.

Вижу брюнетку с Фонариком. Грудастая коза посылает

мне воздушный поцелуй, машет ручкой. Вурк сидит рядышком, жметя к этой нахалке, крутит в своих маленьких ладошках что-то светящееся. Наверняка, это мой глаз. Ибо кулек у пояса пропал. Получается, брюнетка и есть сестра девчушки? Думал, будет такой же вурк. Херня какая-то... Может, я чего не понимаю? Я глянул вниз, на песок арены.

Пятый сектор, аму—вага, 33 ур.

Странный ... пигмей? Туземец? Как будет правильным называть этого практически обнаженного, в одной набедренной повязке мужика? Лысоголовой, дергающийся старик, сухой, как щепка. Сумасшедший старикан приплясывает на месте. То приседает, то отскакивает в сторону, крутится как ужаленный, машет руками, безумно загребает к себе воздух.

– Цирк уродов! – резюмировал вслух.

Пигмей внезапно замер, перестал скакать и отплясывать. Дедок осторожно выудил из-за пояса какую-то куклу. Самодельная, судя по виду. Напоминает скрученную из веток и соломы фигурку человечка. Фигурка вуду?

– Ещё оближи её, – не смог удержаться от комментария, наблюдая, как шизанутый старикан баюкает и прижимает к груди соломенную поделку.

Но вот туземец перестал сюсюкаться с куклой. Его взгляд изменился, рожа растянулась в предвкушающей улыбке. Резко выставив руку, старик что-то забормотал. Секунда, вторая, третья. Дальше что? Все? Вот так и будет стоять с вытянутой рукой, сжимая свою дебилную куклу? Бред ка-

кой-то... А не, не будет. Кукла неожиданно намокла, почернела. Из фигурки проступила наружу черная масляная жижа. Черная, как нефть, тягучая, как мазут, жижа капля за каплей падает на песок. А в следующую секунду, словно гидрант прорвало. Из куклы хлынул поток, рука старика по локоть утонула в черной субстанции. Падая на песок, нефть обретает форму. Вот лужа вспухла, как ядерный гриб. Гриб растет и тянется. Тянется, чтобы принять форму. За пару секунд лужа выросла в человеческую фигуру. Гидрант, что казалось, запрятан внутри фигурки вуду, перекрыли. Поток нефти иссяк, жижа больше не выливается на песок арены. Лужа втянулась в черного, масляного на вид человека. Фигура стоит, медленно колышется вперед—назад. Опоссумы на трибунах обезумели. Гопники вскакивают со своих мест, тычут пальцами в дедка и его черную марионетку, о чем-то остервенело спорят друг с другом. Пигмей, довольный производимым впечатлением, снова скачет и загребает к себе воздух. Черная как смоль фигура стоит, мерно покачивается. Лопнул первый шар. На песок грохнулся бобер—переросток.

Воин асолот, 22 ур.

Бобер огромен, наросты на его спине кажутся кусками каменной породы. Несмотря на свой побитый вид, этот мутант выглядит бодро. Бобер криво улыбается. Оно и понятно. Тощий безумный старикан и черная клякса-человек, должно быть, ему не угроза. Асолот рванул вперед, на ходу покрыва-

ьясь мерцающей пленкой. Каменные наросты на его спине горят, словно жерла вулканов. Видно как дрожит арена от шагов этого переростка. Бобер, широко расставив руки, мчится напрямиком на кляксу. Мгновение и человек—жижа двинулся навстречу, таким же образом распахнул свои объятия. Он копирует движения соперника? Они как два друга, что радостно бегут навстречу друг другу. Вот только момент воссоединения для бобра обернулся катастрофой. Черная жижа врезалась в массивное тело, разъедая, словно кислота, расплескалась по всему переростку. За считанные мгновения асолот превратился в опавшую на песок, бесформенную, черно-бурую кучу. Бобра растворило заживо, от головы до ног. Трибуны верещат. Между опоссумами носятся упитанные ежи. С табличками в руках, эти «букмекеры» принимают ставки, пишут коэффициенты, собирают от усаых ядра. Смертельный тотализатор и я его новый участник.

– Господи... – от происходящего перехватило дыхание.

Я поднял глаза на брюнетку, встретился взглядом. Стерва смотрит на меня, улыбается. Приложила ладошку ко рту покачать своей милой головкой. Мол «ой, какая беда случилась». Расскажи это бобру, превратившемуся в кусок отвратительного теста. Коза драная, сдала меня гопникам! Жижа, тем временем, снова приняла форму шатающегося масляного человека. На песке осталась валяться неприглядная грудa мяса и лужа крови. Лопнула вторая сфера. На арену рухнул *воин либрикус, 9 ур.* С одним крылом и отрубленны-

ми конечностями на груди, богомол имеет помятый и побитый вид. Человек—богомол кинулся на пигмея. Хорошая была задумка — попытаться перелететь жидкого. Однокрылого словили в момент приземления. Несколько мгновений и очередная куча мяса на песке.

Лопнула третья по счету сфера. На арену рухнул тот самый хомяк, которого я придавил на улице. Этого за что? Хомяк дрожит и пятится. Но куда ты тут денешься? Слишком высоко, чтобы как-то попытаться выбраться. Вскарabкаться на стену трибун? А смысл? Наверху обезумевшие еноты—опоссумы. Словишь пинок в лицо быстрее, чем сможешь поднять свою тушу. Главный гопник сверлит меня взглядом, улыбается. Чую, Максима оставят напоследок.

Стеклянная клетка лопнула. Без фанфар и торжественного объявления я рухнул на песок. Хомяк ещё не успел затихнуть. Половина его тела представляет собой расплавленный кусок мяса. В голове дыра, лицо почти отсутствует. Единственный целый глаз вытек наружу, смотрит в мою сторону. Меня накрыл кричащий и улюлюкающий мир, провонявший запахом металла и фекалий. Передо мной покачивающаяся из стороны в сторону масляная фигура. Главный енот встал со своего места. Речь толкать будет? Брюнетка подалась корпусом вперед, что-то быстро шепчет, сжимает в руках нео-

нового цвета шарик. Опоссумы верещат, главный гопник обводит взглядом толпу, тычет в меня пальцем. Дедок отплясывает за спиной жидкого человека. Но мне по всё по барабану. Я так хочу пить. От жидкой черной фигуры струится такой сладкий аромат, такой притягательный запах. Он зовет меня, дурманит сознание, влечет к себе...

– Не сходи с тропы, поедатель, – шелест женского голоса в моей голове. – Не сходи с тропы.

Руки тянутся размотать бинты. Как же я хочу попробовать эту черную жижу. Чувствую, как рубашка на спине хрустит и рвется. Языки тоже хотят пить. Змеиными телами они подымаются над моей головой, тянут к черной марионетке свои тупые морды. Почему так тихо вокруг? Почему ты пятишься от меня, старик? Что случилось с твоей мордой, енот? Почему у брюнетки такие огромные глаза. Почему её лицо вытянулось и побледнело? Тело само двинулось вперед.

– Я так хочу пить... Иди сюда, жидкий, иди сюда...

Глава 13

Снова этот дурман в голове.

Получен уровень: +6

Получены очки характеристик: +2

Кровавый язык: +1

Получено...

Строчки текста мешают разобраться в происходящем. На-фиг с глаз, потом изучу. Уровень, характеристики... Мне бы прийти в себя, понять, что происходит. А там уже сообразим что к чему. Мутным взглядом обвожу пространство вокруг. Зрение подернуто дымкой, изображение перед глазами пла-вает. Я ничерта не помню о случившемся! Вокруг полный хаос, крики, шум, ходуном ходит бочка—арена, дрожит зем-ля под ногами. Станный привкус во рту. Моя рука в черном мазуте, я весь в черном мазуте. Ручейки масляной жижи те-кут мне за спину, формируются в шар. Черная плямба теперь висит за моей спиной. Как будто мне языков не хватало.

Получено: Безмозглая кукла

Выберите форму:

Мрачный двойник (атакующее)

Жидкая скорлупа (защитное)

– О—о, – я как наркоман, что получает дозу.

Жизнь полилась в тело. Передо мной лежит пигмей. По виду усохшая мумия. Ещё жив, кажется. Это временно. Се-

рый шланг толстым питоном качает из него внутренности, раздуваясь.

– Хватит! – пытаюсь приказать собственной конечности. – Угомонись!

Глаза пигмея остекленели, но тело продолжают дергаться и усыхать. Живой насос не хочет успокаиваться, осушает старика до самых костей. Замечаю, как с ближайшей трибуны на меня прыгает несколько опоссумов. Разведчики ма'шутцу, кажется. Языки встречают атакующего, страшной оплеухой приласкав по голове. Шерстяная морда с отвратительным хрустом лопается, как арбуз. Двенадцатый уровень? Похоже, для меня это не угроза. Второй разведчик на лету исчезает. Нутром чую, ко мне приближается смерть. Вот опоссум возник над моей головой с клинком наперевес. Хлобьсь! Серый колючий шланг отвешивает нападающему по морде. Вот это скорость... Теперь голодный питон примется за усатого. Я смотрю, как шипастая каланча хрустом и чавканьем вгрызается разведчику в грудь. Мерзкая тентакля начинает высасывать бедолагу заживо. Гопник ещё жив, с ужасом смотрит на меня, цепляется дрожащими руками за червя в своей груди, пытается вытянуть.

– Бесполезно, – произвольно вырвалось из груди.

Я тупо стою над бедолагой, наблюдаю за происходящим. Молча перевожу взгляд с его стекленеющих глаз на присосавшуюся пиявку. Мою пиявку. Двенадцатый уровень отравляется в... никуда, наверное. Смерть окончательная во всех

ипостасях. Так, а где брюнетка, где енот—переросток? Куда все делись? У меня есть к вам пару вопросов. Над головой гроыхнуло, на песок арены полетели доски. Через дыру в потолке лезет непонятная тварь.

Мясной паук, 9 ур. (марионетка)

Это не паук – это собранный из мертвых енотов шестилапый монстр. Поправка: из вывернутых наизнанку мертвых енотов. Марионетка, ловко цепляясь за стены и потолок, бежит к трибунам, прытко ловит визжащих опоссумов. Это живой конвейер по откусыванию голов. Тварь жрет енотов-переростков, прирастая в уровнях. Рэкетеры—неудачники пытаются бежать. Исчезают, растворяются в воздухе. Но пауку, кажется, плевать. Он словно чувствует их. Монстр скачет с места на место, выхватывает из пустого пространства верещащих ма'шутцу. Творится нечто невразумительное. Я ещё раз окинул взглядом пустеющие с невероятной скоростью трибуны. В бочке остались только я, трупы на песке и мерзкая тварь, отлавливающая опоссумов. И скоро она примется за меня. Мясной паук уже шестнадцатого уровня. Что-то у меня нет желания знакомиться с ним поближе. Где тут выход?

– Амулеты, – глаз цепляется за светящиеся в полумраке арены блинчики на трупах.

В голову пришла навязчивая мысль собрать подвески. Я покосился на трупы у своих ног. Жетоны ма'шутцу все ещё на телах. Не распались, не рассыпались. Словно ждут, что я

подберу их. Быстрее, Максим, хватай побрякушки и валим отсюда! Отлично, блинчики у меня! Теперь бежать, пока марионетка семнадцатого уровня, между прочим, не спустилась по мою душу. Взгляд приковал медальон пигмея. Черная, треугольной формы, подвеска аму—вага полыхает в полумраке помещения ярким белым светом. Потом жалеть буду, что не забрал. Чуйка говорит «бери».

– Вот же ХРЕНЬ! – кинулся к усохшему дедку, дрожащими пальцами забрал с тела медальон.

Черный матовый треугольник. По центру изображена капля в круге. Червяки ползут из своих нор

Подвеска аму—вага (редкое)

Жаба внутри меня победоносно вскинула лапки. Ещё не знаю, зачем мне всё это, но я доволен. Так, подвеску в карман и валить отсюда. Или не валить?!

– ВОТ. ЖЕ. ХРЕНЬ!

Краем глаза замечаю аналогичное свечение в грудях мяса. Вон та бурая куча от богомола осталась, я помню. Не раздумывая, бегу к останкам, запустил руку в эту кашу, хватая амулет. Мерзость! Мясной паук отгрыз последнюю голову, разворачивается в мою сторону. Десятилапая тварь спустилась на песок, замерла, выжидая. Единственный выход – дыра позади меня, откуда на арену пришел пигмей. Надо бежать, но от марионетки струится такой сладкий, дурманящий аромат. Этот запах влечет подойти, попробовать марионетку на вкус...

– Ну и бред, – мотнул головой, прогоняя наваждение.

С пачкой бряцающих амулетов я побежал к выходу. Паук стартовал одновременно со мной. Эта мешанина из тел несется так, что дрожит песок под ногами. У самого выхода тварь меня настигает. Я ощущаю мерзкое дыхание, чувствую лапу опоссума на своем плече. Вот только черный шар загадочной жижи уже расплескался по монстру. Жуткая пасть марионетки оплывает черно—бурой мешаниной из костей и мяса. Тварь верещит и беснуется, молотит своими многочисленными конечностями по земле. Языки призывно выются над моей головой, изгибаются в сторону клокочущего паука, требуют боя. А, была не была!

Я кинулся под мерзкое брюхо. Красные бичи синхронно впились в головугрудь мутанта. Серая тентакля по традиции делает дыру в огромном теле, проталкивает себя в самое его нутро. Моя задача проста – скакать из стороны в сторону, уворачиваясь от многочисленных лап. Этот бой закончился быстро. В последний момент я просто отпрыгнул, дабы не оказаться погребенным мертвой тушей. Бой вытянул все мои силы. Не могу отдышаться. Эти красные бичи... на них никакой выносливости не хватит. Жаль, что я не спринтер-марафонец. Если амулет не подскажет как решать проблему, прорастающие из моей спины конечности меня же и погубят.

– Так, ладно, – я покрутил головой, прислушиваясь.

В помещении воцарилась относительная тишина. Но там, за пределами бочки, слышны визг, крики и лязг железа.

В городе происходит какая-то вакханалия. Творится что-то недоброе, и виной тому слава богу не я!

– Грудная жаба будет счастлива, – пробормотал, вытаскивая ещё один жетон из кучи мяса.

Черная жижа оставила в покое марионетку, заструилась обратно. Тягучая нефть собирается в кляксу за моей спиной. Снова этот текст перед глазами:

Получено: Безмозглая кукла

Выберите форму:

Мрачный двойник (атакующее)

Жидкая скорлупа (защитное)

Побудь пока шариком. Разберемся с тобой, как свалим из города. Оставаться в этом дурдоме я больше не намерен! Выбравшись из бочки-арены, нырнул к ближайшему домику, осторожно высунулся из-за угла. В миллиметре от моего носа пролетела боксерская перчатка, метнулась обратно к хозяину. Знакомый мне жуко—мужик сейчас стреляет по сторонам своим орудием смерти. Шипованный кулак то и дело устремляется в очередного енота, хомяка, варана и прочую человекоподобную образину. Каждый смертельный удар перчаткой прибавляет рогатому по уровню. Опоссумы наваливаются по трое—четверо на пробегающих мимо жителей, утаскивают по закоулкам. Особо несогласным всаживают под ребра свои клинки. Хомяки, ну те просто разбегаются, кто в стороны, кто к выходу из города. Бегут, но пытаются утащить со своих прилавков последнее, что не раз-

грабила толпа. Вараны, богомолы, ежи и прочие мутанты — кто убегает, кто меряется в навыках с гопниками-енотами, а кто-то мародерствует под шумок, стремится пожить на мертвых сородичах. В городе банально идет мясорубка все против всех. Во всем этом хаосе четко прослеживаются действия опоссумов. Еноты, что называется, качаются. Весь город нашептывает «шу—о—шу». Городишко заполнен мохнатыми убийцами. Но от чего все бегут? Откуда пауки—марионетки? О, вижу причину всех бед.

Шестой сектор, лич Улк—Атан, 17 ур.

Безногий старик с вывернутой в обратную сторону головой. Он так и крадется затылком вперед, не предпринимая попыток повернуться к толпе лицом. Подтаскивает свое тело, приподнимая туловище на тощих руках. Методично, целенаправленно, неотвратимо. Выбросить руки вперед — подтянуть тело, выбросить вперед — подтянуть тело. Жуткая картина. Это существо растет в уровнях, стоит марионетке отгрызть кому-то голову. Часть пауков охраняет дедка, другая часть гонит визжащую толпу к выходу. Многолапые уроды бегают по закоулкам, заглядывают под каждый камень, в каждый дом, нору, погреб. Пауки целенаправленно ищут. Что-то. Или кого-то. И вся эта лавина движется ко мне. Полчище уродов идет через деревушку, зачищая все на своем пути, оставляя позади себя обезглавленные тела.

С очередным «В—ВУХ» перчатка берсерка сбила опоссума, сделала из бедолаги решето. В последний момент енот

успел раствориться в воздухе, исчезнуть. Вот только орудие смерти уже было перед его мордой. Уйти с траектории удара тот не успевал. Зулу гортанно захохотал, явно наслаждаясь. Ещё бы, енота расплющило о стену соседнего дома. Вот только радовался он недолго. За спиной закованного в латы здоровяка проявилось сразу трое опоссумов. Гопники дружно режут бедолагу своими короткими кинжалами. Клинки, что отсвечивают в темноте улицы блестящей кромкой лезвия, проникают в латы, как в масло. Берсерк орет на всю улицу, крутится вокруг оси, наобум запускает перчатку. Лишь бы попасть в хоть кого-нибудь. Но куда там. Не в этот раз, мужик. Еноты растворяются в воздухе, чтобы в следующий миг появится то сзади, то слева, то под рукой. Всаживают клинки в грузное тело рогатого.

Минуту, целую минуту, этого громила шинковали, как качан капусты. Вокруг уже образовался океан крови. Зулу фонтанирует алыми струйками, что вытекают из его доспеха. Хладнокровно смотреть, как рогатого нарезают лоскутами, у меня не вышло. Плюнув на происходящее, попытался помочь бедолаге, натравил свои тентакли на нападающих.

– Ох, мама, – прикрыл лицо руками, разглядывая, что натворил, – лучше бы я никуда не лез.

Серая каланча по неосторожности снесла рогатому голову, пробила насквозь ближайшего опоссума. Двух оставшихся языки порубили в капусту, я даже вякнуть не успел. Всё, что оставалось – стыдливо спрятаться обратно за угол дома.

– Вы что натворили?! – зашипел я на собственные конечности. – Я не этого хотел!

Красные ленты демонстративно скрутились мне за спину, отказываясь отвечать на вопрос. Вот и помог называется, мда. Неожиданно, меня дернули за штанину. Я вздрогнул, чудом не сорвавшись на крик. Как такое возможно? Языки бдят, чужого не подпустили бы. Ещё и шар за спиной, что сразу расплескался бы по морде любого, кто рискнет подойти. Обернувшись, встретился взглядом, с кем бы вы думали?

– Фонарик? – как она тут оказалась, блин.

И где её сестра? Как она нашла меня вообще? Выглядит испуганной, юбка—сарафан заляпана кровью.

– Помогите, пожалуйста. Максим, помогите...

Вот же. Теперь и за ней присматривать. Не было печали!

– Рядом стой, – отодвинул девчушку себе за спину, снова выглянул из-за угла.

Надо сообразить куда убежать. Вариантов, в принципе, не много. Плутать между домами и двигаться к выходу из города. Главное, не словить в голову шипованную перчатку или кинжал от невидимок. Да кто там меня дергает за штанину?!

– Фонарик! Что? Куда ты меня тащишь?

– Меня зовут, меня зовут...

– Ладно, ладно. Пошли.

Девушка потащила меня по направлению к выходу, петляя между домов. Вот и отлично! На ходу разбил голову очередному еноту. Сухой язык самый прыткий среди сороди-

чей. Он словно чует присутствие живых существ, странным образом ориентируется в пространстве. Черная клякса даже не отреагировала на угрозу. Висит матовым шаром, не шевелится. Фиг пойми, как это все работает. Надо бы уже разобраться, право слово. Надоели эти непонятки. Так, и куда ты меня притащила? А—а, так—так. Старые знакомые. Главный гопник собственной персоной и брюнетка. Еноты подловили грудастую в тихой подворотне. О, и дружки мои тут, безрукий и бывший разведчик.

– Меня зовут, меня зовут... Помоги, Максим!

– Тихо ты! – шикнул я на дрожащего фонарика. – Понял я тебя, понял. Дай, подумать!

Вот ведь хрень! Ну почему не бывает все просто? Попадись мне эта коза при других обстоятельствах, и я бы ей показал, где раки зимуют. Сдала меня енотам, дрянь! А теперь мне её ещё и спасай? Где справедливость в этом мире?!

– Ты мне ответишь за подставу, – главный гопник медленно приближается к отступающей брюнетке.

Девушку жмут к стене, теснят кольцом. Сколько тут енотов... три слева, семеро справа, гопник посередине и двое калек за его спиной. Понятно. При таком раскладе брюнетке кранты.

– Успокойся, Хромой, какая подстава? – грудастая продолжает пятиться.

По глазам вижу, сейчас начнется мочилово. Девушка просто тянет время, продумывает варианты.

– Что за тварь ты мне притащила? Какой, к черту, поедатель?!

– Кого ты мне сказал, того и притащила!

– Лича тоже ты притащила? – Хромой, он же главный гопник, потянулся к огромному тесаку на поясе.

– Ты бредишь... – из-за спины брюнетки поднимаются две черные, как ночь, дымчатые руки.

Ну, все, сейчас начнется. Еноты, как по команде, исчезли, растворились в воздухе. Главный гопник замерцал, покрываясь светящейся пленкой, кинулся к брюнетке. Черные руки широкими взмахами рассекают воздух, выбивают из невидимости енотов, запускают тех в полет. По забору с громким клеткотом и мерзким чавканьем несется мясной паук, марионетка восемнадцатого уровня. Собранный из зулу и хомяков—переростков, тварь спешит присоединиться к веселью. Фонарик дергает меня за языки, бормочет свою сокровенную фразу. Надо что-то делать. Вот только в мешанине тел не разобрать что происходит. Паук крутится на месте, хватая лапами енотов. Брюнетка откатилась куда-то в сторону. Огромная черная рука перемалывает в кулаке калеку и бывшего разведчика. Второй конечностью грудастая пытается сдержать наседающего гвардейца О’да Всемогущего. Гопник светящимся тесаком режет на лоскуты туманную руку.

– Вот же хрень! – я кинулся в этот праздник жизни.

– Не высовывайся! – отодвинул вурка себе за спину.

Языки обвили марионетку, серый колючий шланг по тра-

диции делает дырищу в мясном уроде. Черная клякса, повинаясь матерному приказу, скользнула на землю, заструилась к ногам главаря енотов. Несколько мгновений и его тесак опустится на симпатичную мордашку, перерубив пополам. Брюнетка из последних сил пытается удержать над своим лицом кромку лезвия. Обезумевший енот давит на клинок всей своей массой.

Бой закончился быстро. Жижа, облепив енота, превратила последнего в безумно орущий, оседающий на землю кусок мяса. Паук завалился на спину. Языки разрывают уродливое тело на куски. Я стою над брюнеткой, что сейчас прижалась к забору и тяжело дышит. Заметил, как дернулась её рука, алая масса формируется вокруг ладони во что-то опасное и смертоносное. Грудастая кобыла пристально смотрит на меня.

– Только дернись, – я угрожающе выставил руку.

Костяная спираль, резко набирая обороты, пришла в движение. Жидкий туман перетекает по моему лицу, ускоряя взрывоопасную мясорубку. Перед глазами висит знакомая строчка текста:

Ненасытное утро: 205/1500

Активировать: Да/Нет?

Стою, смотрю на замершую в нерешительности кобылицу. Кожа красная, глаза большие, зрачок вертикальный. Хищный орлиный нос. Лопухая до жути. Ещё и волосы в пучок собрала. Э не, не в моем вкусе. В прошлый раз она казалась

симпатичнее. Разве что фигура, затянутая в кожаный корсет и узкие штаны, радует глаз. Но вот эта её лопухость... Блин, о чем я думаю?!

Фонарик жметесь к брюнетке. Когда только успела? Я какой-то потерянный, не могу одновременно думать и следить за ситуацией. Так, ладно. Где там жетон опоссума—переростка? Я подцепил языком гудящий кругляш. И тесак. То же иди сюда. Язык обвил продолговатую рукоятку, вытащил из бурого месива здоровенный тесак. Будем считать это компенсацией за моё участие в тотализаторе.

– Глаз на бочку! – требовательно вытянул руку в сторону девушек.

Смотрят на меня, хлопают своими глазами.

– Я сказал ГЛАЗ НА БОЧКУ! – красная лента метнулась к лицу Фонарика, замерла в ожидании. – Не злите меня!

Во-от, отлично. Я знал, что он у неё! Вурк, дрожа и всхлипывая, протягивает мой глаз. Иди сюда, дорогой! Язык забирает сокровенный кругляш. Всё, нафиг отсюда. Помогай, называется, встречным, делай добро. А потом тебе бьют в спину и разбирают по запчастям.

– Попадитесь только мне на глаза! – перевожу взгляд с вурка на брюнетку.

Как там её? Просперус маг кажется.

– Особенно ты, коза драная!

Уже за поворотом, огибая угол дома, до меня долетело:

– Сам козёл!

Вот же, кобыла неблагодарная! Так, куда бежать? А, направо. Отлично. Дом, второй, третий. Дальше, дальше. Очередной опоссум на бегу получает оплеуху в голову. Нафиг жетоны, не буду подбирать. Оборачиваюсь, сориентироваться в происходящем. Волна пауков под предводительством безногого старика движется следом. Пока далековато, но это временно. Марионетки потрошат дома, они повсюду. Надеюсь, брюнетка успела свалить. Я немного переживаю за Фонарика, но именно, что немного. Сильна обида за эту подставу. Не ожидал я такого, не ожидал. Пробегая мимо очередного дома, чуть не снес выбежавшего мне наперерез хомяка. Это мохнатое недоразумение остановилось передо мной, верещит:

– Ты обещал, ты обещал!

– Что? Я? Кому? Что за бред...

Улица практически пуста. Толпа народа, все, кто успел свалить, далеко впереди, у выхода из города. Вот только там тоже какая-то чертовщина творится. Я вижу странные всполохи поверх голов, слышу крики. Народ застопорилась у выхода, живая масса колышется на месте, не может пробиться дальше.

– Я тебя помню! Ты сказал отработаешь!! Помнишь? Помнишь?

– Что? Но...

Постойте, того хомяка убили. Я же видел! Аму—вага его превратил в кучу мяса своим жидким человеком.

– Пошли, пошли!! – оборзевший хомяк схватил меня за штанину, тащит в сторону ближайшего опрокинутого прилавка.

Что за ХРЕНЬ?! Это тот хомяк или не тот? Они все на одно лицо! Да что за бред такой? Я обещал, я помню, да. Но если это не тот хомяк? Я могу, в конце концов, просто отфутболить его и бежать дальше. И кем я буду после этого? Ой, всё!

– Куда?!

– Сюда! Резче давай!

Он меня ещё и погоняет. Вот обнаглевший кусок шерсти. Поедателя, грозу темных легионеров тащит за штанину какой-то хомяк. Что за долбанный мир?!

– Что ты ко мне пристал вообще?

– Ты меня отсюда вытащишь!

Вот те раз. Я тут сам не понимаю куда идти и что делать...

– Только сперва поможешь... – хомяк что-то ищет в пристегнутом к поясу кошеле, бормочет себе под нос.

– Ты там не можешь побыстрее, а? – я нервно оглянулся.

Мы стоим возле опрокинутой кибитки с корзинами, лавками и скамейками. Хомяк—переросток что-то собирает в мешок. Быстро носится между прилавками, закидывает в котомку нелепые побрякушки. Лавина паукообразных тварей уже дышит в спину. Вот живой и грозно орущий, зулу—берсерк выбежал из-за угла. Выбежал и тут же оказался погребен скопом мерзких пауков от пятого до восьмого уровня.

Бедолагу облепила куча тварей, шинкуя в салат и подымая фонтаны крови. Все, времени на сборы больше нет! Валим из этого дурдома!

– Валим отсюда! – я схватил мохнатого за шкуру, оторвал от земли, рванул по улице.

А он легче, чем кажется. Или я стал сильнее? Шерстяная морда даже в таком положении умудряется что-то хватать из раскуроченных прилавков и совать в свой мешок. Это как так? Я на бегу покосился на мохнатого мародера. Левитация что ли? Хомяк просто тянет ручонки и нужный предмет вылетает к нему из груди хлама. Обладеть можно. Так, стоп! Дальше путь заказан. Теперь я вижу, во что уперлась толпа народа. Хотя, какая там толпа. Все, нет толпы. Одни трупы вокруг. Выход из города перекрыт знакомыми мне по черным врата блондинами. Сомкнувшись плотными шеренгами, фанатики поют заунывные мотивы, слаженно выводят замысловатые пассы руками. Пугающее представление сопровождается потоком дождя вперемешку с грязными, сыплющимися из воздуха перьями. Всех, кто оказывается неподалеку, взрывает облаком кровищи и перьев. Возглавляет концерт какой-то напомаженный гвардеец Улк-Атан. Смазливый тип в блистательных одежках раздаёт команды, высылает в город патрули. Группами по двое-трое, блондины отправляются на поиски. Интересно, кого они ищут?

– Вытаскивай нас, ну! – хомяк мечется вперед—назад. –
Делай что-нибудь, делай!

– И что я должен делать?

– Стену взрывай, – фыркнули за моей спиной.

Я, как ужаленный, крутанулся на месте. Брюнетка и Фонарик. Выглядят запыхавшимися, но целыми. Языки синхронно выгнулись в сторону лопухой. Так, вы двое назад за спину, а ты с тесаком и ты, серый, оставайтесь на своих местах. Следите за этой парочкой.

– Я вам сказал не попадаться мне на глаза!

– Да? И что, бросишь её тут? – грудастая мымра шантажирует меня всхлипывающим вурком.

На лице лопухой играет самодовольная ухмылка. Хомяк, что слушает разговор, резко встал на сторону брюнетки, заголосил:

– Взрывай давай!!

Гребаный мир! Что-то меня это всё начинает раздражать! Понабралось командиров, понимаешь ли. И прогнать не получится. Местные тропы я не знаю, маршрутизатором как-то не успел разжиться. Ещё и Фонарик, непутевая. Не бросать же её, в самом деле? Я повернулся в сторону высоченной стены. Холодный поток заструился по моему лицу. Кольца гудят, набирают обороты. За спиной отчетливо слышен стройный гомон блондинов, чувствую, как дрожит земля от многочисленных лап марионеток.

– ВЗРЫВАЙ! – слитный хор голосов заставил меня дернуться от неожиданности.

ДА—ДАХ!

Стену разметало в щепки. Впереди туман. Настолько плотный, что хоть глаз выколи. Три руки одновременно вцепились в мои языки.

– Не понял, какого хе...

– Иди давай! – стройный хор голосов раздался из-за спины.

– Куда? Там туман. Не видно ни черта!

– ИДИ!!

Гребаный мир...!

Глава 14

– И куда мы идем?

– Прямо, – очередной и уже, наверное, третий по счету подобный ответ слитного хора голосов.

Видимо, я единственный, кто не понимает происходящего. Вот так плутать в тумане, где дальше вытянутой руки ни черта не видно – странное дело. Не менее странное, чем придерживаться одному хомяку известного маршрута.

– Левее бери! – командирский визг раздался из-за моей спины.

По моим прикидкам мы идем уже несколько часов. Троица за спиной молчит, лишь прижалась теснее и не выпускает языки из рук. Постоянные дерганья за конечности раздражают. Я вообще начинаю ощущать себя ведомым на галеры рабам. Единственное, что радует – город сумасшедших остался позади. Не начнись этот бардак, ещё не известно остался бы я в живых. Вот уже, в самом деле, земли отчаяния. Я тут всего ничего, а трижды чуть с жизнью не расстался.

– Левее бери, говорю! – очередной визг за спиной.

Да понял я, понял. И откуда такая нервозность? Может, из-за странного шелеста вокруг нас и вынырывающих из тумана призрачных лиц? Бледные, с закрытыми глазами, они то и дело плывут на тебя, а коснувшись, исчезают. Что это? Призраки? Духи? Черви просто не успевают выползть из

своих нор, не успевают показать строчку текста. Мне стоило больших усилий, чтобы не завизжать как девчонка, когда подобное случилось в первый раз.

– Чьи это лица? – может кто-то из моих спутников знает ответ.

В очередной раз тишина. Ну, почти. Хомяк невнятно бормочет за моей спиной. Брюнетка то и дело одергивает вурка, что норовит свернуть куда-то в сторону. Девчущке мерещатся какие-то фигуры. Фонарик уже трижды заявляла, что её зовут в туман. По-моему она бредит. Схожее мнение и у грудастой козы, что лишь фыркает на подобные заявления и раз за разом одергивает девушку.

– Вас как зовут? – может, удастся настроить диалог, узнать имена.

– Для тебя не имеет значения, – отбрила меня лопоухая.

– Хомяк, а тебя? – может хоть этот... эта ответит?

Спрашивать имя у «меня зовут» я вообще не собираюсь. Гиблое дело.

– Левее бери!! – очередной визг мне вместо ответа и больно дернутый язык.

К слову, бабенка, стоило нам покинуть городок, взяла курс на хамство и оскорбления. Зря я им помогал все-таки. Или не зря? Я поступил по совести и теперь пожинаю плоды. В принципе, лопоухую можно сбросить в туман для острастки, побудет один на один с этими призрачными лицами, подумает о своем поведении. Но Фонарик точно расстроится.

Как бы истерики не случилось.

Всё время нашего пути перед глазами маячит мясницкий тесак. Я выгнул конечность дугой, удерживая оружие за рукояткой. Просто потому что захотел. Лезвие красиво полыхает красным, успокаивает. Иду и периодически поглядываю на него, размышляю. Если оружие главного гопника у меня и подвеска его тоже у меня, то получается что? Теперь я – главный гопник. Ладно, не смешно. Бестелесные лица продолжают появляться из тумана, наплывают, растворяются белой дымкой. Каждый раз, когда подобное происходит, я ощущаю едва различимый, сладкий аромат. Мой сломанный пятиугольник начинает гудеть, языки облизываются.

– Почти пришли, – комментирует лопухая.

– Куда?

– В Кельтун'Хель, город – рубеж.

Рубеж? Рубеж чего, интересно.

– Левее бери, калека! – пушистая морда охамела настолько, что просто слов нет.

Только Фонарик все бормочет о том, что её зовут в туман. Ну, хотя бы не обзывается на меня и не дергает за язык. Я, кстати, остро ощущаю своими неестественными конечностями прикосновения этой троицы. Чувствую когтистую лапу хомяка, мертвую хватку брюнетки. Не удивлюсь, если она специально так давит. И только ладошка вурка легонько сжимает один из моих... своеобразных хвостов.

– Как придем – сразу в центр. На внешнем кольце не за-

держиваемся, быстро проходим, – отчеканила грудастая.

Почему не задерживаемся и быстро проходим объяснений, разумеется, не последовало.

– Долго ещё идти? – я оглянулся на лопухую, встретился взглядом.

Она мне что, в затылок постоянно смотрит? Теперь понятно, почему я себя так не комфортно чувствую.

– Пришли уже, – тихо проговорил хомяк, отпустил одну из моих мясных лент.

С чего бы это он вдруг перестал верещать? Я прекратил пялиться на брюнетку, обернулся. Тумана вокруг нет. Плотная молочная завеса осталась позади. Мы вышли к окруженной рвом, высокой каменной стене, что кольцом защищает город. Самого города практически не видно, лишь несколько шпилей торчат из-за стен. Через ров, заполненный мутной жижей, перекинут мост. Вход в город открыт. Около стрельчатой арки входа пусто. Тихо тут.

– Все, одноглазый, отработал, – хомяк, перекинув котомку через плечо, засеменял вперед.

– Нас подожди! – лопухая, потянув за руку растерянно хлопающего глазами Фонарика, нагоняет хомяка.

На ходу смерила меня взглядом, фыркнула. Вот это к чему сейчас было?

– В центр тебе лучше не соваться, – а это уже мне.

– Это ещё почему?

– Там не место таким, как ты, – бросила через плечо брю-

нетка, поравнялась с хомяком.

Ох, чую я проблемы. Не нравится мне все это. Ещё мне не нравится то, что меня тупо кинули. Сначала использовались в качестве поводыря, а потом просто и без затей кинули. Гадко на душе. Я сбавил шаг, наблюдая, как троица быстро удаляется. Вурк на ходу оглядывается, кидает на меня растерянные взгляды. Хоть кому-то я не безразличен. Помахал рукой девушке. Языки синхронно повторили, мотнув влево—вправо своими мордами. Им тоже нравится Фонарик. Хорошая девушка, хоть и смахивает порой на ребенка. Хм, а может она, в самом деле, ребенок? Была ребенком, пока не попала сюда. С другой стороны, вурк могла находиться здесь не один десяток лет. Как тут вообще время отсчитывают? У меня столько вопросов без ответов. Ладно, проехали. Где тут присесть можно. Вон какой-то пенек.

– О—о, – очередной вздох облегчения.

Наконец-то я могу спокойно посидеть, подумать. Вопросов накопилось изрядно. Троица моих теперь уже бывших спутников давно скрылась за стеной. У входа так никто и не появился. Странно и то, что из города тоже никто не выходит. Мертвая... локация. Я оглянулся на туман за своей спиной. В памяти всплыли призрачные лица, непонятный шелест, сладкий аромат. Последние события никак не вяжутся с тем, о чем поведала мне космическая сущность. Я вроде как должен впитывать останки... э—э светлых душ. А по факту что? Сначала надышался газа, затем выпил жидкого челове-

ка. Пауком в бочке закусить хотелось. На светлое и доброе вся эта хрень не тянет. Если моя «прокачка» заключается в чем-то подобном, то я категорически против. Подстава какая-то.

– Ладно, – оглянулся ещё разок по сторонам. – Где там амулет.

С глухим стуком соединил половинки жетона, заструилась знакомая голограмма. Итак, давайте глянем, что тут поменялось.

Я просидел в раздумьях, наверное, час, отрешенно рассматривая свою уменьшенную копию. Успел дважды отсидеть пятую точку. Научился жонглировать языком, ловко подбрасывая в воздухе мясницкий тесак. А все потому, что передо мной таки открылась таблица с характеристиками, умениями и прочей, свойственной компьютерным играм лабудой. Похоже, десятый уровень – это некая граница, после которого становится доступным та самая «прокачка». Но самое интересное – обнаружился перечень талантов. Или как это называть?

В общем, иконка завязанных на узел языков открывает ветвистую сеть объемных фигурок. Их тут сотни, если не тысячи. Начиная с изображения звериной морды и дальше, выше, строчка за строчкой. Венчает куст одинокая фигур-

ка легионера. Эдакий римлянин с копьем. Не трудно догадаться, что это и есть граница. Талант, при достижении которого ты становишься богом. Вроде все просто и понятно. Но это с одной стороны. С другой же, навыки поделены на пять ветвей и не взаимосвязаны. Тратить очки на всё подряд не выйдет. Система как бы намекает подумать, определиться, и двигаться в каком-то одном, конкретном направлении. Косвенно на это указывает и отсутствие пояснений выше второй строки. Сейчас мне доступно «обоняние поедателя». Талант, что позволяет «улавливать источник силы». Каждый потраченный сюда плюстик увеличит область действия навыка и его мощностъ. Ну а что касается остальной части куста, тот тут можно только гадать. Чем наделит тебя тот или иной талант не известно, руководствоваться при выборе можно только изображением. Вон, например, во второй строке иконка червяка, а в пятой фигурка бодибилдера с кучей щупалец. В седьмой можно найти язык, заточенный кромкой лезвия с двух сторон. И много, много чего ещё. Можно весь день просидеть, разглядывая.

– Вот же хр... бред!

Я устало смахнул голограмму, пересел на землю, облокотился спиной о пенек. Вот, так лучше. Холодит, конечно, пятую точку, зато спина отдыхает. Где там мои трофеи? Глаз, мясницкий тесак и медальоны. Подвеска бывшего главного гопника определяется как жетон обыкновенного качества. Выглядит без каких-либо вывертов – кругляш с изображе-

нием усатой морды. Незатейливо, прямо скажем. И совсем иначе выглядит медальон аму—вага. Этот кусок черной глины мало того, что форму имеет непривычную и на вид угольно—черный, так ещё и на ощупь шершавый. От подвески фонит какой-то жутью. Меня передергивает, пока держу в руках эту херовину. Мерзкая штука, как и её бывший владелец. Я ещё пару минут крутил—вертел в руках набор блинчиков. Не знаю какова их ценность, но смею надеяться, что высокая. Все-таки подвеска является своеобразным источником сил. «Шу-о-шу» и прочие обряды у меня не сработали, обмен энергиями не получился. Так что, остается надежда их выгодно сбыть. Финансы не помешают.

– А с тобой что делать? – задал я риторический вопрос остекленевшему глазу.

Светящаяся сфера потеряла за последнее время где-то свой нерв. Теперь это просто круглый шарик с недвусмысленным названием. И для чего он теперь нужен непонятно. Я уже немного привык видеть в половину обзора. И даже потихоньку свыкаюсь с однорукостью. Неудобно, но терпимо. Языки все больше заменяют мне недостающую конечность. Вон как-то умудряюсь жонглировать тесаком. Глядишь, скоро тентаклями в карты начну играть. Отвлекся. Что там осталось?

Выберите:

Мрачный двойник (атакующее)

Жидкая скорлупа (защитное)

Да, пора решать. Черная клякса парит возле затылка, требует конкретных действий. Выберу двойник, атакующее. Ну круто ведь будет, займем я копию себя самого. Дублер, способный бегать, прыгать, растворять врагов. Бой с пигмеем однозначно того стоил. Нутром чую, эта жижа – нечто уникальное.

Стоило мне определиться с выбором, как шар черного мазута полез мне в глотку! Клякса плюхнулась мне за шиворот, заструилась по шее и подбородку, хлынула мерзким киселем в желудок. Я как сидел, так и свалился на бок. Вот ведь зараза! Минут пять меня крючило. Ощущения, словно шланг внутрь засунули и наматывают органы.

– Б—у—э, – я попытался освободить содержимое своего желудка.

Толку ноль. Ладно, тогда...

Ненасытное нутро:

45/1500 (ядовитый дурман)

60/1500 (мрачный двойник)

Активировать: Да/Нет?

– Ага! – вот, я так и думал.

Давайте попробуем второе. Из меня полезло наружу то самое, что мгновение назад я так старательно пытался стошнить. И полезло без какого-то ощутимого дискомфорта. Уже признаться напрягся, выбирая «да». Думал, снова кинет на землю, скрутит от боли. Но нет. Я просто открыл челюсть, и на землю небольшим фонтаном вылилась ма—а—аленькая

лужица.

– Что—о? Да ла—одно... Да вы издеваетесь!

Ой, ну всё! Это просто несправедливо! И вот *это* мрачный двойник? Я посмотрел на пятно черной кляксы у своих ног. Жижа собралась в форму кроссовка, на что-то большее её не хватило. Теперь передо мной точная копия левого, практически разодранного в ключья «адидаса».

– Вот же хрень! Лезь назад, видеть тебя больше не хочу! – от досады чуть не пнул эту жалкую пародию.

Жижа скользнула на мою ногу, поднялась к подбородку и затекла внутрь организма.

– Вот и сиди там, – прокомментировал я, переламывая амулет.

Дельных соображений, на какие таланты потратить мои несколько «плюсиков» не нашлось, а потому заглянем сперва в город. Посмотрим, во что «качаются» местные. Понимаю, у каждого по своему, но какое-то общее направление наверняка есть. Я подцепил лежащий у моих ног мясницкий тесак. Язык проворно обвил ручку.

– Ну-ка... – подбросил тентаклей нож, ловко поймал.

Прям, горжусь собой. Порвав на тряпки вконец изодранную рубаху, перебинтовал голову. Если ленты за спиной ещё можно списать на некое уродство, то костяная рожа однозначно вызовет вопросы.

– Всё, потопали, – подбодрил сам себя, поднимаясь.

Вышагивая вдоль вонючей канавы, двинул ко входу в го-

род. Главное, чтобы за воротами меня не поджидала ватага блондинов, отпевающая заунывные мотивы. Или парочка ма'шутцу с тесаками наперевес. Улк-Атан и О'д Всемогущий – оба их гвардейца хотели моей смерти. Запишу эти имена в воображаемый блокнот. Выпадет случай – нужно будет задать небожителям пару вопросов.

Глава 15

Город встретил меня ядовитыми парами, грязью и косыми взглядами. Почему ядовитыми? В воздухе витает зеленого цвета пар. Отовсюду слышны хрипы, кашель и рвотные потуги. Горький аромат кислотного марева чувствуется на языке, горло першит. Я у выхода на некое подобие проспекта. Вдоль каменной стены города тянутся хибары. Может, правильным будет называть эти кривые, подернутые трухой и плесенью строения сараями? Чахлые домики обвиты подозрительным плющом. Крыши домов сплошь зеленые. Под ногами жидкая грязь.

Народ есть. Не то чтобы много, но местных жителей достаточно. Вон, например, страшного вида бабка. Сгорбленная, одноглазая. Добавьте к старушечьему лицу мясистые, слюнявые губы трубочкой. Утиный «клюв» выпирает за её кривой горбатый нос. Завершает образ гора тряпок, бесформенной шарообразной кучей висящая на этой... кикиморе. Бабка что-то колдует у хибары. Согнувшись над столиком, старуха косится на меня своим единственным глазом. Красные червяки уже ползут из своих нор, собираются строчкой текста над головой прокаженной

Кикимора, 66 ур.

Да ладно? Реально кикимора? Кикимора шестьдесят шестого уровня. И она продолжает поглядывать на меня. На

меня, поедателя десятого уровня. Интересно, какие мысли сейчас крутятся в её голове? Я покрепче сжал тентаклей трофейный тесак. Калеки вдоль стен заинтересованно на нас таррачатся. Одноногие, безрукие, одноглазые – десяток отдаленно похожих на людей существ кашляют, морщатся. За этими лохмотьями и не разобрать кто перед тобой. Даже червяки не вяжут строчки текста поверх голов. Навстречу идет пара зеленокожих громил. Сплошь в бородавках и ожогах. Сплюснутые головы, широченные рты, ростом как два меня. На очеловеченных жаб похожи.

– Дорогу подсказать, «заедатель»? – пузырьчатые громадины остановились в нескольких шагах.

Читаю на их мордах смесь удивления и веселья. Оглядывают меня с головы до ног, чешут бородавки. Краем глаза заметил, что калеки ползут со своих мест куда подальше. Ясно, у меня проблемы. Будем импровизировать.

– Моя подруга тут проходила. Шепчущая в ночи. Видели, куда пошла?

Странная у них реакция. Переглядываются, молчат. Где там мои червяки, ползите быстрее. С кем я хоть разговариваю?

Воин гу'оз'гу, 54 ур.

Клан «Наизнанку»

Клан? А, вижу. На тыльной стороне ладони Х-образный светящийся символ. Нечто подобное я наблюдал у рогатого в сумасшедшем городишке. Странно, что в тот момент над

головой берсерка запись о клане отсутствовала. Очередные загадки.

– Просперус, говоришь? – протянул правый.

Я не могу их различать, кроме как правый и левый. Оба пятьдесят четвертого уровня, оба воины. Одеты в короткие кольчужные шорты и металлические бахилы. Разве что у говорящего голос сиплый, ну и бородавки побольше.

– Просперус, – кивнул. – В центр шла.

– А—а, в це—ентр... – протянул напарник сиплого.

Повернул морду к своему дружку:

– Слыхал? Ему в центр надо!

– Кхы, – жаба весело хмыкает, чешет водянистую бородавку на своей щеке. – Если в центр, то мы проводим! Ещё бы, когда такое дело!

Меня эти весело лыбящиеся рожи пугают.

– Ну чё, пошли, одноглазый? В центр! – весело гоготнул левый, разворачиваясь. – За нами иди!

Может, убежать? Свалю в туман прямо сейчас. Просто побегу с места и все. Тут делов на две минуты. На что способны эти жабы пятьдесят четвертого уровня? Далеко прыгать, быстро бегать? Оружия у них с собой нет, зато кулачищи размером с мою голову. А вдруг они языком плюются?

– Пошли, давай, одноглазый! – бородавочник нетерпеливо рыкнул.

Ладно, держим морду кирпичом, ведем себя уверенно.

– Шевели копытами! Шевели, я сказал! В центр идем!!

Шевели!!

Ничего себе, концерт. Обезумевшие жабы крутанулись на местах. Морды перекошены, глаза выпучены. Да что случилось—то?

– Иду, иду, – держим морду кирпичом.

Неспеша подошел к переглядывающимся жабам, остановился:

– Идем, или как? Мне вас долго ждать?

Жабы—переростки успокоились. Снова пялятся на меня, рассматривают.

– Ну, идем, ленточный, – процедил правый. – В центр идем!

– В центр, в центр... Веди, давай.

Да что они заладили со своим центром. Что не так-то? Мы снова двинули в путь. Брюнетка говорила мне не соваться в центр. Таким как я там не место. Вот и узнаем в чем дело. Жабы бросают на меня косые взгляды. От этих плоских зеленых морд воротит чуть меньше, чем от кикиморы. Мы движемся через проспект. Мерзко здесь. По крайней мере, в этой части города. В воздухе разлито кислотное марево, беспорядочно раскиданы хибары, жители – сплошь калеки или уроды. Такие же, как я. Мимо нас снуют горбатые бабки, ползают в грязи замызганные увечные, на глаза попадаются странного вида люди. Из человеческих тел торчат и извиваются отростки буро-коричневого цвета. Несчастные выглядят изможденными, уставшими, кто-то буквально при смер-

ти. Количество щупалец, торчащих из их тел, для всех разное. У кого-то одна, у кого-то десяток. Хомяк мне предлагал моровую пиявку. Быть может это они и есть? Правда, не похоже, чтобы увечные могли как-то контролировать присоски на своих телах.

Чем дальше мы проходим внешнее кольцо, тем больше местных попадает на глаза. Все ущербные в той или иной мере. Кто без рук, но с пиявками, кто горбатый и кривой с пузырем вместо лица. Встречается симбиоз из человека и ящерицы. Верхняя часть тела нормальная, а нижняя от рептилии. Бедолаги ползают в грязи, перебирают своими конечностями, по-змеиному изгибаются во время движения. Я молча иду и кручу по сторонам головой, нервно соображая что делать. На глаза попадают магазины, кузницы. Вон кабак, по-видимому. Вполне себе добротное двухэтажное здание не в пример остальным. Вывеска над крыльцом. На толстой, массивной табличке вырезаны каракули: несколько жаб, убегающий вурк, костер, снова жабы, вурк на палочке.

– С дороги, падаль! – левый на ходу пнул зазевавшуюся кикимору.

От пинка бабку снесло, словно пылинку. Старуха с треском проломила головой соседнюю хибару. Кажется, мы пришли. Ещё одна каменная стена. Широкая лестница поднимается к стрельчатой арке входа. Жабы остановились, выжидают. Смотрят своими лягушачьими мордами, молчат. Я зашагал по лестнице. Поднимаюсь, то и дело оглядываясь. Громи-

лы не уходят, ждут. Вопрос, чего именно. Чем выше я поднимаюсь по ровным каменным ступеням, тем больше открывается моему взору. Вот они, те самые шпили домов.

Через проем видны нарядные, ровные стены зданий, застекленные окна. Веранды, балконы на втором и третьем этажах. Я вижу брусчатую площадь и спящих по ней жителей. Аккуратные лавочки, зеленые насаждения, фонари, что освещают городок. И в этом празднике жизни я не вижу ни одного увечного, грязного, убогого. Только блестящие полированные латы, вычурные плащи, цветастые эполеты и шевроны. Спокойные, уверенные походки, неторопливые. О, вон фонарик пробежал! Ну, то есть вурк. Нарядная. И чем ближе я к этому царству роскоши и благоденствия, тем сильнее крепчает понимание каким оборванцем я выгляжу. Меня остановили за десяток ступеней от входа. Вижу мерцающую пленку. Наверное, именно она глушит звуки и запахи с той стороны. Ибо стоя тут, я всё ещё во власти горьковатого дыма, витающего перед моими глазами.

– Замри, десятка, – передо мной материализовался, кто бы вы думали, опоссум.

Разведчик му'шутцу, 78 ур.

Клан «Рубеж»

– Парень, до конца моей смены осталось пару часов, – процедил енот. – Даже спрашивать не буду что, как и почему. Разворачивайся и иди обратно.

Не знаю что ему ответить. Этот шрамированный енот при-

ковывает взгляд. Аккуратно уложенные волосы, ровно постриженные усы, тонкая бородка. Про доспехи вообще молчу. Монолитный кусок... какого-то черного пластика. Сидит на нем, словно вторая кожа. Круто, блин! Грудная жаба удавилась от зависти.

– Парень, – разведчик глянул на меня, – двигай отсюда. Больше повторять не буду.

О, Фонарик! Или не Фонарик? Вурк шестого уровня. Вроде бы похожа и выглядит как всегда потеряно.

– Фона...

Договорить не успел. В грудь прилетел пинок такой силы, что в глазах потемнело. Внутри что-то хрустнуло, сломавшись. Как рыба, выброшенная на лед, я хватал ртом воздух и катился вниз по лестнице. Катился в жидкую грязь под ногами и плотную завесу зеленого дыма. Катился, прикладываясь лицом о ступеньки.

– Гы—гы!

– Сходил в центр? Гы—гы.

– Ещё раз попробуй, может, получится! ВА—ХА—ХА!

Сейчас я поднимусь по этой лестнице обратно и прирежу этого опоссума прямо там! Тупо прирежу вот этим самым тесаком. Слава богу, не выпустил из – хотел сказать рук, свыкаюсь уже – из тентаклей. Город—рубеж? Вот *это* – рубеж? Рубеж между нормальными и ненормальными что ли? И предыдущий поедатель пробирался через такие вот... препятствия? До самого титула бога. Теперь я не удивлен, что

он к чертям вырезал все живое, забравшись на вершину. У него банально поднакопилось.

– Ну что, болезный? Гы! Раздевайся. Тесак сюда давай, побрякушки все выкладывай, – засипела мне в ухо правая жаба.

Трехпалая лапа схватила за языки, вздернула меня в воздух. Силен.

– Ножик сюда гони, – второй ручищей бородавочник потянулся к тесаку.

– Бери, – я поднял своё вымазанное в грязи лицо.

Язык алой полосой метнулся к голове пузырячатого. Я целился в глаз, вот только.

БЗДЫНЬ!

Острие выбило сноп искр о невидимую пленку, отскочило в сторону. Мои тентакли тут же сдавила лапа бородавочника, тело вздернули ещё выше.

– Кранты тебе, калека, – лаконично резюмировал левый.

Мясистые губы зеленого разомкнулись, демонстрируя ряды острых, как бритва зубов. Жабья голова увеличивается. Щеки раздуваются, пасть открывается все шире. Верхнюю половину жабьей морды я просто не вижу. Всё пространство занимает огромная раздувшаяся харя. Меня собираются проглотить целиком.

Ненасытное нутро: 60/1000 (мрачный двойник)

Активировать: Да/Нет?

Конечно «да»! Я выплюнул черную кляксу, наблюдая, как

жижа исчезла в бездонной глотке. В следующий миг бородавчатый выпустил меня из своих лап, задергался, засипел и поплыл горкой мяса. Кинув взгляд на его растерявшегося напарника, я рванул в ближайшую подворотню.

– Тебе кранты, тварь! – обезумевшим слонем взревели за моей спиной.

Ничего себе у него голосок! Но это не важно. Бежать и ещё раз бежать из города. Дом, второй, поворот, улочка, снова поворот. Я несусь как ошпаренный, перемахиваю через ветхие заборы и калитки. Я снова встрял! Да как же так, елы-палы?! Всё, никаких городов! Я огибал трухлявые сараи и расталкивал кикимор, чтобы в итоге забежать в тупик. В тупик с одиноким домиком, непонятным дедком на лавочке и высокой стеной. Но... как? Не может такого быть! Я возвращался тем же маршрутом. Точно помню! Мистика какая-то.

– В туман надо было бежать, парень. Из города и в туман, – проговорил старичок. – А теперь тебя съедят.

Я слышу, как приближается целая орава жаб—переростков, слышу, как дрожит земля от тяжелых шагов, слышу ревущие голоса, что раздаются на всю округу.

– Дед, держи, – я бросил пачку амулетов старику под ноги. – Похоже, мне они больше не понадобятся.

Главное, что не достанутся бородавочникам.

– Гхм... – кажется, дед удивился.

А тесак надо перехватить покрепче. Он мне сейчас пригодится. Где жижа моя?

– Рядом будь, – кинул я кляксе возле своих ног.

Черная лужа собралась в кроссовок. Так, что ещё? Всё, поздно. Табун зеленых громил ворвался в тихий закуток. Может, стоило попытаться вломиться к деду? В его хибару. Спрятался бы, пересидел. Я оглянулся на безмятежного старичка. Что там рисуют черви над его головой?

Малефик

И всё? Подозрительный дед.

– Малефик, сиди, не создавай проблем! – рыкнула ближайшая жаба в сторону сухощавого.

Вся эта ватага, завалившись плотной гурьбой, сейчас неловко переминается с ноги на ногу. Стоят, переводят взгляд с меня на деда. Я обернулся к старику, встретился взглядом. Что-то не чувствуется от него какой-то силы. И жетона у него тоже нет.

– Ты где глаз потерял, малыш? – мужичок задает мне вопрос.

Кажется, дедушку вообще не заботит происходящее вокруг. Сидит, смотрит на меня, ждёт ответ.

– Глаз...?!

Дед что, троллит меня? Или, в самом деле, интересуется, как я стал одноглазым? А может он спрашивает про болтающийся стеклянный шарик на моем поясе? Я запутался. Взгляд у этого мужичка какой-то озорной. Жабы все мнутя, не решаются подойти. Что тут происходит?

– И что тут происходит? – мой немой вопрос озвучили

мягким, спокойным баритоном.

Новое действующее лицо. Мужчина. Высокий, статный. Одет в какую-то помесь кольчуги и банного халата на распашку. Из-за спины торчит крыло. Половина. Второго вообще нет. Ни имени над головой, ни фамилии. Бледноватый он какой-то. Бросив на меня мимолетный взгляд, человек—загадка повернул голову к деду:

– Малефик, сиди, не создавай проблем.

И этот туда же. У меня такое ощущение, что всю эту ватагу больше волнует старичок. Бородавочки уже не рады, что вообще сюда приперлись. Странно все это.

– Пока что проблемы создаете вы.

На последнем слове дедули зеленые громилы нервно переглянулись. Но человек в плаще и бровью не повел. Сразу видно – серьезный тип. Бледнолицый перевел взгляд своих карих глаз на меня. Тентакля, убери уже тесак, хватит водить им по сторонам! Жижа, ползи обратно, ещё не все потеряно. Толпа зеленокожих громил дружно проводила взглядом черную кляксу, заползающую мне в открытый рот.

– Кхе, – раздалось позади.

Снова дед. Задумчиво смотрит на меня. Кстати, где амулеты, что я ему кинул? Когда он успел их поднять, спрятать? Там всего пару мгновений было.

– Он пойдет с нами, – незнакомец в халате, похоже, решил.

Пронесет или нет? Все зависит от старика. Он мне вроде

как помогать не должен. С другой стороны, куда делись жетоны, что я ему отдал? Я снова обернулся. Старичок сидит, жуёт губами. Решает что сказать.

– Босс, он жижей своей Вуга растворил! – жаба полезла в разговор. – Муг расстроится!

– Малефик, он идет с нами, – отчеканил однокрылый.

Старик задержал на мне взгляд, пожал плечами:

– Пусть идет. Чего вы ко мне пристали?

Ясно. Понятно. Ну уж нет, я так просто не дамся! Плюну в однокрылого жижей, а там будь что будет. Жаль не восстановился заряд для выстрела. Я развернулся, ощетинившись языками. Давно серая тентакля никого не дырявила. Интересно, пробьёт защитную пленку зеленокожих или нет? Хочу себе такую.

– Ну, подходите, придурки!

Пернатый скривился:

– В яму его!

Бледнолицый в халате вытянул в мою сторону руку, скрутил причудливо пальцы. Вспышка света и в лицо несется горящий шар. Мир молниеносно погрузился в темноту.

– Брестус, он всего лишь десятый. Арбитр нас на смех поднимет, – бархатный женский голос доносится со стороны.

– Сойдет. Снимите с него жетон, – а это пернатый.

Брестус, значит. Как же болит голова. Мир вокруг плывет. Чувствую, как чья—то шершавая лапа грубо стягивает с меня подвеску.

– Это было у него.

– Глаз? – женщина удивлена. – Любопытно. Знаю кто этим заинтересуется.

– Малефик странно себя вел, – снова пернатый. – Мы поймали калеку у дома старика.

– Совпадение. Муг говорит, патруль встретил парня у входа в город. Он выглядел потерянным.

– Да, Госпожа! Всё именно так!

Каким подобострастным, оказывается, может быть голос у жабы. Муг, да? Я тебя запомнил, падла. Считай, ты в списке вместе с тем енотом у лестницы.

– Всё, хватит разговоров. В яму его. Скоро придет арбитр.

– Господин! Калека в сознании!

– И чего ты ждешь от меня? Разрешения?

Я снова проваливаюсь в темноту.

Глава 16

Этот город будет ассоциироваться у меня с грязью под ногами, звездным небом и бородавчатыми громилами.

– Эй, калека, глянь сюда!

Муг, кажется. Зеленый ушлепок стоит у кромки каменного колодца. Смотрит вниз, на меня. У жабы в руках мой тесак. Громила любит алой кромкой лезвия. Честно, я полюбил этот нож. Даже язык тянет кверху свою морду, словно желает его вернуть. Надо же, не думал, что такое возможно. Эти тентакли за моей спиной странные создания. И вроде бы часть меня, но в то же время со своими отдельными заморочками. Я начинаю думать, что они могут быть разумны. Иначе как объяснить тот факт, что морда красного питона сейчас неистово желает дотянуться к ножу. А серый колючий шланг? Вечно норовит продырявить первого встречного. Постоянно голодная змеюка. Может, я схожу с ума?

– Классный ножик, оставлю себе! ВА—ХАХ!

– Ты Муг, да? – спрашиваю бородавочника.

– А? Что ты там бормочешь, калека? Говори громче! – жаба дразнит меня, ходит по краю колодца, крутит в руках мой нож.

Новый город и новая бочка—арена. Похоже, судьба у меня такая. Сейчас я валяюсь на дне круглой каменной ямы с ровными стенами. Десяток метров вверх до бородавочни-

ка. Шансов преодолеть такую высоту у меня нет. Но что хуже всего – способности не работают. Отсутствие жетона-подвески обесточило красные черви за моей спиной. Теперь это просто бесполезные куски мяса. Костяной бур неподвижен, строчки текста перед глазами больше не появляются. И все из-за Брестуса. Ему-то я когда успел дорогу перейти? Запишу в свой блокнот это имя.

– Муг, я отсюда выберусь! – вопреки всему, пообещал бородавочнику.

– ВА—ХАХ!! Десятка, я бы сам к тебе спустился. Хочу откусить твою перемотанную башку! Но Брестус будет злиться.

– Гребаный Брестус... – тихий мужской голос раздался за моей спиной.

Вдоль стен этой круглой каменной ямы расположены зарешеченные двери. Ровно пятнадцать. И все ведут в маленькие камеры – кубрики метр на метр. Голос доносится из ближайшей каморки.

– ВА—ХАХ! Ящерка заговорила! Скоро светлые придут за вами. Надеюсь, тебе не повезет белоглазый. Жду, когда ты выползешь из ямы. Люблю пинать ваше племя! ВА—ХАХ!

Я присмотрелся. Высокий, широкоплечий громила, стоит у прутьев своей клетки. На ящерицу не похож от слова совсем.

– Десятка, лезь в свою камеру! – бородавочник перестал ходить у края колодца.

Жаба крутит в руках клинок, пробует пальцем остроту лезвия.

– Классный у меня нож! Когда пройду разлом, обязательно расшифрую. Вдруг, легендарный?

Расшифрую? Легендарный? Вот, значит, как это работает. Я так и думал, тесак у меня необычный.

– Молодец, безрукий. Я рад, что ты появился. Мне нравится эта железяка! ВА—ХАХ!

Я не безрукий.

– Муг, я выберусь отсюда. И когда это случится, я разрежу твою рожу от уха до уха этим самым ножом!

Ещё не знаю как, но я должен отсюда выбраться. Этот зеленокожий дебил меня бесит.

– Выберешься, обязательно! ВА—ХА—ХА! Скоро половина из вас обязательно «выберется». Хочу узнать, что из тебя получится!

Что несет этот кретин?

– Блондинчик в последнее время в ударе! Кикиморы особенно хороши! ВА—ХАХ!

Кикиморы? Какой ещё «блондинчик»? Снова Улк-Атан со своими фанатиками?

– Ладно, безрукий. Не скучай, – жаба развернулась, сунула за пазуху мой нож. – Эй, ты, сюда иди! Следи за этими «экспериментусами».

Место Муга заняла новая жаба. Поменьше и позеленее, абсолютно молчаливая. Медленно расхаживая вдоль кром-

ки колодца, бородавочник начал за нами следить, я так понимаю. Исполнительный.

– Ву—у—у, да у нас тут новые лица! – пронзительный женский голосок донесся из другой камеры. – Поедатель! Нет, ну ты понял, Крюк, поедатель! Вот же крутой у него класс, а? Крутой же, да? Крюк, э—э, Крюк! Не молчи!

Все пространство колодца заполнил стремительный словесный поток.

– Только не это! – громила закатил глаза, схватился за голову.

– Тебя как зовут, поедатель? Давай знакомиться? Вот лично меня зовут...

– Мужик, – я подошел к решетке синекожего громилы. – Что тут происходит?

– Тут? – этот практически обнаженный, лысоголовый верзила поднял на меня свои белые, лишенные зрачков глаза. – Мы тут ждем лотерею.

– Эй, поедатель! Э—й, вы там! Не игнорируйте меня! Крюк, скажи ему, скажи, ну! Не хорошо игнорировать девушку! Крюк, ну скажи, а? Крюк, Крюк!

– О—о—о, – Крюк, как его называет эта фонтанирующая общительностью мелюзга, вновь закатил глаза.

Понимаю его.

– Парень, – синекожий наконец-то отмер, по-видимому решил игнорировать не затыкающуюся ни на минуту девушку. – Бородавочник дело говорил. Войди в клетку, запишись.

Так у тебя больше шансов.

Я крутанул головой по сторонам. Одна из комнатушек открыта, решетчатая дверь нараспашку.

– Объясни ты нормально, что тут происходит! Пожалуйста, – обратился я к синекожему.

– А можно я, а можно я? Крюк, я расскажу, я расскажу! Всех нас жд...

– Скоро придут светлые, – белоглазый, набрав полную грудь воздуха, грустно заговорил, – и вместе с ними придет арбитр. А потом разыграют лотерею. Кому повезет, тех вышвырнут за город. В туман и без амулетов. Остальных отдадут блондину.

– Я... все ещё не понимаю, – признался синекожему.

Арбитр, лотерея, светлые. О чем он?

– Здесь пятнадцать клеток. В яму кинут семь ключей. Может быть, тебе повезет, и арбитр не откроет твою камеру.

Так, ну уже что-то. Вот только что за арбитр такой?

– Арбитр – это кто?

– Я скажу, я скажу! Крюк, я ск...

– Арбитр – это класс такой. Превращает живых существ в безумных тварей. Кикиморы, людоящеры – это все его рук дело. Арбитрам нужна практика и уровень. И мы здесь – подопытные. Плата за спокойную жизнь Брестуса с его друзьями. Через пару часов придет этот пернатый и разыграет семь ключей от камер, в случайном порядке собрав связку. Те, кому не повезет, попадут к блониду, станут уродливы-

ми, потерявшими рассудок существами. Я стану людоящером, например. Вот она, – синекожий махнул головой в сторону неугомонной тарахтелки. – она станет кикиморой. Что у молокососа получится из тебя сам не знаю. Пока что у него выходят старухи циклопы и люди—ящерицы.

– Мне повезет! Меня отпустят! – это из соседней камеры.

Жаба, патрулирующая колодец, хмыкнула на эти, поражающие своей наивностью, слова.

– Так что, парень, зайди в клетку и запишись. Надейся, что в связке ключей не окажется того самого, что открывает твою.

Синекожий сел в своей камере, замолчал. Коротышка в юбке, как ни странно, тоже. А у меня просто выбило почву из-под ног. То есть, все эти существа в городе – это души? Бывшие души.

– А вы... как вы тут оказались?

– Обыкновенно, – синекожий поднялся, вытянул в колодец свои испещренные венами, бугрящиеся от мышц руки, уперся головой в решетку двери. – Мы прошли лес, думали всё позади. Кельтун'Хель условно нейтральный город. По крайней мере, нам так рассказывали. И теперь мы все в клетках. Такие дела.

Очередной сумасшедший городишко.

– Займи свою конуру, поедатель, – глянул на меня здоровяк. – Может тебе повезет.

Я пошевелил пересохшим языком, попытался разомкнуть губы. Предательский страх сковывает тело, не дает говорить,

не дает дышать. Я не хочу ползать в грязи словно ящерица! Не хочу оставаться в этом мерзком городе. Город уродов. И скоро я пополню их число. На ватных ногах я побрел вдоль стены к единственной открытой двери. Побрел, заглядывая в крошечные комнатки, рассматривая молчаливых пленников, отрешенных, сломленных. Никто не реагирует на меня. Никто из них не видит меня, не слышит, не чувствует. Все они погружены в собственные мысли, образы, воспоминания. Все ждут скорой развязки.

Лопухая. Не понял... мне мерещится? Грудастая сидит в одной из камер. Сидит и смотрит на меня. Но если она тут, то где хомяк? Где фонарик?

– Где... Фонарик? – я с трудом контролирую свой голос, что словно струна натянут и дрожит.

Отвернулась. Не смотрит мне в глаза.

– Если ты про вурка, парень, – вновь заговорил синекожий. – То ищи её среди кикимор. Хоть в этом теперь и нет смысла.

Я медленно обернулся к здоровяку. Крюк втянул руки обратно, сполз на пол, тихо прошептал:

– Скоро для половины из нас ни в чем не будет смысла.

Значит «меня зовут» теперь среди кикимор. Маленького, ни в чем не виноватого вурка превратили в старуху циклопа, оставив копошиться среди уродливых хибар. Оставили доживать свой век в этой грязи и ядовитом тумане среди уродов и калек. Теперь она будет бродить в этом мерзком го-

роде, пинаемая жабами и никому не нужная. Я завернул в центр колодца, захлопнул предназначенную мне камеру.

– Это ты зря. Теперь будешь первым на очереди, – отозвался Крюк.

Я молча сел, поджал ноги. В голове пусто. Мыслей нет.

На дно колодца рухнула туша бородавчатого громилы. Тяжело врезалась в пол, разметав сноп грязных капель.

– Такая вот здесь жизнь, малыш, – донеслось сверху. – Удивлен, да? Привыкай.

Знакомый голос. Тот самый дедок сейчас медленно присаживается у края колодца. Устроившись, старик глянул на звездное небо, полюбовался небосводом, весело заговорил:

– Парень, ты веришь в судьбу?

В судьбу? Я не задумывался об этом с тех пор, как попал в этот мир. Размышлял ли я о судьбе в прошлой жизни? Без понятия. Ничего не помню о прошлой жизни.

– Наверное, нет.

– Я вот тоже не верю.

Дедок выудил из-за пояса связку амулетов, тех самых, что я кинул ему под ноги полдня назад.

– Живешь вот так, не веришь, а потом появляешься ты. Поедатель жалкого десятого уровня. Потерянный, несмышленный. Приходишь в город, куда способны попасть далеко не

многие. Приводишь с собой троих несчастных, двое из которых теперь бродят в этом городе в обличье уродов.

Я глянул на затихшую в своей клетке брюнетку. Краснокожая сидит, смотрит на меня. Все как обычно – слова от неё не дождешься.

– И что с того? – не понимаю, к чему ведет этот подозрительный тип.

– А то, что ты приходишь ко мне. После такого я, признаться, удивлен. Что это, случай, судьба или чей-то спланированный ход?

Этот старик все больше тумана наводит. Где он тут увидел судьбу, спланированный ход? При чем тут он вообще?

– Ты, наверное, сейчас думаешь к чему я это все?

– Именно.

– Дело в том, что у меня кое-что есть. Как знал, специально берег!

Дедок как-то странно крикнул, поерзал, вытащил ту самую пачку жетонов. Переложил связку амулетов себе на колени, стал медленно перебирать. Выбрав угольно-черную подвеску аму-вага, старик бросил её в колодец. С глухим стуком матовый треугольник упал к моим ногам. Следом за подвеской прилетел кривой, похожий на ритуальный, нож. Я подобрал подвеску и подозрительный клинок. Покрутил оружие в руках, пробуя пальцем потрескавшееся, зазубренное лезвие.

– Что это?

– Это мой тебе подарок, – заявил дедок, усмехаясь. –
Смотри аккуратно, одноразовый. Второго такого больше не
существует, этот последний.

Убедившись, что я всё правильно понял, мужичок под-
нялся, отряхнул ладони, сунул пачку амулетов в карман:

– Используй нож, вырежи на своей груди знак поедателя.
И уверяю, больше ты не будешь зависеть от таких условно-
стей, как кусок камня на грубой нитке. А затем съешь эту
подвеску, стань тем, кем должен.

– И кем же это, интересно?

– Ну, это как повезет, – Малефик пожал плечами. – У всех
по-разному.

Я оторопело посмотрел на сухошавого. Этот тип мне и в
прошлый раз не внушал доверия, а сейчас и подавно. Но де-
док, вспыхнув багряным светом, уже исчез. Колодец погру-
зился в звенящую тишину, а у меня на душе стало как-то
тревожно. Что-то не верю я в такую доброту. Этот дед явно
знает больше, чем говорит. Сдается мне, все не так радуж-
но. Скользкий он какой-то. Но с другой стороны, какие мои
варианты? Что я теряю – возможность стать ящерицей и до
конца жизни месить грязь? Любой вариант будет лучше это-
го.

– Синий, – позвал я белоглазого. – Ты мне не поможешь?

Громила, что весь наш разговор молчал, с недоверием по-
косился на клинок в моей руке:

– Думаешь, стоит?

– Уверен, что нет. Но другого пути я не вижу.

Шум помех старого советского телевизора вновь заполняет моё сознание. Красная вспышка перед глазами порождает строчки текста, что я успел позабыть.

Анализ субъекта...

Имя: Максим

Статус: изменено

Ошибка...

Ошибка...

Добавлено: Аура (неизвестно)

Ошибка...

Ошибка...

Добавлено: Вечный голод

Ошибка...

Ошибка...

Подбор параметров...

Выбор класса...

...не опознан.

Готово.

Добро пожаловать в ми... (ошибка)

Покиньте Земли отчаяния! Немедленно!

Глава 17

Подозрение о том, что что-то не так, только что окончательно сформировалось у Анубиса. Вот уже десяток минут бог загробного мира не мог спокойно усидеть, и теперь, кажется, стал догадываться, в чем дело. Пошкрябав ухо когтистой лапой, владыка мертвых повернул голову. Настораживающий поток флюидов тянется из левой половины тронного зала, но откуда ему там взяться – непонятно. Хозяин песков обвел пристальным взглядом предметы у дальней стены. Ещё во времена своей молодости, когда жизнь была ключом и была переполнена кровопролитными сражениями, Анубис начал формировать собственную коллекцию памятных вещей. До этого подобным занимались немногие, но как оказалось впоследствии зря.

Много позже выяснилось, что части тел обладают мистическими свойствами. Другое дело, что без специфических навыков выяснить, какая именно конечность тебе нужна довольно трудно. Но, как бы там не обстояли дела с отрезанными ушами, руками, ногами и прочими органами, отрубленная голова всегда содержит толику способностей бывшего хозяина. И свою коллекцию из различных частей убитых врагов Анубис начал собирать с того самого дня, как стал обладателем заветного таланта тысячного уровня.

Бог загробного мира на секунду прикрыл глаза, вспоми-

ная события давно минувших дней. Время, когда историю кроили заново. Хаос, зависть, предательства. Удары в спину от тех, кто, казалось бы, ещё недавно был тебе товарищем. В мире богов шла дележка власти. Мутные были времена, сопряженные с риском для жизни всех и каждого. Усугубляла ситуацию постоянная угроза со стороны срединного мира. Ужасные, кошмарные порождения земель отчаяния прорывались через призрачный барьер – границу, что разделяет миры. Количество легионеров постоянно варьировалось от нескольких десятков и сотен, до тысяч и десятков тысяч. Боги гибли в пылу хаотичной мясорубки среди своих и чужих. На смену убитым приходили новые, только что оперившиеся легионеры. Амбициозные, голодные до власти, они стремительно врываются в Пантеон, чтобы сгинуть в пылу войны или стремительно взлететь на самую вершину.

Как он позже выяснил, Белигус попал в Пантеон вскоре после событий, что устроил поедатель. Предыдущие небожители, существа, мощь которых трудно вообразить, были практически истреблены. Разгромленные и обессиленные, они прятались в своих собственных измерениях, переживая последствия недавних событий. Белигус Безликий, как и прочие молодые боги, оказались на руинах разрушенного мира. И к этому миру, к его порогу, подбирались жадные до крови легионеров твари. Твари, что прорывались из земель отчаяния, с каждым столетием становились все умнее, хитрее, находчивее. Чудовища начали объединяться в группы,

устанавливать засады и хитроумные западни, стремительно сокращая численность богов. Небожители чувствовали неотвратимо приближающийся конец собственному существованию. И в этот момент сама вселенная изменила правила игры.

Те из богов, кто первым обратил в свою пользу новые правила, стали основой верхнего мира. Именно тогда Белигус Безликий начал свой путь к вершине. Он, Друт, Саяша, О'Солуте и ещё парочка наиболее предприимчивых небожителей быстро сообразили, где можно развернуться. Божественные тропы из черного камня – привет от Друта Сумасшедшего. Вербовка перспективных душ из срединного мира – находка Белигуса Безликого. Животворные эссенции из живых существ – вотчина Саяши Предательницы. Создание реликвий и хитроумных устройств – стихия О'Солуте Шепчущего в ночи. Но Белигус был единственным, кто решился отыскать ушедших на покой, предыдущих легионеров. Так родился его союз с Шимассой Царицей ужасов. Союз, о котором говорят по сей день. И пусть королева так и не появилась в Пантеоне, продолжая обитать в своем, отдельно созданном пространстве, но её рука видна во многих начинаниях Анубиса. Этот, без преувеличения, великий союз, развоплотил не одну сотню легионеров и уничтожил не одну тысячу тварей. И вот сейчас Белигус Безликий, он же Анубис, а ныне бог загробного мира, восседал на своем троне и медленно переводил взгляд с одного трофея на другой, методично

осматривая стену в дальней части тронного зала, пытаясь сообразить, что за «хрень» тут происходит.

«Крылья Воссерати – не то», – владыка мертвых задержал внимание на белоснежных огромных крыльях некогда величайшего из прогусов.

– Крылатая п..падла! – не смог удержаться хозяин пирамид от комментария.

Если бы не одна из мумий Шимассы, своевременно отправленная на помощь, наверное, сейчас его не было бы в живых. В той бойне Анубис лишился своего хвоста, ноги и половины головы – волчью пасть отрезало напрочь. А все потому, что «крылатая падла» обладала мерзкой способностью на долю секунды видеть будущее. Попробуй убить подобное создание, когда тебя постоянно опережают на шаг. Если бы не способность Белигуса менять обличье, превращаясь в неубиваемую машину смерти с заоблачной регенерацией, висела бы сейчас его башка в зале Воссерати. Анубис машинально потер морду. Несчастная часть тела в том бою заменяла собой подушку для иголок – настолько плотно она была утыкана острыми, словно бритва, перьями крылатой. Предательски заныл некогда отрубленный хвост, снова зачесалась морда.

«Так, ладно. Что там дальше» – бог песков перевел взгляд на следующий артефакт.

Голова Тригулуса (уникальное, божественное)

Рассматривая отрубленную голову первой из тварей, су-

мевшей пробиться в Пантеон, Анубис самодовольно хмыкнул. О да, он единственный, кто не побоялся тогда войти в пещеры, вырытые под фундаментом небесного города. А сколько там сгинуло легионеров, до сих пор никто не знает. Записи в храме наук и те ссылаются на разрозненные мнения очевидцев, сообщая цифру от нескольких сотен до пары тысяч. Анубис перевел взгляд на следующий трофей.

Крыло Либрикуса Смиренного

«Ага, смиренного» – фыркнул хозяин песков, вспоминая.

Не известно, по каким злосчастным местам серединного мира его носило, пока Либрикус шел к отметке бога, но крыша у однокрылого поехала окончательно и бесповоротно. Больше не обладая способностью к полету, этот свихнувшийся богомол овладел мерзкими навыками разложения. Что стало причиной такого изменения никто не знал. Наиболее правдоподобная версия – третья пара конечностей, что отрастил себе дурной богомол. Мерзкие культы, похожие на мышинные хвосты, постоянно сочились гнилью и воняли тинной. Вот только сила богомола оказалась в его единственном крыле, которое Анубис буквально чудом умудрился оторвать во время битвы. На том все и закончилось. Для богомола, разумеется.

Вспоминая однокрылого, Анубис не раз задумывался, почему в те далекие времена некоторые из богов то и дело слетали с катушек. Хотел бы он знать, в чем была причина подобного помешательства. С завидным постоянством кто-то

из легионеров устраивал кровавую мясорубку, из каких-то своих соображений вырезая богов. С приходом к власти Белигуса, Друта и О'Солуте подобные инциденты прекратились. Не сразу, конечно. Были приняты меры. Когда в очередной раз всплывала информация, что легионер «того», кто-нибудь из первой тройки прибывал на место уgomонить буйную голову. К тому моменту, как ввели подобную практику, в вопросах помутнения рассудка уже никто не разбирался. Какой в этом смысл, если легионер, стоило ему утронить допрос, начинал разговаривать на непереводимом наречии и пытался расправиться с любым в поле зрения.

Да, конечно, на свихнувшихся ставили определенные опыты, чего уж скрывать. Но все было тщетно. Более того, мониторы – одна из рас, что к тому времени населила Пантеон и владела способностями транслировать чужие мысли – теряли рассудок. Стоило менталисту проникнуть в разум свихнувшегося, как собственные мозги последнего стремительно вытекали из ушей. Такие дела. Анубис, смахнув воспоминания, продолжил обводить взглядом свои трофеи.

– А это ещё что? – удивленно рыкнул владыка мертвых.

В самом углу зала, на массивном каменном постаменте сейчас стоит какая-то фонающаяся жутью, источающая темноту херовина. Это пугающее «нечто» напоминает по форме бочонок. От странной штуковины буквально разливаются волны зловещей энергии. Кроме того, создаётся впечатление, что за тобой наблюдают. Анубис собственным затылком по-

чувствовал направленный в свою сторону взгляд.

– Ерунда какая-то... – растерянно пробормотал старый бог, поворачиваясь к своему первому гвардейцу.

Если кто-то и может объяснить, как сюда попала эта штука-ковина, то только Базолг. Вот только... Хозяин пирамид удивленно посмотрел на своего разрушителя, пытаясь узнать в этой измученной на вид побирушке, своего гвардейца. Всегда аккуратно уложенная, роскошная копна шелковистых волос – сейчас растрепанный, кое-как завязанный в узел хвост. Сочные пухлые губы – сухие и потрескавшиеся. Бледное лицо, темные круги под глазами, впалые щеки. По обыкновению сверкающий чистотой доспех местами погнут и в пятнах. Меч у бедра, подаренный лично, напоминает бумеранг.

«Кидаться она им чтоли собралась?» – оторопел владыка мертвых. – «Ещё и взгляд какой-то ... шальной»

Анубис уже собирался спросить что за ерунда тут творится, как в дальней части зала с тихим хлопком появился Шепчущий.

«Потом разберусь», – решил для себя повелитель мертвых. Решить-то решил, но взгляд предательски дернулся на чадающий бочонок в углу зала. – «Ну, точно, словно кто-то наблюдает за тобой!»

Тем временем, О'Солуте в свойственной себе манере, неспеша двигался к трону. Бог песков уже было, намереваясь встать поприветствовать старого знакомого, внезапно передумал.

«Если это не наваждение, то Шепчущий заметит», – осенило владыку мертвых.

Нервничая, человек—волк принялся наблюдать за приближающейся фигурой в черном балахоне. Вышагивая по красной дорожке вдоль каменных колонн и огромных статуй, Шепчущий, казалось ничего подозрительного не замечал. Повелитель пустыни всё сильнее нервничал. Старость берет свое? Неужели, ему просто мерещится? Базолг же стоит вон, не обращает внимания. Будто вовсе не видит и не чувствует той жути, что струится из угла тронного зала.

«Да не, бред какой-то» – уверенно отмахнулся владыка мертвых.

Шепчущий внезапно дернулся, на ходу повернул свой огромный балахон в обозначенную сторону.

«Ага!» – возликовал хозяин помещения.

Ну, в самом деле, не могло ведь с ним такого случиться! С кем угодно, но только не с ним. Анубису всего пять тысяч лет – легионер в самом расцвете сил.

«Надо будет спросить у Базолг, что это за херовина в углу», – хозяин пирамид скосил взгляд своих желтых глаз на первого гвардейца. – «И про внешний вид не забыть спросить».

Тем временем, О'Солуте достиг подножия трона, остановился. Дождавшись, когда Анубис прекратит пялиться на замученную девушку, заговорил:

– Я готов выплатить долг, – из глубин бездонного бала-

хона вытащили маленькую неоновую сферу. – Вот, как ты и просил.

– Хм, – пробормотал бог песков. – Ну, давай взглянем.

Владыка мертвых встал, спустился к гостю, коснулся шарика своим крючковатым посоха. Око тут же воспарило под потолок, открыло желтый глаз, проецируя изображение. Боги молча расступились, разглядывая ожившую картинку. Замкнутое помещение, стеклянные сферы под потолком, бесформенные кучи мяса на песке. На трибунах десятки ма'шутцу.

– Любопытно, – скрестил на груди руки хозяин пустыни.

Анубис кивнул на поедателя, что в данный момент с головой погрузился в жидкого, шатающегося из стороны в сторону, масляного человека:

– Что думаешь?

– Трудно сказать, – качнулся балахон. – Давай, сперва, досмотрим.

Фиолетовая сфера исчезла, прекратив транслировать ожившую картинку. Анубис повел рукой в сторону арки потаенного входа:

– Пройдемся?

Шепчущий неуверенно кивнул, двинул в указанном направлении.

– Останься, – бросил Анубис дернувшейся было следом первому гвардейцу. – Всё нормально.

Боги степенно зашагали в темноту помещения, чтобы через несколько минут скрыться в проеме.

– Ну, о чем говорят в мире, Темный? – сходу перешел на неформальный тон Анубис.

– Народ встревожен, – Шепчущий откинул с головы капюшон, повел своей рогатой головой.

Степенно вышагивая рядом с хозяином пирамид, О'Солуте с любопытством рассматривал эту, новую для него часть тронного зала.

– Народ всегда чем-то встревожен, – пожал плечами владыка мертвых. – Обыкновенное дело.

– Не сказал бы, – пробормотал Шепчущий. – Недовольство растет, я слышу о чем перешептываются за твоей спиной. Толпа судачит, что кому-то пора на покой.

Темный посмотрел на Анубиса:

– Это они про тебя, если ты вдруг не понял.

– О как, – хмыкнул бог песков с выражением полного безразличия.

Рогатая голова с любопытством заглянула в очередное, попавшееся на пути помещение. В центре маленькой комнатки сидел Шэдокс, сгорбившись над шахматной доской.

– В любом случае, – продолжил Шепчущий, стоило им миновать комнатку с молчаливым третьим гвардейцем. – Лич жив и движется к городу. Скоро армия марионеток за-

полонит Кельтун'Хель, сметая все на своем пути. Поедатель, где бы он ни был, будет нагнан и пожран. Улк-Атан днями не выпускала свитки из рук, читала, изучала летописи тех лет. Пернатая уверена – опасность этой твари преувеличена. Так что со дня на день блондинка заработает себе плюс в лице общественности и внимание Первого.

– Первого? – не стал скрывать удивления хозяин пирамид. – А вы же вроде ...

Шепчущий неожиданно замер, уставился на владыку мертвых угольками своих красных глаз:

– Эта... марамойка уже обхаживает его!

Анубис молча наблюдал за выражением лица старого знакомого, где нет-нет да проскальзывала обида, злость, разочарование. Старый добрый Темный, такой прагматичный и расчетливый. А повелся на прелести божественной проститутки. Кто бы мог подумать.

– Да не кипятись ты так! – Анубис неожиданно хлопнул приятеля по спине. – Тоже мне, нашел причину! Такому видному богу стоит только захотеть и все дамы у твоих ног!

– Ну да, ну да... – растроенно пробормотал Темный, понуро двинулся вперед по коридору.

– Значит, Первый интересуется ситуацией?

– Как ни странно, – вернулся к обсуждению О'Солуте, вынырнул из своих дум. – Живо интересуется происходящим, наводит справки. Так не свойственно для него. О тебе он тоже вспоминает. Первый зол, что девчонка-регулус досталась

Шимассе. Он просто так этого не оставит.

– Малыш возомнил себя центром мира? – хищно улыбнулся владыка мертвых.

Задержав взгляд на зверином оскале Анубиса, О'Солуте проговорил:

– Он уже не тот мальчишка, которого ты когда-то знал. Первый очень силен. Армия его гвардейцев зачищает рубеж, на корню вырезает всех попавшихся тварей, накачивает хозяина силой. Половина небесного города работает на него, снабжает артефактами, реликвиями, эссенциями. Мониторы сканируют срединный мир, каждый день предоставляют списки наиболее талантливых и перспективных душ. Что-то зреет, Белигус, что-то грядет. Первый готовится. Знать бы ещё к чему.

Слушая старого знакомого, Анубис неожиданно замер возле очередной комнатухи. Шепчущий заинтересованно притормозил, повернул голову, наблюдая. В центре небольшого помещения, в окружении многочисленных колб и склянок обнаружился дедок. Сухонький старичок, бегая вокруг причудливой машины, то здесь, то там подкручивает вентили. Затеяливый агрегат, шипя и фыркая, переливает в своем стеклянном нутре струйки бурлящей черной жидкости.

– Лобригус! – позвал владыка мертвых.

Дедок тут же сорвался с места, не забыв при этом повернуть очередной вентиль и дернуть за огромный рычаг аппарата.

– Да, Повелитель! – мужичок замер подле Анубиса.

– Свиток, – бог песков требовательно вытянул ладонь, получил перевязанный ниткой пухлый кулек.

– В уплату долга? – Шепчущий устало поднял глаза на Анубиса. – Опять?

– Твой долг уже уплачен, – мягко улыбнулся бог песков. – Это моя просьба, не более.

Хозяин пирамид протянул свиток Темному:

– Не откажешь?

Заинтригованный, О'Солуте осторожно забрал рулон пергамента. Тут же его развязал, обвел растерянным взглядом накарябанную в нем схему непонятого агрегата.

– Сколько времени займет? – поинтересовался Анубис, разглядывая потолок.

Все ещё силясь понять что за странные каракули перед ним, Темный неуверенно проговорил:

– Три—четыре дня... быть может.

– Отлично! – бог загробного мира довольно заулыбался. – Считай, я у тебя в долгу.

– Угу... – рассеянно угукнул Темный, продолжая изучать пергамент.

– Не буду тебя больше задерживать, мой друг, – в руках Анубиса материализовался забытый им посох.

– Угу, – всё ещё задумчиво разглядывая схему, Шепчущий с тихим хлопком исчез.

– Что это там, Базолг? – первым делом задал вопрос Ану-
бис, вернувшись в тронный зал.

– В—ваза Госпожи, Повелитель!

– Ваза?

Единственная ваза, числившаяся в пирамиде до этого мо-
мента, стояла вон там за колоннами, а не в напичканном
артефактами и защитными заклинаниями трофейном ряду
Анубиса. Это кто её туда, интересно, поставил?

– Убери куда подальше эту хер..., – Анубис запнулся, не
решаясь договорить. Бред конечно, но лучше подстраховать-
ся. – Убери этот... потрясающий предмет искусства куда-ни-
будь.

– К—куда это «куда-нибудь»? – вздрогнула девушка,
нервно сглотнув.

– Не знаю, – Анубис дернул ухом. – У входа поставь.

– НЕТ! – испуганно выпалила Базолг, мгновенно телепор-
тировалась.

С фанатичным блеском в глазах первый гвардеец обхвати-
ла руками это источающее ужас Шимино творение, закрыла
собственной грудью, кидая на Повелителя безумный взгляд.
Похоже, ничего дороже этой мрачной вазы для Базолг в дан-
ный момент не существовало.

– Ла—адно, – осторожно протянул владыка мертвых, с

подозрением наблюдая за своим первым гвардейцем. – Ты, главное, убери её подальше от меня. А то что-то на душе тревожно.

Глава 18

Ошибка

...

Ловкость: +12 (временно)

Ловкость: +2 (постоянно)

...

Ошибка

...

Сила: +12 (временно)

Сила: +2 (постоянно)

...

Откуда эти кривые бурые дорожки, что струятся по моим рукам? Солоноватый привкус во рту?

...

Ошибка

...

Дух: (параметр усваивается)

Интеллект: (параметр усваивается).

...

Ошибка

...

Живучесть: +80 (временно)

Живучесть: +2 (постоянно)

...

Ошибка.

...

– Крюк, Крюк, что происходит?

– Парень, ты тут загнуться решил? Что ты вытворяешь?

– Крюк, Крюк, ты глянь на него!! Ты глянь! Обалдеть, мы тут все утонем в крови этого чудика!

Как же хочется есть. В животе словно дыра образовалась, пытается сожрать меня изнутри. Как прокормить эту бездну?! Слюна заполняет рот, смешивается с кровью, льется на землю.

...

Ошибка.

...

Добавлено: Рукоделие, 1 ур. (необычное)

Рукоделие – умение создавать примитивные поделки своими руками.

...

Рукоделие? Зачем оно мне, особенно сейчас.

– Буэ—э...

Что это такое выливается из меня?!

– Обалдеть, Крюк, обалдеть!! Ты глянь на него, Крюк, ты
гл...

– Да тише ты! Парень, ты меня слышишь? Парень?!

– Крюк, зачем ты его трогал? Мне страшно, Крюк! Что
это за тварь такая?!

– Заткнись! Не говори ничего! Может... оно нас не заме-
тит.

Добавлено: Тупое пугало (временно).

*Тупое пугало – созданный из костей, плоти и крови мрач-
ный двойник. Ваша голодная копия, что стремится запол-
нить пустоту внутри себя. Пожранный материал будет
использован для очеловечивания.*

Осталось:

9:59

9:58

9:57

...

Я хочу снова попробовать эти сладкие блинчики. Такие вкусные, мягкие. Где их искать? Где они, у кого? Там, наверху? Да... там, наверху. Я чувствую аромат, чувствую запах сладких кругляшей. Сейчас я приду к вам, двуногие! Приду, приду!

– Я УЖЕ ИДУ!

– Крюк, оно ушло?

– Тише!

– Лучше бы в кикимору! Ты зачем ему на груди вырезал ту фиговину? Оно вернется за нами, Крюк!! Ты слышишь этот хохот?! Ты слышишь, как оно хохочет?!

– Да тише ты! Молчи!

– Крюк, нам конец!!

– Заткнись!!

– ВА—ХАХ!

Муг доволен железкой безрукого. Ножик светится, Мугу

нравится. Он станет здесь главным! Никаких пернатых, никаких светлых, только Муг и его клан! Но сперва к тайнику, нужно подготовиться. Разрыв уже близко.

Бородавочник поднял голову, наблюдая, как высоко в небе формируется мутная спираль.

– Муг и братья должны быть готовы!

Шаман знал свое дело, правильно говорил. Теперь они с братом здесь. Здесь лучше, чем в прошлой жизни! Там были правила, был вождь племени. Столько запретов, столько проблем. Женщины – вождю, лучшая еда – вождю, чистить хлев – Мугу и Вугу!

– Теперь чистить хлев будут другие! ГЫГ! – бородавочник утробно рыкнул, огибая кривую хибару.

Пернатый думает, что он здесь главный, думает, у него всё под контролем.

– У Муга все под контролем!

Ещё один поворот, хибара, узкая улочка.

Муг не пойдет к яме смотреть, как арбитр проводит свои «экспериментусы».

– Насмотрелся уже! – бородавочник на ходу оглянулся, проверяя, не услышал ли кто.

Все-таки жуткая магия у этого хлюпика. Жуткая, но сильная! Владей Муг такими способностями в прошлой жизни и вождь ползал бы у его ног, как ящерица!

– ВА—ХАХ! Как ящерица!

Но пути назад нет. Шаман правду говорил – умрешь и

больше не воскреснешь, природный дар не сработает. Ну и не надо! Здесь отлично! Брестус и хлюпик не проблема. Опасные, но не проблема. Братья на его стороне.

Бородавочник внезапно остановился, замер у входа в городские стоки. Что-то было не так. Муг обернулся, настороженно рассматривая улочки и кривые домики. Гу'оз'гу отлично видят в темноте. Но вокруг никого нет. Улица пуста. Тогда почему так тревожно?

– Медальон? – Муг ощутил дрожь собственного медальона.

Почему дрожит жетон? И светится. Светится и тихо гудит. Жабья морда, изображенная на медальоне, ожила. Вращает глазами, шевелит губами, боится!

– Буэ—э... – хриплый булькающий голос.

Сплеывая себе под ноги собственные внутренности, из темноты вышло непонятное существо. Муг попятился к ступеням канализации. Оплывающая кусками мяса тварь шагнула следом, требовательно вытянула руку.

– Буэ—э, – двуногий изверг под себя неприглядные ошметки.

Странное существо вызывает отвращение и холодок в животе, но у Муга есть магия, тесак и уровень. Муга не напугать! Он узнал это существо! Узнал!

– ВА—ХАХ! Десятка! Как ты выбрался?

В ответ на слова, из хлюпика заструилась черная субстанция. Безрукий что-то булькнул, дрожа всем телом, продол-

жил ронять на землю собственные органы. Плоть однорукого медленно стекает ему под ноги, перемешивается с жижой. У жуткого калеки видны ребра, кости на ногах, виден облезлый череп. Те самые хвосты за его спиной заляпаны в черной грязи, выются над головой. Строчка текста над безруким изменилась.

Вс-с... Тупое пугало, 12 ур.

Не до конца понимая, что все-таки происходит, бородавочник быстро сбежал по ступеням.

– Муга не напугать!

Он видел в прошлой жизни и не таких страшилищ. Калека выглядит жутко, но у него всего лишь двенадцатый уровень. Против Муга и его пятьдесят четвертого это ничто. Сейчас он просто побежит в канализацию, а затем этот безрукий станет первым, на ком Муг опробует свои блестяшки. Спираль разлома окрашивает ночное небо в белый свет. Нужно начинать готовиться к переходу.

– ВА—ХАХ! Десятка, да ты подыхаешь! – Муг резко отпрыгнул, хватаясь за массивный поручень, захлопнул дверь.

Отлично, он внутри!

Бородавочник рванул в соседнее помещение. Грязный мешок, заполненный ворохом артефактов, валяется в углу. Никуда не делся, лежит на своем месте. Пора надеть то, что Муг так тщательно и планомерно собирал с «экспериментусов».

– Брестус думал, что самый умный? Муг умнее!

Сейчас он проверит, на что способны светящиеся безде-

лушки.

– Время Муга пришло!

Смена должна была закончиться обыденно. Но вместо этого разведчик семьдесят восьмого уровня сейчас валялся за границей призрачного барьера, в последний момент сумев прыгнуть на ту сторону. Странная тварь, человек, что оплывает кусками плоти, сейчас долбит своей костяной головой по защитному контуру, выбивая снопы искр. Ма'шутцу дрожащими руками выудил из-под доспеха гудящий медальон.

– Что за ересь? – нервно пробормотал опоссум, наблюдая за ожившим изображением.

Подвеска вибрирует в руках, ярко светится, усатая морда в центре жетона шевелит губами.словно живая, она беззвучно нашептывает, дрожит в его руках. Разведчик облизнул пересохшие губы, поднял глаза на беснующийся скелет у границы защитной сферы. Он узнал его. Узнал не по строчке текста над костяной головой, а по тентаклям. Мясистые бичи скрутили огромного бородавочника, сдавливают, как губку. Жаба ещё жива. Пучит глаза, хрипит, тарашится в его сторону отчаянным, полным ужаса взглядом. Серый колючий питон заживо вгрызается бородавочнику в брюхо, перекачивает из жабы внутренности в ходячего скелета. На глазах ма'шутцу калека обрастает новой плотью и тут же вновь

теряет её.

Вс-с... Тупое пугало, 12 ур.

– Двенадцатый? – разведчик инстинктивно сжал свою подвеску.

Медальон окончательно взбесился, норовит вырваться из рук. Тварь неотрывно пялится в его сторону. Этот взгляд пробирает до дрожи. Калека, кажется, что-то говорит, щелкает челюстью, ворочает языком. Красные бичи за его спиной продолжают сдавливать усыхающего бородавочника.

– Что это? Что это за тварь? – к разведчику подлетел сменщик.

– Он появился из ниоткуда. Не знаю...

– Арбитр со своими экспериментами окончательно свихнулся, мать его!! Это его рук дело, эта тварь его!

– Не уверен... – пытаюсь побороть страх, ма'шутцу поднялся на ноги. – Я, кажется, раньше его уже видел.

– Видел? Вот это?! Говорю тебе, арбитр окончательно сбрендил! Только блондин мог создать такое... – сменщик выглядит обескураженным, с испугом рассматривает мерзкое создание.

Гниющее заживо, существо продолжает буравить костяной мордой призрачную пленку, выбивет снопы искр о защитный купол.

– Убьём его! Из невидимости, – сменщик потянулся к обоюдоострому кинжалу у пояса. – Я и ты, атакуем одновременно! Двенадцатый уровень, Мик! У него даже щита нет. Ну!

– Стой, – Мик схватил за руку патрульного. – Оно вырубает навыки.

– Что? – опешил напарник, оборачиваясь. – Ты рехнулся! Нет таких способностей.

– Не знаю, может артефакт какой, – окончательно пришел в себя разведчик, быстро заговорил. – Я еле ноги унес. Почувствовал, как жетон взбесился, умения перестали работать.

– НАЗАД! – Мик дернул напарника, заваливаясь на спину.

Лужа мерзкой жижи разлилась от арки входа до караульных.

– Это ещё что такое? – пятясь от черной субстанции, севшим голосом пробормотал напарник усатого.

Ма'шутцу поднял глаза на притихшую тварь. Существо перестало елозить голым черепом о защитный барьер, переводит внимательный взгляд с Мика на его сменщика. Тентакли за спиной гниющего скелета уже избавились от жабы, прилипли тупыми мордами к барьеру, ощупывают, ищут брешь в защитном периметре. Одна из конечностей сжимает здоровенный мясницкий тесак, извивается радостной змеюкой.

– Я за главным, – сменщик вскочил на ноги.

– Стой! – Мик дернул на себя патрульного. – Оно уходит.

Лужа черной субстанции заструилась обратно. Ма'шутцу молча наблюдали, как жидкость по ту сторону барьера соби-

рается в копию неподвижной твари. Вот из-за спины жидкого человека появились тентакли. Даже тесак, что сжимает оригинал, материализовался в щупальце двойника. Теперь за мерцающей пленкой стоят две молчаливых фигуры, отличающихся лишь цветом.

– Нахрен это! – опомнившись, сменщик рванул к центру города.

Побег напарника вырвал Мика из прострации. Происходящее по ту сторону барьера до сих пор кажется чем-то нереальным. Пытаясь собрать мысли в кучу, сжимая в руке взбесившийся жетон, разведчик нервно дернул усами. Молчаливые, пугающие фигуры по ту сторону внезапно развернулись. Секунда, и у входа в город никого нет.

– Гребаный арбитр, – потной рукой провел по волосам ма'шутцу.

– Брестус!

Сестра в который раз уже зовет его. Брестус смахнул лезущую на глаза челку, перекинул ногу за ногу. Сейчас они в единственном, хоть немного подобающем их статусу месте. Двухэтажное, приспособленное для жизни здание в мерзком городишке, где волею судьбы оказались бывшие королевские особы. А все почему? А потому, что не повезло оказаться в этой части Земель отчаяния. Брестус взял со стола кружку

мутной жидкости, покрутил в руках, вспоминая путь, который пришлось им проделать:

– Как они это пьют вообще?

Всё шло не по плану с самого начала. Каких только сил им стоило убедить божественного пердуна. Сияющему мараматику, видите ли, требовались убедительные доказательства решимости и силы. Божественный хрыч что-то бормотал про резервы, риск, конкуренцию. Да ему, Брестусу, какое до этого дело? Доказательства, значит. О—о, они с сестрой предоставили этому божку доказательства! Вырезали на корню главную ветвь рода. Вырезали ночью, вместе с детьми. Убили всех! А дальше ритуальная смерть и пески. Потусторонний мир встретил безжизненной пустыней. На краткий миг показалось, что все зря. Но явился Анубис. Человек—волк отправил их через мутную стену. А потом магия, новые убийства, чудовища. И вот теперь этот городишко. Городишко, где со дня на день случится разлом, искажение пространства. А следом новый, солнечный мир. От Могильной плиты уже тошнит.

Но они предупреждены, подготовлены. Уровень высок, навыки отточены. Разлом станет легкой прогулкой. Светлые, гвардия безмозглых жаб, арбитр. Мальцу осталось совсем немного. Божественная подпитка реально творит чудеса. Несмотря на свой невысокий уровень белообрый практически сотворил измененного. Брестус дернул щекой. Возможно, стоило действовать ещё в прошлый раз. Пустить на

мясо тупорылых жаб, самим войти в разлом. Брестус сжал кулак, сотворил сферу палящего огня. О да, его способностей хватит. Система не поскупилась на таланты. Жаль, чего-то подобного не было в прошлой жизни. Но, что сделано, то сделано. Чуть меньше, чем через сутки мерзкий городишко останется позади.

– Там это! ЭТО! – в помещение неожиданно ворвался бородавочник, хватая ртом воздух и пытаясь унять дрожь в коленях.

– Что?!– хором спросили Брестус с сестрой.

– Оно жрет наших, Босс!

Как же мне плохо. Что это сейчас было? Память разодрана в клочья, события последних минут отрывочны, затуманены. Болит всё тело, во рту странный привкус. Тошнит.

Получен уровень: +27

Кровавый язык: +2 (всего 5)

Получено характеристик: 16.

Получено...

С трудом ковыляя на дрожащих ногах, я прогнал строчки текста перед глазами. Тело исхудало до неузнаваемости. Чувствую, как собственные кости стучат при ходьбе. Я хренов скелет, что пытается вспомнить откуда пришел. Долбаный дедок! Мог бы предупредить, что произойдет нечто

подобное. За спиной что-то гремит и позвякивает. На ходу обернулся. Обескуражено наблюдаю, как языки сжимают мерцающие в темноте побрякушки. Когда уже успели, а главное – откуда? Я почти ничего не помню!

– Куда тут... – обвел мутным взглядом перекресток. – Направо, кажется.

Хибара, вторая, разбитый сарай, высушенный труп жабы, рядом ещё один. Жаль, что мертвые. Мне бы не помешала подзарядка.

«Жаль, что мертвые...» – вот как я теперь мыслю, да? Дожили. Хотя этих не жалко. Где этот чертов колодец? У меня связка ключей от клеток. Где нарыл – без понятия. Вообще не уверен, что это я нарыл. Закрадываются подозрения, что тентакли за моей спиной те ещё крахоборы. Пока я был в отключке грудная жаба взяла контроль над языками, зуб даю.

– Буэ—э, – скрутил очередной спазм, вынуждая извергнуть какое-то бурое месиво на свои «аидасы».

Ещё день—два и я буду ходить босиком. На кроссовки больно смотреть.

– Кажется, дошел, – облегченно пробормотал.

Просто скину ключи в колодец и свалю отсюда. Пусть выбираются сами, не хочу попутчиков. Этот мир мне доходчиво успел объяснить, что лучше быть одному.

– Эй, – я рухнул у кромки колодца, свесил голову вниз, приглядываясь.

Тишина.

– Эй, синий. Ты тут?

Не понял. Почему никто не отвечает?

– Тут они, – знакомый женский голос.

Лопухая отозвалась.

– Тебя не спрашивали! – рыкнул в темноту.

Достала лезть, куда не просят. Устроила мне две подставы.

Ну ладно, может и не две. Во вторую я сам вляпался. Но за гопников я ей не простил.

– Крюк! – вот, вспомнил. – Я нормальный уже. Эй! Вы слышите, нет?

– Парень, ты так больше не пугай, – тихий голос синекжего раздался со дна колодца.

Ага, значит, все-таки тут.

– Не буду, – странно, что тарихтелка молчит. – У меня тут ключи, не знаю, где нашел. Не помню ни черта.

– О, ключи. Крюк, у него ключи! Ну всё, поедатель, ты прощен! Я так испугалась, когда ты начал тут всё своей кровью заливать, просто капе...

– Кидай сюда. Что-то мне подсказывает, что подойдут, – а это белоглазый.

– Куда «сюда»?

Я плохо вижу. Единственный глаз и тот запорошен пеленой. Если и его потеряю, то можно сразу кидаться с обрыва. Слепому, мне в этом мире ловить нечего.

– Сюда иди, левее. Через шесть клеток, – прогудело со дна колодца.

С трудом поднявшись на ноги, проковылял вдоль ямы. Кинул ключи вниз.

– Всё, дальше сами, – я развернулся, пытаюсь сориентироваться в какой стороне выход.

– Ты куда? – хором спросили из темноты.

Отвечать или нет?

– В туман. За город и в туман.

– Ты рехнулся, парень. Из тумана никто не возвращается.

– Я пришел оттуда. Вон, у грудастой козы спроси.

– Сам козел!

Вот же, кобыла неблагодарная! Всё, валить отсюда. И как можно скорее. Жабы, если я там всех не покрошил, сейчас должны искать меня. Ещё остается Брестус со своей сестрой. Не помню ничего на их счет, но прогоревшая до кости левая рука о чем-то мне да говорит. Валить отсюда, валить в туман. Это хреновый план, но он, черт побери, мой! Где тут долбаный выход?

– Буэ—э...

Глава 19

Стоит мне зыркнуть на тентакли, как те замирают, по- сильней хватаются за свои трофеи. Но только я отвернусь – вновь веселый перестук над головой. Долбаный мир, в котором собственные конечности меня же и не слушаются. Точно вам говорю, грудная жаба сидит за невидимым штурвалом и управляет языками. Иначе как объяснить, что красные ленты упорно не отпускают наворованное?

Получено: Тупое пугало (требуется активатор)

Получено...

Перед глазами вновь бегут строчки текста. Устал смахивать эту писанину в своей голове. Потом, всё потом. Уйду в туман, а затем спокойно прилягу и буду разбираться. Не присяду, не постою, а прилягу. Я уже на пределе. Очень хочу отдохнуть, забыться на несколько часов, ни о чем не думать. Нервная система скоро не выдержит. Я ходячий труп. Поднял к глазам свою единственную руку. Худая, белая, как мел.

– Мерзость, – убрал подальше хлипкую конечность.

Грудь болит, чешется вырезанный на груди жетон. Синкожий постарался на славу. Теперь у меня точная копия медальона. Может, не стоило его таким огромным делать? Да ещё и так глубоко. Вон, какие борозды. Странно, что нет следов запекшейся крови. Кожа на теле какая-то гладкая, нежная.

– Как новая, – тихо пробубнел.

Что со мной происходило эти полчаса? Я почти ничего не помню. В голове обрывки мутных образов: перекошенные морды жаб, кровища, странная черная херовина на меня похожая. Брестуса не помню, но помню... вкус его сестры.

– Мне просто мерещится, – я ускорил шаг, прогоняя жуткие мысли.

Туман уже близко, надо поторапливаться.

Нагнали меня у того самого пенька. Я сижу и судорожно хватаю ртом воздух не в состоянии сделать пары шагов. Эти ленты за моей спиной высасывают все силы.

– Парень, мы идем с тобой, – тихо и лаконично меня поставили перед фактом.

Я обернулся. Над городом разворачивается непонятная молочная спираль. Кто-то незримый закручивает облака огромной ложкой, подсвечивая себе фонариком. Здесь такой рассвет? Или это аномалия? Или что это, блин?

– Красиво, – непроизвольно вырвалось.

Парочка синхронно задрала головы.

– Скоро разрыв, – сообщил белоглазый.

Разрыв? Ай, нафиг. Даже спрашивать не буду, я слишком устал. Хочу спать и есть. И погреться. Но сперва в туман.

– Капец у тебя морда, поедатель. Скелетная!

Ну всё, началось. Я пристально уставился на жмущуюся к синекожему девушку. Сейчас, когда они оба стоят передо мной, можно поподробней рассмотреть эту парочку. Синекожий – коя'коя, как подсказывают мне кривые черви букв над его лысой головой. Не те ли это коя'коя, которые «совсем охренели»?

Что касается тарахтелки: ботфорты на высоком каблуке, юбка и легкий топик. Одежда замызганная, местами в дырах. На правом ботинке каблук в сторону вывернут, скоро отвалится. У коротышки глаза на лбу. Буквально, три в ряд. Бровей нет. Ушей, кажется, тоже. Или они настолько крошечные, что я их просто не вижу. Кожа у этой пигалицы покрыта каким-то ворсом. И вообще, есть в её внешнем виде что-то паучье. Коротышка безостановочно тарахтит своим тоненьким голоском про моё лицо.

– Капец у него рожа, Крюк! Я таких ещё не видела! А как он стал кровищей своей всё вокруг заливать! Я думала умру от страха! Крюк ты чего молч...

Морда, рожа. Нахалка обзывается и хоть бы хны. Ладно синий, тот молчит. Но эта. Приперлась сюда и сразу «морда», «рожа». Ещё одна неблагодарная на мою голову. Чего это она пятится?

– Ну, ладно, не «рожа», – испуганно пробормотала трехглазая.

До неё дошло, что палку перегибает или она мысли читать умеет? Как-то это всё подозрительно.

– Чего ты на меня так подозрительно смотришь? – пискнула мелюзга, прячась за здоровяка.

Так она читает мысли или нет?! Надо валить от них подальше! Я с трудом поднялся, заковылял к туману. Троица двинулась следом. Не понял... Какая «троица». Резко обернулся. Брюнетка. Стоит неподалеку. Задрала нос, руки скрещены на груди, косится на меня. Спокойно, Максим. Ещё десяток шагов и всё закончится. Нырнуть в туман и прощай дебильный городишко с его жабами, ядовитым туманом, грязью и сомнительными попутчиками. На ходу обернулся. Троица бодро чешет следом. Заметили мой взгляд, остановились. Я сделал шаг к туману. Эти трое – два шага вперед. Брюнетка тянет руку к одному из моих языков, собирается схватить. Хрен тебе! Я поджал тентакли. Грудастая мымра злобно зыркнула. Ага, хрен тебе!!

– Ты куда прешь, кобыла?! – заголосила мелюзга, прожигая взглядом брюнетку. – Тебя не приглашали! Крюк, ты зачем её выпустил?

Вот—вот, у меня тот же вопрос. Да только...

– Валите отсюда! Вы, все, – я махнул рукой, оборачиваясь. – Валите!

Хватит с меня попутчиков. Толку ноль, одни проблемы от них.

– Что?! Ну, уж нет, я обратно в город не вернусь! – топнула ножкой подруга белоглазого. – Крюк, скажи ему! Спас, а теперь «валите»? Хренушки, понял?!

– Нет не понял! Что значит, хренушки?!

Я начинаю закипать. Дебильная парочка. Эта мелюзга мне вообще не нравится. Да и синий, если честно, пугает. Амбал стероидный. Нафиг мне такое счастье. Двумя пальцами шею скрутит и не заметит.

– А то и значит! Понял?! – малолетка вообще страх потеряла.

– Ты мне за вурка должен, неудачник, – фыркнула лопухая.

– ЧТО—О?! – я эту краснокожую сейчас придушу на месте.

Тентакли разом потянулись в сторону нахалки. Особенно негодует вон та, с тесаком. Костяная спираль на руке с хрустом завелась.

Ненасытное нутро:

305/2000 (ядовитый дурман)

Активировать? Да/Нет

Брюнетка замерла. Стоит, не шевелится. Дрожит, но зыркает в мою сторону, задрав нос. Кровавые языки выются перед её лицом, спираль на руке зловеще гудит.

– Привел нас сюда, а теперь бежит. Сестру мне верни! – продолжает гнуть свою линию лопухая.

– Сама иди и верни! – полезла в разговор мелюзга, получила в ответ пренебрежительный взгляд лопухой.

У меня начинает свербеть в затылке – верный признак приближающихся проблем.

– Парень, без амулетов нам теперь не выжить, – белоглазый заговорил.

Оно может быть и так. А может и нет. Я все ещё ни черта не знаю про этот мир. Да, все трое передо мной сейчас без способностей и без уровней над головой. Но что если кругляши как-нибудь там, не знаю, снова появятся? Найдутся, прилетят? А потом этот вон синий тихоня первым же мне голову и открутит. Нельзя им верить, Максим, нельзя.

– Прошу меня простить, – хрипловатый голосок за моей спиной заставил вздрогнуть.

Да что опять?! Я обернулся, уставился на хомяка и миловидную особу.

– Уважаемый, – мохнатый отвесил поклон. – Приятно с вами познакомиться.

Я покрутил головой. С кем он разговаривает? Синекожий с трехглазой замерли на месте. Стоят, молчат. Мне почему-то кажется, что они сильно озадачены появлением этих двух. Брюнетка медленно приближается ко мне. Косится то на странную парочку, невесть как здесь очутившуюся, то на меня. Пытается боком зайти мне за спину. Она что, думает, я не вижу этой её попытки подобраться? Надо отойти подальше от лопухой. А лучше к туману. Я медленно попятился в сторону молочной пелены за своей спиной.

– Кхм, – хомяк, кажется, смутился.

– Вот, я же тебе говорила! – скривилась его спутница.

Голосок у этой дамочки грудной такой. Мурашки по коже.

– Уважаемый. Прошу, всего пару минут! – отчаянно замахал ручками хомяк.

Надо прояснить ситуацию:

– Вы с кем говорите?

– Гхм, – хомяк ещё больше смутился, растерянно глянул на меня. – С вами...

Со мной? Его мой внешний вид не смущает? Полуголый оборванец, без руки, без лица. Щупальца за спиной и вырезанное во всю грудь изображение пятиугольника.

– А вы э—э...

– О, я объясню! – забеспокоился хомяк. – Мы пришли к вам по делу!

Я, может и послушал бы, но надо срочно уносить ноги. Не до разговоров сейчас.

– Простите, времени нет. До свидания! – неловко махнул рукой.

Не знаю зачем, прощальный взмах что ли. Троица за моей спиной синхронно сгруппировалась, прижалась поближе. Когда они там успели оказаться?!

– Ха! Я же говорила, – укоризненно глянула сверху вниз на хомяка его спутница. – Ты переоцениваешь этого хлюпика.

– Ция, будь повежливей... – недобро пробормотал мохнатый.

В самом деле, могла бы и не обзывать. Но в чем-то она права, на хлюпика я похож.

– Прошу её простить, – вернулся к нейтральному тону мохнатый.

– Да ладно, – буркнул я. – Но... нам надо идти.

Я вновь попятился. Троица за спиной синхронно ухватилась за мои тентакли. Говорить «нам» было ошибкой. Вот же хрень. И что теперь?

– О, несомненно, – степенно кивнул мохнатый. – Но прошу, выслушайте!

– Мрак, пошли отсюда! – бабенка нервно крутанулась на месте, сделала пасс рукой.

Возле парочки раскрылась зияющая дыра. Руку даю на отсечение – это портал.

– Тридцать седьмой уровень, Мрак! Тридцать седьмой! – нависла над хомяком его компаньонка.

– Я вижу, что тридцать седьмой, – с трудом себя контролируя, процедил мохнатый. – Веди себя... НОРМАЛЬНО!

Хомяк неожиданно рывкнул на свою спутницу, заставив вздрогнуть всех присутствующих. На мгновение я уголек алого пламени в его глазах, а два ряда острых, крючковатых зубов, думаю, успели заметить вообще все присутствующие. Ничего себе, хомяк. Я перевел взгляд на его побледневшую спутницу. Девушка вытянулась по стойке смирно и не решается глянуть на мохнатого. В голубых глазах читается неприкрытый испуг.

Черный провал с тихим «фьють» свернулся. Пока хомяк буравит взглядом свою ... подопечную, есть время её рас-

смотреть. Затянутая в корсет и узкие кожаные штаны девица своим внешним видом может побороться с лопухой. Модельная внешность, стройная фигура. Выбивается из общего вида разве что металлическая, хищного вида перчатка на правой руке. Мелкая вязь кольчуги тянется от полированных пластин до самого плеча. У пояса висит шпага. Шапку бы соответствующую, плащ и получится вылитый мушкетер. Вот только мушкетеры не владеют магией и не открывают воронки порталов. Левая рука этой дамочки увенчана хищного вида маникюром. Я глянул на какие-то уж слишком длинные ногти. Или, быть может, правильным будет называть их когти? Ладно, оставим. Я поднял глаза. Над роскошной копной кучерявых волос черви успели собраться в одно единственное слово – Ция. Ни класса, ни уровня. Странно это всё.

– Кхм, – тем временем, хомяк успокоился, вновь заговорил. – Дело в том, что мы подобным образом не поступаем. Я сейчас говорю о нашем внезапном визите. Но уж простите, второго шанса могло и не быть. Редко, знаете ли, кто-то уходит в туман по собственной воле.

Я перевел взгляд на мохнатого. Над его головой такая же скупая строчка – Мрак. Одет этот товарищ в жилетку темно-бордового цвета. Контрастно смотрится на фоне его черной шерсти. Жилетка на три пуговицы – вот и весь прикид.

– Выбора нет, – признался я.

– О, что вы, что вы! Можете не объяснять, – замахал он ручками. – Мы лишь хотим поговорить о том месте, в кото-

рое, смею надеяться, вы придете. Вот, возьмите!

Мрак полез в кармашек жилетки, вытащил на свет маленькую фотографию.

– Это вам, – протянул он мне пожелтевшую, немного помятую фотографию рыжего паренька.

– Что это? – я поднес к глазу старое фото.

Ничего примечательного. Паренек улыбается тебе с тонкой картонки.

– Это фотография одного из наших работников. Дело в том, что он кое-что взял, – хомяк неуверенно улыбнулся, – и не вернулся. Вот уже как несколько месяцев этот путник ушел в туман.

И что? Попросит его найти, спасти, вернуть? Это не ко мне, здесь он не угадал.

– Я спасать его не буду, – обозначил я свою позицию. – Мне и своих проблем хватает.

Мушкетер почему-то фыркнула на мои слова.

– Этого не требуется, – враз посуровел хомяк.

Взгляд его маленьких глаз изменился, похолодел.

– Убейте его. Мы заплатим.

Хм, неожиданно. Я понимаю, конечно, что успел натворить бед и допускаю, что эти мутные личности наверняка в курсе. Вот только я целенаправленно никого не убиваю. А этого рыжего – ещё раз глянул на фото – я вообще не знаю.

– О, не волнуйтесь о последствиях! – видимо, Мрак истолковал мою неуверенность по-своему. – Организация всё

возьмет на себя. Уверяю, к вам претензий не будет.

Честно, мне нравится этот мохнатый. Хотя бы за то, что не грубит. Но вот его предложение. Ладно, просто промолчим. Пусть думают себе, что хотят. Хомяк протянул мне наполненный синим светом, гудящий полированный камушек.

– Когда голова будет у вас, воспользуйтесь этим

– Как... воспользоваться? – я покрутил странный камешек в руках.

Мрак улыбнулся:

– Сожмите, произнесите мое имя. Если хотите, можете и Цию позвать, – подмигнул мне мохнатый.

Его спутница смерила меня презрительным взглядом. Ой, не больно-то и хотелось!

– И.. что? Ну, потом что? – я перевел взгляд на мохнатого.

– Я ведь правильно понял, вы собирались в разлом? – хомяк кивнул себе за спину.

Вся наша компашка синхронно задрала головы, наблюдая огромную небесную спираль над городом.

– Допустим, – кивнул я на всякий случай.

Не знаю надо ли мне туда, но судя по тому, как глянула на меня троица попутчиков, оставим пока эту версию за рабочую. В города я идти зарекаюсь, хватит мне проблем, не хочу больше. Куда податься после тумана тоже неизвестно. А раз так, пусть следующим пунктом будет разлом.

– Вы приносите нам голову, а мы помогаем вам попасть на ту сторону, – улыбнулся мне мохнатый. – Думаю, это вы-

годная сделка для всех. Как считаете?

Как считаю? Да без понятия! Ладно, держим морду кирпичом. Не хочу терять лицо. Эта его Ция. Прямо, кожей чувствую, как с каждым своим вопросом падаю в её глазах всё ниже и ниже. Но про девчонку надо спросить:

– Как я её найду вообще?

– Просто идите на запах! – хомяк загадочно мне подмигнул. – Если вы понимаете, о чем я.

– Кстати, – Мрак заинтересованно глянул на мои тентакли. – Не хотите облегчить себе ношу?

– Зачем нам хлам этого хлюпика? – поморщилась Д'артаньян недоделанный.

Хомяк скривился, косо глянул на свою спутницу, продолжил:

– Меня интересует тесак и вон та сухая ветка.

Я выгнул языки дугой. Что вообще за барахло у них собралось? Тесак. Ну, это понятно. Странная сухая ветка, кривая и изогнутая, светится фиолетовым. Какая-то кочерга, покрыта налетом золы и сажи. Согнута буквой «Г», отсвечивает белым. Один из языков держит связку жетонов. Около пяти. В желудке тут же пробило черную дыру, рот наполнился слюной. Чувство голода захлестнуло рассудок. С трудом себя контролируя, отвел конечность подальше за спину. Шумно вздохнул пару раз, прогоняя помутнение. Не хватало ещё слететь с катушек и начать разносить всё направо и налево. Помню я, что случилось в предыдущий раз.

– Почему я не вижу название этих вещей? – тяжело дыша, задал Мраку вопрос.

Хомяк улыбнулся, словно ожидал чего-то подобного:

– В ваших... э—э конечностях артефакты. Узнать имя и свойства подобных вещей можно после расшифровки. Сейчас они не представляют никакой ценности. Но вот эта ветка, – хомяк взглядом указал на крючковатую непонятную штуку, – мне вполне знакома. Можно обойтись и без помощи мастера.

Я перевел взгляд на тентакли.

– Тесак не отдам, – жадно втягивая воздух, глухо проговорил. – А остальное...

Я сунул хомяку под нос странного вида кочергу и кривую ветку. Меня и так напрягали эти побрякушки, назначение которых я не знаю. А выкидывать – грудная жаба не позволит.

– Это не нужно, – поморщившись, Мрак отодвинул от своего лица язык с кривой кочергой. Забрал сухую ветку, протянул спутнице. – Ция, глянь.

Мушкетер, я буду называть её «мушкетер» за ботфорты, корсет и шпагу, взяла мой трофей. С хрустом сжала, разламывая. В небольшой вспышке фиолетового света дерево рассыпалось. Чешуйчатая перчатка мушкетера сейчас держит на ладони жутковатого вида червя, что извивается и пищит. Уродливая гусеница по виду заполнена фиолетовым гелем.

Средняя частица эретуса (редчайшее, уникальное)

– Хм, надо же – хмыкнула мушкетер. – Хлюпик не так плох.

– Неплохо, – важно кивнул Мрак, подтверждая, перевел взгляд на меня, выразительно посмотрел на тесак в моей тен-такле.

– Нет.

– Жаль, – хомяк расстроено вздохнул.

– Ладно, нам пора заканчивать, – Мрак обернулся в сторону города.

По мосту движется целая делегация, во главе с Брестусом и тощим, невысоким пареньком. Троица за моей спиной дружно попятилась. Трехглазая мелочь быстро затараторила:

– Это арбитр! Я туда не вернусь! Крюк, пошли в туман, а? Не будем ждать костяшку. Ну пошли, Крюк!

Мелюзга пытается тащить синекожего громилу. Крюк переводит взгляд с меня на делегацию у моста.

– Парень, надо поторапливаться. Лучше нам с ними не встречаться.

Я обернулся. Жабы прыгают с моста в мутную воду канавы. Над бурой жижей появляются перепончатые плавники, стремительно плывут в нашу сторону. Брестус что-то верещит, воздел руки к небу. Между его ладоней разгорается миниатюрное солнце.

– Надеюсь, я в вас не ошибся, – голос хомяка доносится из глубин черной воронки портала.

– Костяшка, пошли, ну пошли! – меня больно потянули за языки.

Да, надо валить. Второй подвески аму-вага у меня нет.

Глава 20

По широкой дуге, сверкая, словно луч солнца, массивное копьё пролетело зал, вонзилось у подножия тронной лестницы. В ту же секунду фигура высокого, статного воителя в гудящем всполохе белоснежной энергии материализовалась рядом с оружием.

Алиголестус, 998—й легионер

Воплощение нефритового пламени

Роскошная копна черных волос заплетена в длинную косу. Мужественное, волевое лицо с горящими зеленым огнем глазами. Вычурные сегментированные латы поверх мускулистого, атлетичного тела. Белоснежная тога, чей раздвоенный подол, словно живой, струится из-под доспеха, мерцает и переливается волнами энергии. Внешний вид и фееричное появление этого бога, пожалуй, могло бы впечатлить любого. Возможно, так бы и случилось, если бы не этот надрез в махровой дорожке Повелителя. Базолг заморожено смотрела на тонкую полосу в бархатной материи, где сейчас просвечивает полированный камень пола. Лезвие копья проделало едва различимую черту, нарушив целостность материала.

– Анубис, Первый требует ответов! – загромыхал воитель, сотрясая своим голосом пространство.

Базолг, машинально отметив в голове властный голос говорящего, продолжала неотрывно смотреть на тончайший

разрез. Шестеренки в голове первого гвардейца медленно приходили в движение, но происходящее все ещё казалось нереальным. Телепортироваться через весь тронный зал – такого не позволял себе даже Шепчущий, пятый номер в рейтинге. Любой, кто явится в эту обитель, обязан пройти от воронки портала до подножия трона. Таково правило, царящее в пирамиде. Привести с собой два десятка гвардейцев – Базолг заторможенный посмотрела на воинов, неспешно прогуливающих вдоль величественных статуй и массивных колонн – значит подвергнуть сомнению свою безопасность. И это здесь, в гостях у бога загробного мира.

– Анубис, ты выпустил в мир поедателя! Отдал девушку немощной старухе! Опозорил ... – напыщенный индюк, полыхая зеленым пламенем своих глаз, чинно вышагивает из стороны в сторону.

Базолг медленно подняла глаза на Повелителя. Подперев когтистой лапой волчью пасть, хозяин помещения с безразличным видом слушает разошедшегося павлина. Лицо владыки песков выражает полную отрешенность. Вот только вертикальный зрачок скользит от тонкого пореза в материи к разглагольствующему богу. На порез – на бога, на порез – снова на бога. Базолг задрала голову. Вагабонг уже перевоплощается. С тихим хрустом и треском белая кожа грубеет, обретет вид горящей золы. Кожа на лбу рвется, освобождая место третьему глазу. Безмятежное выражение лица сменил звериный оскал, монструозные клыки, налитые кровью гла-

за, удлинившиеся уши. Скрестив на груди когтистые руки, Вагабонг встал со своей дурацкой скамейки.

К слову, резное недоразумение, кем-то по ошибке названное скамейкой, перекочевало вместе с Вагабонгом на потолок. С того памятного дня, когда тушка гвардейца летала по помещению, верный слуга Повелителя «на всякий случай» перебрался наверх. Перебрался и забрал с собой свою скамейку. Базолг опустила взгляд.

– Ты перешел черту, Анубис! – смазливый брюнет всё ещё не заткнулся.

Полыхая зеленым пламенем глаз, широко расставив ноги, 998—й легионер величественно стоит, сжимает в руке копье. Первый гвардеец покосилась на Владыку, что сейчасковыряется в зубах, отрешенно посматривая куда-то в сторону. Перевела взгляд на гвардейцев брюнета, что успели дойти к подножию трона и полумесяцем расположились за спиной Алиголестуса. Приняв позы властелинов мира, вояки кидают на Базолг масляные взгляды. Вон тот, третий слева, ей только что подмигнул.

«Лучше бы за спину себе посмотрел, придурок» – скривилась регулус.

Шэдокс, пребывающий в незримом глазу подпространстве, уже стоит за спинами этих сверкающих неудачников. К несчастью для последних, увидеть его могут лишь гвардейцы Анубиса и сам Повелитель. За эту способность, отчасти и боятся безрукую мумию. Очень специфическими умениями

обладает безглазое чудовище и собственное невидимое подпространство одно из них. Недолго думая, Шэдокс расплылся лужей песка. Парящие в воздухе бинты, сплетаясь в пустотелую фигуру самурая, ухватили клинки. Песок из бесформенной массы формируется в жуткого, громадного хищника пустыни. Теперь за спинами недоумков восседает на песочном скорпионе пустотелый обоерукий мечник. Скорпион возбужденно водит жалом и щелкает зазубренными клешнями. Давно эта тварь не ела живой плоти. Базолг вновь подняла глаза на потолок. Вагабонг готов. Лицо вытянулась, пасть хищно щелкает. Раздвоенный змеиный язык облизывает клыки, огромный плоский хвост свисает из-под доспехов. Третье око изучает своим квадратным зрачком фигуры у трона Повелителя.

– Ты ничего не хочешь сказать, Анубис? – прогремел зеленоглазый, закипая. – Первый ждет объяснений!

Сияющее копьё вновь пробило острием пол, теперь дважды проткнув любимую дорожку Повелителя. Шэдокс нервно дернулся. Вагабонг, продолжая стоять на потолке вверх ногами, молниеносно сместился к Алиголестусу с его неудачниками. Гвардейцы замерли в ожидании. У шестерки Первого ещё был шанс, остановись он тогда, после своего телепорта. Но то, что последовало за этим... Легионер вынес себе приговор. Он испортил дорожку, притащил два десятка сверкающих обезьян, он «требует» ответов. Требует от бога, чей уровень силы за рамками системы. Повелитель и

Госпожа единственные, чей статус и уровень не отображаются поверх голов. Боги, сила которых вне всяких рейтингов. И сейчас шестерка Первого требует ответов. Происходящее кажется просто нереальным.

Базолг подняла глаза на Алиголестуса. Готовый пустить пар из ушей, живое воплощение пафоса и надменности дрожит от гнева. Он пять минут распинался, выхаживая перед тронном Анубиса, чтобы получить в ответ тишину и безразличный взгляд. Базолг прекрасно знает, кто такой Алиголестус. Знает, как он отчаянно жаждет проявить себя, выслужиться перед сильнейшим. Об этом ей поведала любимая подруга, первый гвардеец Шепчущего в ночи Имельтида. Има, конечно, та ещё сплетница, но когда речь заходит о первой десятке, её информации можно доверять. С сильнейшими и всем, что с ними связано, лучше не шутить. Не успеешь оглянуться, как твоя голова окажется на пике и будет сброшена в рубеж, став десертом просочившимся из срединного мира тварям. О статусе Алиголестуса, пожалуй, знали все в тронном зале. За исключением самого Повелителя. Бог загробного мира редко интересуется кем-то ниже десятой строчки. В подтверждение мыслей первого гвардейца, Анубис прервал уже открывшего было рот, легионера:

– Кто это? – бог песков повел ухом, продолжая изучать порезы в махровой дорожке.

– Шестерка Первого, – выдала гвардеец, встретившись с Алиголестусом взглядом.

За несколько тысяч лет безукоризненной службы Базолг научилась разбираться в подобных моментах и сейчас прекрасно читала ситуацию. От подобного пренебрежения к его, несомненно, важной персоне, легионер замычал. Это воплощение нефритового пламени до хруста костей сжало копьё. Оружие налилось пугающим светом, глаза вспыхнули зеленым пламенем. С надменного лица окончательно слетела маска величия, её место заняла гримаса ненависти. Базолг приготовилась. Нужные строчки текста висят перед глазами, ждут активации. Разрушитель готов подтвердить своё прозвище, раскатав противника в блин. Шэдокс подвел скорпиона к нерадивым защитникам божественной шестерки. Вагабонг замер над головой нефритового легионера, свисая в позе летучей мыши. Гвардейцы ждут, всем хочется быть тем, кого выберет Господин.

«Шэдокс был в прошлый раз», – быстро перебирала в голове варианты Базолг. – «Вагабонг... Он постоянно «косячит». Ох уж этот Повелитель (закатила глаза). А значит...»

– Голову мне этой су... – зарычал Алиголестус.

– Базолг, дорогая.

– Да, Повелитель!

«Да, да, ДА!»

– Отправишься в столицу. Мне нужен портной, – расстроено пробормотал хозяин песков, поднимаясь со своего трона.

– Слушаюсь...

«Несправедливо!» – Базолг опустила плечи, обиженно глянула на угрюмого Анубиса. – «Значит, Шэдокс?»

Первый гвардеец перевела взгляд на возбужденного скорпиона и его пустотелого забинтованного всадника.

– Вы мне ответите!! – взревел шестерка Первого.

Пространство вокруг легионера запылало. Воздух гудит и искрится, разрывает реальность бирюзовыми молниями. Гвардейцы за спиной Алиголестуса синхронно обнажили клинки.

– Вагабонг, – медленно проговорил бог загробного мира.

– Да, Повелитель! – бурой кляксой Вагабонг перетек на пол.

– Дорожку мне не испачкай, – Анубис шагнул навстречу готовому нанести удар легионеру.

В следующий миг Вагабонг размазался в пространстве. Над закованными в блестящие латы вояками раскрылись кровавые глаза. Головы задраны вверх, гипнотизируемые квадратным зрачком. Руки белоснежных воинов безвольно опустились, роняя клинки. Гудящим бурым вихрем прошла сквозь строй гвардейцев фигура Вагабонга, замерла в центре зала. Вспоротые глотки разверзлись фонтанами крови, жизнь стремительным потоком хлынула в прозрачный шар. Сегментированный, изогнутый хвост Вагабонга выгнут дугой, формирует стеклянную сферу над своей головой.

– ША—А, – второй гвардеец Анубиса развел руки в стороны, с громким хлопком соединил ладони.

Два десятка высушенных, обескровленных тел сорвались со своих мест. Врезаясь друг в друга, безжизненные оболочки ломаются и хрустят, сдавливаемые невидимой силой. Хвост Вагабонга со свистом и чавканьем выпивает содержимое стеклянного, парящего в воздухе шара. Фигура гвардейца наливается зловещим алым светом. Сила, сминающая обескровленные тела, растет по мере того, как осушается сосуд. Пара секунд и на ладони спрессованный белый кубик – всё, что осталось от свиты шестерки.

– Повелитель, – прошипел Вагабонг, оборачиваясь.

Кровавый глаз на его лбу пульсирует, кровожадно рассматривает обескураженное лицо Алиголестуса.

– ГХР—Р, – неожиданно захрипел легионер.

С громким лязгом на пол упало гудящее копьё. Металлические носки латных сапог выстукивают по полу. Когтистая лапа Анубиса сжала шестерку за горло, вздернула в воздух. Закованный по самые уши в чешуйчатый доспех, владыка мертвых молча движется по тронному залу. Хрипящего и дергающегося легионера тащат, словно надоевшую помеху.

– ГХР—Р... – хрипы и лязг металлических носков. – ГХР—Р...

Трепыхающуюся куклу протянули до самого выхода. Повелитель, скрестив взгляд своих желтых глаз на бугрящемся венами, красном лице Алиголестуса заговорил:

– Шестерка требует ответов.

Монструозная, громадная фигура Анубиса увеличивает-

ся, заполняя собой всё окружающее пространство. Гвардейцы прыснули в стороны, мерцая защитной пленкой магических щитов. Базолг торопливо затараторила слова—активаторы, укрепляя броню.

– Требует. От меня.

Помещение заходило ходуном. Воздух в зале загустел, ошетинился невидимыми иглами, ткань реальности вокруг Анубиса поплыла.

– Открывай портал к своему хозяину, – бог песков приблизил свою огромную волчью пасть к лицу Алиголестуса. – **ОТКРЫВАЙ!**

В ответ на раздирающий перепонки рык, дергающийся легионер вспыхнул просто убийственным столпом зеленого огня. Жар от нефритового пламени докатился до трона, сбивая на Базолг магические щиты и опалая доспех. Легионер схватился правой рукой за открытую пасть Анубиса.

ВШУ—УХ!

Ревущее марево зеленого пламени разорвало полумрак помещения. Голова Анубиса утонула в потоке, огонь плавит колонны, превращает в кисель тысячелетний камень. В потолке растет огромная дыра.

Ф—ФУХ

Повелитель втянул волчьей мордой воздух, выпил огненный поток, вдохнув огромной грудью. Невредимая, хищно скалящаяся морда Анубиса выпустила облачко дыма легионеру в лицо – всё, что осталось от поглощенного пламени.

Владыка мертвых рыкнул, до хруста сжимая Алиголестуса за горло:

– ОТКРЫВАЙ ПОРТАЛ!

За спиной трепыхающегося разверзлось бирюзовое марево воронки. Базолг ощутила направленный взгляд десятка существ, что смотрят из глубины портала. С мерзким треском когтистая лапа Анубиса сломала легионеру шею. Дергающееся тело обмякло, нефритовое пламя вокруг фигуры исчезло, глаза потухли. Сорвав с убитого подвеску, владыка мертвых небрежно кинул труп в портал. Безжизненное тело с громким лязгом рухнуло по ту сторону воронки, Анубис замер у кромки бирюзового перехода:

– Подумай ещё раз, малыш, – обратился хозяин пирамид к кому-то по ту сторону перехода.

Тихий щелчок когтистых пальцев и воронка осыпалась песком. Анубис зашагал обратно к трону, по пути небрежно кинул жетон убитого своему гвардейцу. В тот же миг Вагабонг вытащил из-под доспеха подвеску, зашептал. Толстый жгут ярчайшего, зеленого марева потянулся в амулет второго гвардейца. Базолг облизнула губы. Сила бывшего легионера сейчас наполняет Вагабонга. Такая желанная и манящая. Она пьянит разум, сводит с ума. Базолг невольно подалась вперед, стараясь вдохнуть разливающиеся в зале миазмы божественного естества.

«Уровень или таланты?» – первый гвардеец сомкнула взгляд на Вагабонге. – «Таланты»

Второй гвардеец Анубиса, 877—го уровня Вагабонг Трехглазый мелко задрожал, захрипел, задергался. Жуткий глаз на его лбу налился ярким светом, набух, выползая наружу, покрылся паутиной трещин и внезапно рассыпался осколками. В следующий миг на лбу Вагабонга прорезалась вертикальная полоса. Кожа расступилась в стороны, освобождая место новому оку. Больше предыдущего, алый глаз, теперь уже с двумя белыми зрачками, сонно глянул на Анубиса.

– Благодарю, Повелитель! – низко поклонился гвардеец, перестал дрожать и светиться.

Бог песков, понуро рассматривая искореженные Алиголе-стусом колонны, отрешенно махнул рукой. Вагабонг с тихим хлопком исчез, появился на потолке. Развалившись вверх тормашками на своей дурацкой скамейке, прикрыл глаза, стал медленно трансформироваться в свой естественный вид. Шэдокс к этому времени уже покинул помещение. Третий гвардеец, если в нем не было необходимости, предпочитал сидеть у себя в комнате, играя с кем-нибудь в шахматы. Анубис, в качестве исключения, разрешил ему транслировать в свою комнату мысли оппонента.

– Базолг, – позвал хозяин пирамид.

– Да, Повелитель! – первый гвардеец преклонила колено.

– И каменщика мне найди, – расстроено вздохнул бог загробного мира.

– Слушаюсь!

Глава 21

Разгоняя марево тумана, опалая жаром, очередной гудящий метеор пролетел над головой

– Брестус всё не уgomонится, – тихо прошептал синекожий, аккуратно ступая рядом.

Мы удаляемся от города, уходим всё дальше в туман. Старые знакомые – призрачные лица неизвестных – уже выныривают из окружившей нас молочной дымки. В беззвучном крике, с широко открытыми ртами, призраки летят навстречу. Стоило шагнуть в это кисельное марево, как я вновь ощутил такой знакомый, сладкий аромат. Где-то должен быть источник всему этому. И как подсказывает интуиция, Мрак намекал на что-то подобное.

В-ВУХ!

Над головой пролетел огненный снаряд.

– Чем ты ему так насолил? – тихо спросил Крюк, разбивая ладонью призрачное лицо старика.

– Если не считать вашего побега? – посмотрел я на синекожего.

Про сестру однокрылого лучше умолчать. Я все ещё надеюсь, что это просто мое воображение разыгралось.

– Куда мы идем? Костяшка, у тебя есть план? – видимо тарактелка единственная, кого не смущает происходящее. – Какой план-то, ну? Ну, скажи!

План у меня есть. Заключается он в том, что я открою свой медальон. Единственное, что приходит в голову – прокачать нужное мне умение. Правда, в свете последних событий гложут меня определенные сомнения. Подозреваю, таланты вместе со мной претерпели изменения. Страшно подумывать, чего там после жуткой трансформации накрутила система в моем профиле. Если я правильно помню, теперь я даже не поедатель. Я непонятное «вс-с...» которому приказано в срочном порядке самоустраниться из этого мира.

– Есть у меня план, – пробормотал я, выныривая из размышлений. – Нужно активировать мой амулет.

– Татуировку чтоли? – переспросил синекожий, развеивая очередное призрачное лицо.

Жаль, что Малефик не оставил каких-нибудь инструкций на этот счет. Долбаный дедок! Запишу его имя в блокнот. Надо будет при первой же встрече задать пару вопросов этому мутному типу.

– Как работал старый жетон? – подала голос лопухая, больно дернула за тентакль.

Вот, нарочно она что ли?

– Я соединял половинки и амулет оживал, проецировал голограмму.

– Как это «соединял»? – не понял Крюк.

– Да вот так, – пожал я плечами. – Там, в колодце, я нарисовал тебе подвеску целой. Почему—то мне показалось это правильным в тот момент. Тупанул я, в общем. Но по факту,

мой амулет – это разломанный на две половинки жетон. Я их соединял и медальон начинал работать.

– Странный ты, Костяшка, – тихо прошептала мелюзга.

– Тогда, сломай и этот, – предложила мне лопухая.

Нормально! Как можно сломать татуировку на своей груди?

– И как это? – я скептически посмотрел на грудастую.

Брюнетка закатила глаза, обошла нашу троицу по кругу, замерла напротив. Попыталась ухватить красную ленту, что сжимает тесак главного гопника. Тентакля, не будь душой, резко отпрянула. Десяток секунд краснокожая и язык соревновались в ловкости. Одна пыталась схватить тесак, второй извивался как мог, не желая расставаться со своим сокровищем. А я... А я стоял и мысленно злорадствовал. Скачущая за языком брюнетка – бальзам на мою душу.

– Капец ты криворукая! – не осталась в стороне паукообразная.

Но как-то помочь грудастой эта мелюзга даже не попыталась. Не удивлюсь, если она втайне болеет за ловкую конечность.

– Ты мне не поможешь?! – гневно рыкнула краснокожая в мою сторону.

Крюк, не выдержав представления, молча подошел и отобрал у приткой конечности тесак.

– Держи, – вручил он лопухой нож.

Я сообразить не успел, как широким росчерком мне вспо-

роли грудь. Алая полоса, проступая капельками крови, рассекла медальон на две равные части. Не так уж и больно, к слову. В ту же секунду изображение языков ожило. Сплетаясь между собой, татуировка натянула кожу, не позволяя надрезу разъединить шрамированный круг. Знакомая красная голограмма заструилась из моей груди.

– У—у—у, – протянула мелюзга, рассматривая проекцию.

Крюк и лопухая, забыв о летающих вокруг призрачных лицах, подошли, замерли по разные стороны уменьшенной голограммы однорукого мужика.

– Чего «у—у»? – повернулся я к малолетке.

– Того! – мелюзга аккуратно ткнула пальчиком в живую картинку. – Капе—е—ц!

Я начинаю нервничать. Ещё и эти двое. Стоят возле голограммы, молча тычут пальцами то в одно, то в другое:

– Крюк? Что не так?

– Я такого раньше не видел, – синекожий осторожно развеял изображение языков.

Проекция ожидаемо дернулась, обернувшись строчкой описания.

– У вас как-то иначе?

– У нас вообще такого нет! – пискнула мелкая, негодуяше подняла на меня глаза. – Костяшка, что за дела? М?

Вот сейчас не понял наезда. Я в чем виноват, собственно?

– Наши жетоны ничего показывают, – заговорил синеко-

жий. – Нельзя ничего трогать, крутить.

– А как у вас? Ну... жетон, таланты? Как это всё происходит?

– По-другому всё! – подняла на меня обиженный взгляд мелкая. – Вспышка света и ты уже за стеной, а на груди медальоны висят. Выбираешь какой понравился и всё.

Весьма мутное пояснение, я растерянно перевел взгляд на белоглазого.

– В начале у всех есть выбор, – вздохнул великан. – Жетоны, стоит оказаться в этом мире, в самом деле уже висят на твоей груди. У меня, например, целых три. Я выбрал подвеску «мистика».

Белоглазый, оказывается, был колдуном. Честно, вот не вяжется подобный класс с его перекаченным, бугрящимся мышцами телом.

– Поясни ещё раз про «выбрал», – попросил я, – а то не особо понял.

– Да просто всё, – пожал плечами Крюк. – Тебе доступно очко талантов. В каком жетоне ты его потратил, тот с тобой и остается. Остальные тут же рассыпаются кусками глины, а талант, который изучил, он и есть твоя первая способность.

Выходит, у поедателя всё работает иначе. Я, можно сказать, получил свои способности нажавшись всякой ерунды. И кстати, эти слова мелкой о вспышках света. В голове всплыли воспоминания о блондинах, скалистом обрыве с черными воротами, вспомнились жуткие псы—мутанты. Мо-

жет, эта парочка что-нибудь об этом знает? Но ход моих мыслей неожиданно сбила трехглазая.

– А я выбрала «стазис»! – выпятила грудь маолетка.

– Что? – я и брюнетка хором переспросили.

– Это она про умение своё, – хмыкнул Крюк. – Та ещё способность. Уже на первом уровне создает приличных размеров сферу, внутри которой время останавливается

Трехглазая величественно зыркнула на лопухую. Получила в ответ пренебрежительный хмык.

– Ого... – я по-новому глянул на эту неугомонную тарактелку.

Кстати, какой там она расы? Всё не было времени подробно рассмотреть. Арахна. Не удивлен. Банально, я бы даже сказал. Ну, зато внешний вид соответствует. Правильно я угадал, есть в ней что-то паучье.

– Кстати, тебя как зовут? – я покосился на мелюзгу.

– Что-о?! Я же говорила! Ещё там, в яме! Костяшка, как можно такое спрашивать!

– Полемика её зовут, – хмыкнул белоглазый.

Оно и видно.

– Крюк, а этот твой «мистик». Какие у тебя были способности?

– Насылал мёрток, – Крюк почесал лысую голову, сел на четвереньки, отмахнувшись от очередного призрачного лица. – Умел вызывать галлюцинации. Не очень сильная способность. Особенно против толпы. Но для одиночек хватало.

Успеваешь подойти вплотную. А там дело одного удара.

Крюк резко выбросил вперед правую руку, словно сжимает рукоять меча. Медленно отвлёл, снова выбросил. Повращал кистью, будто проворачивает клинок в ране невидимого противника. Я невольно покосился на голограмму параметров, где светится строчка «воля». Получается, мне до этого момента везло. Не успел нарваться на того, кто обладает подобными навыками. Не знаю, почему Крюк считает свою способность слабой, но лично мне этот его «морок» видится довольно-таки пугающей штуковиной. Раз – и ты витаешь в галлюцинациях, два – противник вспарывает тебе брюхо. Жуть. Или эта сфера мелкой арахны. Я глянул на мелюзгу. Попадешься в такую и кранты. На фоне подобного мои собственные умения выглядят как-то... не очень. Что я там могу? Стрелять костяной мясорубкой? Спираль элементарно увязнет внутри стазиса – время же там останавливается. Черная жижа? Думаю, аналогично. Крюк со своим «морокком» вообще не даст мне рыпнуться. Не дал бы. Я задумчиво обвел взглядом тарактелку и синекожего. Может и хорошо, что они без жетонов. Ещё неизвестно, чем бы для меня закончилась эта прогулка.

– Крюк, – я пошевелил языком. – Что такое «Могильная плита»?

– Ну ты даешь! – малолетка уперла ручку в бок, посмотрела на меня, как на сумасшедшего. – Мир этот, где мы находимся, он и есть «Могильная плита». Ты что, сообщения

системы не читал? Капец, такого не знать!

А ведь и вправду, что-то такое было.

– А вы черные ворота видели? Они возле города, высоко на скале.

– Дорога богов, – меланхолично ответил Крюк. – Те ворота лишь начало. Это путь, что ведет из мира в мир. Замысловатая тропа, части которой можно встретить то тут, то там. В лесу, считай возле самого Кельтун'Хеля, есть аналогичные. Некоторые дураки взбираются по скале. Бессмысленно, если ты не последователь Улк—Атан. Ядовитый дурман тебя сразу убьёт. Страж ворот не пустит к черному камню.

«Теперь пустит кого хочешь» – я мысленно хмыкнул, вспоминая как отрывал головешки еретикам и жадно вдыхал потоки ядовитого дыма.

– Это что-то вроде безопасного пути? – вслух же спросил совсем о другом.

– Да, что-то вроде, – согласился белоглазый. – Свой особенный путь для избранных. Как там всё устроено тебе может рассказать лишь тот, кто там побывал. Других подробностей никто не знает.

Ещё один кусочек мозаики встал на своё место. Может, про собак спросить?

– Крюк, ты видел когда-нибудь тварей, что напоминают смесь жука и собаки?

– Пф—ф, Костяшка! – полезла в разговор мелкая. – Да кого мы только не видели! И соба...

– Нет, не видел, – белоглазый неопределенно мотнул головой. – Именно такую, как описываешь ты, мы не видели. Надо было отрезать лапу или хвост. Если тварь редкая в любом городе хорошую цену дадут.

Отрежешь тут, угу. Знать сперва о подобном надо. Но смысл я понял. Части тел монстров здесь ходовой товар. Учтем на будущее.

– Ты начнешь что-то делать? – неожиданно фыркнула брюнетка.

Видимо наша дискуссия её утомила.

– Да, сейчас, – смутился я.

Конечно, любопытно узнать про краснокожую и её загадочном титуле. Младшая шепчущая в ночи – что бы это могло значить? Но спрашивать не буду. Ну её нафиг!

– Так, ладно, – я сконцентрировался на собственной голограмме, намереваясь поискать в интерфейсе нужный мне значок.

Окинул взглядом свою уменьшенную копию, панель характеристик. Что-то изменилось. Присмотрелся внимательнее, вспоминая, как здесь всё выглядело в прошлый раз. Вот этого перечеркнутого Х—образного знака во лбу не было. Я невольно ощупал лоб. Ничего. Гладкая кость.

– Крюк, – я дернул конечностью. – Ты видишь вот это?

Я ткнул пальцем в лоб голограммы.

– Ты проклят, парень, – безразлично прокомментировал великан.

– Я знаю! Я знаю! – задрывалась мелюзга, пританцовывая. – Это проклятие!

Да ладно? Капитан очевидность. На душе враз стало тревожно, холодок в животе. Проклятий мне только не хватало, черт! Я осторожно потёр голограмме лоб, ожидая каких-то изменений. Сейчас узнаем, что за ерунда такая. Не понял. Почему картинка не меняется? Это изменение, крест на лбу, связано с последними событиями, факт.

– И что теперь? – я оторопело поглядел на присутствующих.

– Башка твоя теперь отвалится! – мелкая ткнула в меня пальчиком. – Костяная!

– Не слушай её, – Крюк аккуратно прикоснулся ко лбу голограммы. – Эта метка лишь указывает на сам факт того, что ты проклят. Голова от такого не отваливается. Не сразу, во всяком случае.

Великан пожевал губами, заговорил:

– Я видел проклятых раньше. Последнего такого встретил в лесу, примерно год назад. У бедолаги был огромный ро-счерк на пол лица. Вот этот знак «Х» светящийся зеленым. Не уверен, кем был несчастный изначально, но когда я нашел его, от него уже мало что осталось.

– Как это «мало что осталось»? Крюк, не пугай.

– Тут от проклятия всё зависит, – синекожий пожал плечами, снова потер крест на лбу голограммы. – И от проклявшего. Я точно знаю два класса, кто способен на подобное:

проектор и шаман. У первых проклятие выглядит как луч солнца, что выжигает тебя изнутри. Кожа на конечностях начинает светиться и обугливаться. От пальцев рук и ног, дальше к локтям, коленям, плечам. Всё заканчивается, когда проклятие подобрется к телу. Ноги и руки отсыхают, рассыпаются золой. Тело загорается изнутри, словно ты проглотил свечку, а она с каждой секундой горит всё ярче. Потом треск и разваливаешься на две половинки. Внутри всё выжжено, а от тебя остается безногая, безрукая скорлупа. Метка проклятия ярко-желтого цвета.

Мне от спокойного, безразличного голоса синекожего становится не по себе. Страх сковывает тело.

– У шаманов немного иначе, но суть та же. Метка синего цвета, проявляется где-нибудь на боку. Проклятый постоянно трясет конечностями. Сначала мелкая, едва заметная дрожь в пальцах. Затем, в руках и ногах. Начинает судорожно трястись голова, наступают конвульсии. В итоге, ты будто наблюдаешь за куклой, которую схватили невидимой огромной рукой и стараются вытряхнуть душу из тела. Вот там да, голова отрывается. Обыкновенно, этим всё и заканчивается. Шея не выдерживает, кожа рвется, ломаются кости, голова отлетает в сторону.

Просто нет слов. И нечто подобное ждёт меня? Синекожий замолчал. Задумчиво посмотрел на голограмму:

– Цвет метки – подсказка, кто наложил проклятье.

– Подожди—подожди... – в голове щелкнул тумблер. –

Но, выходит, эти проекторы и шаманы настоящие машины смерти. Проклял и сиди, жди результата.

– Э не, там не всё так просто, – покачал белоглазый головой.

Из дальнейших сбивчивых комментариев тархтелки и пояснений лысого я понял несколько важных вещей. Во—первых, проклятие можно снять, если успел найти шамана нужного уровня. Во—вторых, такая себе эта способность. Пять—шесть часов подряд бубнить заклинания, потом пару дней валяться без сил, а результат никто не гарантирует. И в—третьих, проклинаящему обязательно находиться рядом с жертвой. Ну, во всяком случае, если уровень колдуна ниже двухсотого. Но главное, ничего из вышеперечисленного к моей ситуации не подходит. Твою налево!

– Без шамана никак? – я растерянно обвел взглядом присутствующих.

– Здесь точно никак, – пожал плечами Крюк. – Разлом пройдешь, там появятся варианты. В больших городах продают артефакты, снимающие метку, защищающие от проклятий.

Засада! Это конец... Я сел, опустил голову. Надо помолчать, подумать. Не хочу ничего видеть и слышать.

Отпустило меня минут через двадцать. Первоначальный

приступ паники схлынул, рассудок прояснился. Время ещё есть, придумаем что-нибудь. Не запороть предложение мохнатого и окажусь по ту сторону разлома. Быстро разыщем местную столицу, прикупим артефактов. В общем, найдем выход.

– Ладно, у меня последний вопрос, – я встал, окинул затихшую троицу взглядом. – Проклятые вещи бывают?

Вспомнился зулу и его доспех с горящим «X». Надо прояснить этот момент.

– Бывают, – отмер Крюк. Он так и сидел всё это время, погруженный в свои мысли, отмахивался от вынырывающих из тумана призрачных лиц. – В основном, от них толку больше, чем вреда. Но постоянно таскать на себе не получится – проклятие сожрет. Такие вещи, чаще всего обладают уникальными эффектами, где польза значительно превышает пагубное действие доспеха.

Крюк встал, разминая ноги.:

– Но это всё дорого. Сначала узнай что за проклятие на вещи – заплати шаману. Потом расшифруй саму вещицу – заплати мастеру.

– Короче, дорого это всё, – подытожил великан.

– А где их берут?

– Проклятые вещи?

– Я знаю, я знаю! Крюк, я скажу! В руинах старых каких-нибудь, у жутких тварей в норах, ещё можно купи...

Крюк поглядел на тархтелку:

– Бывает, такая вещь остается на теле умершего. Частое явление. Нужно лишь, чтобы владелец носил её с момента проклятия и до своей смерти.

– Погодите... – в моей голове тут же возникло предположение. – Но ведь так можно...

– Да, проклинатели и подобным занимаются, – понял ход моих мыслей синеккожий. – Попадись такой вот как я или она в руки работорговца и есть шанс стать подопытным. Обуют, оденут, обвешают побрякушками и проклянут. Оставят в какой-нибудь яме подыхать, ожидая результатов.

– Дурдом... – я схватился за голову.

– Привыкай, калека, – фыркнула за спиной грудастая. – Такой вот тут мирок.

Можно долго терзать себя догадками и рисовать в голове страшные картины возможных последствий. Но мне надо разобраться с талантами и навыками, а после – резво двигаться на запах. Я надеюсь, он приведет меня в нужное место. Мысль о проклятии запру на задворках сознания. Выживу, выберусь из всей этой передряги, тогда и буду что-то думать, решать. Я окинул взглядом голограмму. Только сейчас заметил, что контур вырезанного амулета напоминает пороховой шнур. И он медленно тлеет. Периметр пятиугольника от верхушки и до середины уже выгорел.

Не ожидая ничего хорошего, уверенно ткнул пальцем в черную полосу на груди проекции. Шрамированное изображение медальона подернулось дымкой. Рисунок жетона сменился месивом пожирающих друг друга языков. Словно ты смотришь в бочку, на дне которой сотни мерзких червей извиваются, заглатывают своих сородичей, жрут сами себя.

Вечный голод: 550/1000

Вечный голод – непреодолимая тяга к поеданию медальонов души. Низкий уровень сытости приводит к помутнению рассудка и неконтролируемому поведению. При полном истощении шкалы «Вс-с...» погибает.

Ну, что я могу сказать по этому поводу? Ожидаемо. Я помню эту строчку. Она выскочила перед глазами за миг до потери рассудка. Ещё там, в городе. Это плата за жизнь, которой я уже давно бы лишился, не случись того перевоплощения.

– Да, парень, – Крюк, как и остальные, прочитал описание. – Не везет тебе.

Не везет? Мягко сказано. Но ладно, чего уж теперь. Так, что там дальше с моей голограммой. Вокруг левой руки та самая мясорубка. Замерла тремя костяными кольцами. Это я уже видел. В животе проекции черное марево. Мрачный двойник, не иначе. Даже не буду тыкать в эту черную кляксу, и так всё понятно. А вот это что-то новое. Голограмма безобразного мужика (меня) сжимает своей единственной рукой шнурок. На толстой нитке болтается характерный тре-

угольник с каплей в центре. В реальности, конечно, ничего такого в руке у меня нет. Связку жетонов, которые я так и не рассмотрел, сейчас держит язык. Есть ещё одна странность – едва заметное глазу марево вокруг моей фигурки.

Аура Вс-с...

Аура (неопределенно) – уникальная способность, подавляющая использование навыков. Мощностъ и дальностъ действия увеличивается за каждую поглощенную подвеску. Текущий радиус 2,5 метра.

– Неплохо, – оценил белоглазый.

– Неплохо? Да это жуть какая-то! – не выдержала малолетка.

Нда. Теперь мой феерический забег по Кельтун'Хелю не видится чем-то из разряда невозможного. Вот, оказывается, за счет чего я устроил разнос. Никто из встречных просто не ожидал чего-то подобного от такого низкоуровневого калекки, как я. Сила умения зависит от сожранных медальонов, значит. Ясно. Понятно. Что-то троица притихла.

– Крюк, я долго буюнил, пока вы сидели в колодце?

А хотя... какая разница. Важной информации ответ на этот вопрос мне не даст. К чему я вообще спросил? Наверное, просто привык уже к постоянному бурчанию тарихтелки и монотонному, безразличному голосу синекожего. Непривычно, оказывается, ощутить вокруг себя тишину.

– Капец, ты поедатель, вытворял! Я так испугалась, когда из тебя жижа эта полилась. А потом ты, как давай по колодцу

скакать! Щупальцами своими машешь, по стенам ползаешь. Кровища из тебя хлещет, а ты хохо...

– Где-то пару часов, – сказал великан, покосившись на продолжающую безостановочно вещать тарактелку.

Значит, щупальцами махал и по колодцу скакал. Ничего такого не помню, но примем как факт. Не удивлюсь, если под эффектом жетона мои параметры растут. Плохо, что я не в своем уме в это время. Так бы мог разобраться с метаморфозой, понять что происходит, как я меняюсь. Необходимо изучить меню талантов. Кстати. Неожиданно мне в голову пришел вопрос, что давно не даёт покоя.

– Почему тебя зовут Крюк? – я обернулся к белоглазому.

Синекожий, кажется, немного смутился. Растерянно про-
бормотал:

– Старая история. Ничего особенного...

– Он на башке носил шлем с рогом зулу! – встрепенулась мелюзга.

Набрав в грудь побольше воздуха, с предвкушающим блеском в глазах, мелкая арахна затараторила:

– Он думал, что так выглядит страшнее! Костяшка, ты представляешь?! Такой огромный шлем на лысой башке и здоровенный жучий рог! А рог кривой просто капец! Кривой, как крюк!

Брюнетка не удержалась и прыснула со смеху.

– Всё, хватит, я понял! – замахал я рукой, пытаюсь прекратить этот словесный поток. – А жили вы где, в городе?

– Нет, конечно, – удивленно глянул на меня коя'коя. – В город приходят поторговать, собрать группу, снять проклятья. А живут все где попало. Мы, например, прятались в подземных катакомбах возле болот. Мы и ещё три-четыре сотни разного сброда. Опасно конечно, можно на нож нарваться или пойти на корм заплутавшей твари. Но так всяко спокойнее, чем в городе. В городе долго не живут.

Я посмотрел на брюнетку. Живое доказательство обратного демонстративно отвернулось. Как же мне надоело это её поведение! Ещё пару подобных хмыков и отворотов и я её здесь кину, обещаю. Потом буду мучиться угрызениями совести, но кину. Пойду на поводу собственных эмоций. Достала она меня!

– Какого вы были уровня? – задал я белоглазому вопрос.

– Тридцать седьмого перед походом в лес. В Кельтун'Хель пришли уже шестьдесят девятыми.

– Шестьдесят девятый?

– Чему ты так удивляешься? Это нормальный показатель для одиночек, – Крюк изучающе посмотрел на меня.

Здоровяк глянул поверх моей головы, нахмурился. Я вспомнил разговор варанов про «дальний поход». Вспомнил, как ящерицы переростки обсуждали вопрос дополнительного найма охраны.

– Вы вдвоем пошли?

– Вдвоем, – кивнул синекожий. – Кое-как экипировались, в один прием повысили уровни и пошли. Два года готови-

лись.

– Как-то... долго вы.

– Как все. Была бы постоянная группа человек десять-пятнадцать – за год бы управились. А так, вдвоем – нормально. Лучше медленно выбивать тварей, не отсвечивая, но зато остаться живыми. У одиночек тяжелая жизнь. После десятого уровня прогресс очень сильно замедляется. Получаешь новый талант и твоя жизнь превращается в ад. Зоны охоты поделены, амуниции у тебя нет, в группу не берут. Перебиваешься низкоуровневыми тварями. Ядра из монстров заберут на входе в город или отнимут через уровень. Месяцами сидишь в болотах, копишь запас. Живешь в постоянном страхе умереть от лап тварей или ножа ма'шутцу. Лес – единственный шанс.

– А что за лес такой вообще? – решил я уточнить.

Крюк удивленно глянул на меня:

– А ты как в Кельтун'Хель попал, если про лес не знаешь? Что ты вообще знаешь, парень? Вопросы у тебя странные, спрашиваешь очевидное.

– Долгая история. Я тут всего пару дней.

– Сколько? – Крюк, кажется, подвис.

– Столько, – буркнул я. – И в город я из тумана пришел, говорил уже. Хомяк вывел непонятными тропами.

Белоглазый несколько долгих секунд изучающе смотрел на меня, после чего заговорил:

– Лес – территория, что сразу за городом. По тракту два

дня пути. Обойти нельзя – упруешься в туман. Других путей тоже нет. Лес – дорога в Кельтун'Хель. Этот мир, Могильная плита, – Крюк обвел рукой пространство вокруг, —совсем не велик.

Очень уж этот Крюк, информированный. Знает всё обо всем.

– Откуда ты знаешь всё это?

– Откуда и все остальные. Мы покупали информацию у мохнатых торгашей. В этом мире продается всё. Информация чуть ли не главное твоё оружие.

Я удивленно поднял глаза на синекжего. На языке вертится вопрос. Словно прочитав мои мысли, Крюк заговорил:

– Эти не врут. Кредо у них такое. Купленная информация абсолютно верная. Другое дело, что простому их слову я бы не доверял. Скажу больше, им верить на слово, если ты его не купил, запрещено. Кинут, обманут, оболгут. Такой вот парадокс.

Получается, тот хомяк, которого я вытащил из сумасшедшего городишко... Вот же падла шерстяная!

– Эти существа вообще уникальны, – Крюк медленно говорил, прогоняя от своего лица призрачные головы. – Они как души. Растут в уровнях, качают таланты, могут перемещаться между мирами, проходя разрыв. Эта раса рождена в землях отчаяния. Они знают все тропы, способны попасть в любое место. Но очень жадные и чаще всего трусливые. Предпочитают работать через таких как мы.

Поразительно, насколько много знает этот синекотий. В самом деле, подготовился. Но за четыре года можно и не такое узнать. Нужно пользоваться моментом, прояснить последние белые пятна в моем мировоззрении.

– Крюк, почему я плохо чувствую боль? Она словно приглушена, отдалена от меня. И что с едой, водой? Не видел, чтобы кто-то тут ел или пил.

– Причина в самом месте, где мы находимся. Всё ещё сильна связь с Песками забвения. Мы слишком близко находимся к границе. Считай, лишь половина нашего тела и разума тут. Вторую все ещё цепко удерживают пески. Но, со временем и это проходит. Чем дольше ты здесь находишься, тем сильнее ослабевает хватка загробного мира. Ты начинаешь ярче ощущать боль, тепло, холод, жажду, голод. Ты становишься подвержен болезням, усталости и всему тому, что свойственному живому созданию. Ну а после разлома ты и вовсе получаешь обратно все свои знакомые по предыдущей жизни ощущения. Так что, лучше бы тебе заранее разобраться с дырой в плече, оторванной рукой, костяным лицом. Неизвестно, сможешь ли ты жить в таком состоянии, миновав разлом.

Крюк вздохнул, обвел взглядом туман вокруг нас, смахнул рукой плывущее на него лицо:

– Нам всем здесь не повезло начать свой путь.

– В каком смысле?

– Мы в Могильной плите. Из тысяч душ, лишь десятки

приходят в Кельтун'Хель. Из разлома выходят вообще единицы. Я узнавал, информация верная. Мы в самом мерзком месте, в самом опасном и смертоносном мире. Но здесь же и рождаются наиболее хитрые, приспособленные, расчетливые. Те, кто в дальнейшем способен пройти весь путь, достигнув заветной тысячной планки. За душами, кто попал в разлом из Могильной плиты, зорко приглядывают. Не удивлюсь, если во время перехода сотня-другая небожителей будут наблюдать за нами. Так что, ещё не всё потеряно. Чем сгинуть тут, лучше попытаться попасть в разлом. А там, кто знает, чем всё закончится.

– Ты бы лучше делал что задумал, – впервые с нашего знакомства Крюк решил меня поторопить, указал взглядом на меня голограммы. – Неизвестно сколько ещё нам плутать в этом тумане, а без мохнатого и его предложения попасть на ту сторону разлома будет сложно.

Я встрепенулся, ткнул пальцем в меню проекции. В самом деле, пора бы прокачать парочку талантов.

Глава 22

С того момента, как мы ушли в туман, прошло около суток. И вот теперь молочный кисель пугливо расступается, открывая взору шагающих в нашу сторону воинов. Похоже, белой пелене не понравилось столь долгое соседство непрощенных гостей. А значит, мы на верном пути. Как бы там ни было, то чего все так боятся, кажется, пришло по наши души.

– О. Ши—и—и, – двигающая правильным клином, троица шепчет непонятные слова.

Изломанные фигуры приближаются, разгоняя вокруг себя туман, криво шевелят худыми конечностями. Призрачные лица в немом крике разлетаются по сторонам, словно боятся оказаться на пути этих угловатых, переломанных существ.

Домино, 99 ур. (реликт: 2000 лет)

Страж Во—Ту—Нессы

Я рассматриваю пугающие фигуры. Худые как спичка, черные как смоль. Прямоугольное, металлическое тело и расколотая надвое голова. Кажется, кто-то пытался разрубить этих тварей от макушки до подбородка, но не смог. Металлический доспех усеян белыми, навывкате, глазами. Глаза с зеленым зрачком болтаются на плоском, прямоугольном теле. Аккуратно и правильно, они повторяют расположение точек у фишки домино. Судя по количеству, к нам пришли три «восьмерки». В руках этой изломанной, криво шагаю-

щей троицы, мечи. Изогнутые, невообразимой длины, лезвия клинков выглядит потоком голубого пламени.

– О. Ш—и—и, – кривые полоски губ на расколотых лицах не прекращают шептать.

Стражи приближаются, возглавляемые гвардейцем. На его правой руке жуткая перчатка. На вид сотканная из молочной дымки, она безостановочно затягивает в себя туман. Призрачные головы в немом крике поглощаются, исчезают внутри.

– Мы трупы, – дрогнувший голос синекожего.

– Крюк, я не хочу умирать... Крюк, пожалуйста, пошли отсюда... – арахна дрожит и пятится, тянет за собой белоглазого.

Крюк медленно отступает, неотрывно наблюдает за приближающимися воинами. Брюнетка за моей спиной, чувствую, готова сорваться на бег.

– Отойдите, – я потянулся к языкам.

Выбора нет, придется есть жетоны.

– Гу. О. Ши—и—и? – неожиданно прошептали перед моим носом.

Когда гвардеец успел телепортироваться – неизвестно. Защитная пленка, что покрывала монстра, пропала, лезвие его пылающего клинка потухло. Тварь явно не ожидала подобного, но это не мешает ему широко замахнуться. Я заторможено метнул языки навстречу, тесак летит в расколотую голову противника. Но туманная перчатка уже над моей голо-

вой, свистящим росчерком перерубает все тентакли разом. В стороны разлетелись жетоны, кинжал, обрубки моих языков. Я взвыл, оглашая туман нечеловеческим криком. Очередной удар и я валяюсь на земле, пускаю лужу крови. Остроносый ботинок гвардейца опустился на мою грудь, норовит растоптать меня, размазать о землю. Я слышу хруст собственных костей.

– Ком—о—ком! – страж Во-Ту-Нессы возник перед носом синекожего.

Сверкающим клинком белоглазого рубанули поперек груди. Под звук лязгнувшего металла Крюк улетел в туман. В следующую секунду, повинувшись требовательному шипению гвардейца, стражи схватили брюнетку. Последнее, что я увидел – огромные, полные отчаяния глаза лопухой. Мгновение и домино испарились вместе с девушкой.

– Гу. О. Ши—и—и. – довольный результатом, гвардеец вытянул руку в сторону арахны

С закладывающим уши визгом из перчатки вырвался столп чадающего марева. Искореженные призрачные лица, слипшиеся друг с другом в мерзкую субстанцию, единым потоком захлестнули маленькую тарактелку. Лавина визжащих омерзительных лиц поглотила рыдающую девчонку, размазывая её щуплое тельце. Всё, что осталось от девушки – расплескавшаяся по земле дорожка из мяса и внутренностей. Я из последних сил пытаюсь бороться. Жижа, где же ты? Отчаянный плевок и клякса растекается по доспеху гвардейца.

– Гу. О. Ши—и—и? – туманная рукавица брезгливо смахнула мрачный двойник, как ни в чем не бывало.

Это конец. Перед глазами красная пелена, я вижу располовиненную морду домино. Существо склонилось надо мной. Кажется, оно хочет увидеть последние моменты моей жизни. Рука нащупала какой-то плоский камень. Уползающее сознание ловит знакомый аромат. Тело из последних сил напряглось, в ожидании предсмертной дозы. Отвлекающий выстрел из костяной мясорубки. Разумеется мимо, но это не главное. Я заталкиваю чей-то жетон себе в глотку. Нет шума советского телевизора и нет помех перед глазами. Есть лишь скудные строчки текста, что я с трудом могу прочитать.

Ошибка

...

Жетон гу'оз'гу (переваривается)

...

Добавлено: Альгология, 1 ур. (необычное)

Альгология – навык быстрого поиска водорослей на дне водоемов. Позволяет определить сорт, качество и полезные свойства растения. Требуется для навыка «Провизор».

...

Сила: + 140 (временно)

Сила: + 12 (постоянно)

...

Ловкость: +4 (временно)

Ловкость: +1(постоянно)

...

Живучесть: + 300 (временно)

Живучесть: + 30 (постоянно)

...

Добавлено: Жадная глотка (временно)

Жадная глотка – ненасытная безразмерная пасть. Кормится существами любой формы жизни и размеров. При активации требует немедленного насыщения. Носитель не в состоянии контролировать процесс, пока жадная глотка не будет накормлена. Пожраный переваривается в течение 20 минут. Временно наделяет способностью «всеядный желудок». Требуются крепкие зубы.

Осталось:

00:30

00:29

00:28

...

...

Меня раздрает на части, металлический привкус во рту. Чувствую, как во мне что-то бултыхается, что-то злое и металлическое. Я этого не вынесу.

Крюк на удивление жив. Выглядит ошестинившимся стальными иглами дикобразом. Вот значит о каких колюч-

ках коя'коя верещал мохнатый торгаш. На груди синекожего приличных размеров вмятина, его своеобразная защита загнута в грудную клетку. Но Крюк дышит. Хрипит и булькает, но дышит. Полемики больше нет, грудастую забрали. Домино... Одного я сожрал. На языке всё ещё странный привкус. Часть моих зубов высыпалась, ещё часть расколота и раздроблена. Перед глазами строчки текста, лезут сообщить об очередном достижении.

Пока белоглазый в отключке, я перебираю барахло у своих ног. Туманная перчатка, металлические сапоги, клинок. Стоит подойти к оружию, как изогнутое, полыхающее лезвие меча затухает. Но только я отойду на пару шагов – обратно разгорается. Значит, не почудилось и моя аура без названия вырубает способности. Клинок, к слову, проклят. На гарде ярко светится характерная метка – багровый «X». Я рискнул подержать в руках это чудное оружие, получил неожиданный эффект. Синее пламя вновь ожило, однако моя рука в считанные секунды почернела, обуглилась, жутко закрипела. Думаю, ещё секунду и она бы превратилась в изломанное, кривое безобразие, повторяя конечности домино. Благо, стоит от меча избавиться и эффект пропадает. В общем, клинок, перчатку и сапоги гвардейца всеядный желудок не принял, выплюнул обратно. Я, кстати, весь покрыт бородавками. Надеюсь, это побочный эффект жабьего амулета и скоро всё пройдет.

– Парень? – Крюк пришел в себя, хрипит, ворочает глаза-

ми. — Ты жив? Что с остальными?

— Брюнетку забрали. Ты сам видел.

— Что с Полемикой?

Говорить про арахну тяжело. Язык не поворачивается.

— Нет её... больше.

За убитого домино я получил девять уровней. Теперь моя оцифрованная копия сжимает в руке две подвески. Рядом с жетоном аму—вага в руке проекции болтается медальон гу'оз'гу. Вот только малая часть моих параметров. Список слишком длинный, чтобы перечислить все имеющиеся

Сила: 34

Ловкость: 12

Живучесть: 63

Интеллект: (параметр усваивается)

Дух: (параметр усваивается)

Хитрость: (параметр усваивается)

Очки талантов: 46 + 2 (жадная глотка)

Легко понять, откуда всё это добро. За сожранные медальоны, разумеется. Ко всему прочему жадная глотка добавила мне свободных к распределению «плюсиков». Результат переварившегося домино. Я кстати разобрался со своими метаморфозами. Всего—навсего стоило ткнуть пальцем в жетон, что сжимает оцифрованный двойник. Выяснилось,

что подвеска аму—вага создает мою мрачную копию из костей, мяса и внутренних органов. Продвинутый вариант тупой марионетки. Но есть в этой способности один нюанс. Если мне не откуда брать резерв, если я не смогу восстановить потеряемое – я труп. Процесс, стоит его запустить, необратим. Вывод прост – держи под рукой несколько живых «закусок».

Что касается подвеска зеленокожего, то жетон бородавочника превращает меня в какую-то двуногую харю невообразимых размеров. Называется это чудо, как уже стало понятно, «жадная глотка». Тоже продвинутая версия жабьего навыка. В ходе метаморфозы характеристики подскакивают на заоблачную высоту, спасая от риска сдохнуть во время пережевывания. Процесс изменения, разумеется, также необратим. Тело в течение тридцати секунд заталкивает в себя любого, кто находится рядом. Кто не спрятался – я не виноват, как говорится. После недолгосрочного эффекта, всеядный желудок ещё двадцать минут переваривает съеденное. Как это происходит я без понятия, ибо мое сознание в этот момент в глухой отключке. Когда прихожу в себя у моих ног неперевавшееся барахло и бонус в талантах. Такая вот хитрая пасть, что кормит своего владельца дополнительными «плюсиками».

Что я могу сказать по поводу всего этого? Меня устраивает. Все равно деваться некуда. Единственное, что смущает – помешательство во время метаморфозы. Но это, как выяснилось, вопрос решаемый. На помощь приходят новые та-

ланты. Я был прав в своих догадках. Куст навыков изменился. Теперь это наглухо запутанный, перекрученный моток талантов. От упорядоченного списка не осталось и следа. Сами навыки тоже претерпели изменения и выглядят уродливыми версиями прежних себя. Всё в этом списке теперь, так или иначе, рассчитано на пожирание амулетов. Первый же талант выглядит как расколота на части голова и повышает ментальную стойкость, снижает риск потери рассудка, позволяет лучше контролировать себя во время метаморфоз. Ах да, угадайте, какой талант теперь венчает заветную отметку 1000? Правильно – безобразная тварь, что проталкивает в свой рот фигурку трепыхающегося legionera.

– Парень, они скоро вернутся. Уходи отсюда, – а вот и Крюк очнулся.

Последние полчаса он то вырубается, то просыпается. Вогнутая грудная клетка постепенно принимает нормальную форму. Металлические иглы распрямляются, прячутся в его теле.

– Ты умеешь регенерировать? – спрашиваю очевидное, но все—таки.

– Да.

– Но у тебя жетона нет.

– И не надо.

Синекожий более – менее способен разговаривать. Кровавая пена уже не пузырится на его губах, но в груди при каждом слове хрипит и клокочет.

– Это уникальная видовая способность. Она всегда с тобой. Жетон тут ни при чем.

– Как рукоделие... – родилась догадка в моей голове.

– Рукоделие? – Крюк недоуменно посмотрел на меня.

– Вот, глянь.

Я смахнул меню талантов, возвращаясь к голограмме и таблице характеристик. То самое рукоделие сейчас можно увидеть в отдельном списке полученных навыков.

– Вот, – я показываю синекожему значок в виде соломенной куклы. – Я получил эту способность, когда съел медальон аму—вага. Теперь могу делать своими руками примитивные поделки.

– Или вот, – я ткнул пальцем в иконку кривой веточки. – А это я получил за медальон бородавочника. Дурацкая способность отыскивать водоросли на дне водоемов. Я съедаю подвеску и безвозвратно получаю ваши родовые навыки, Крюк. Съем жетон кое'кая и получу твою регенерацию с защитными металлическими прутьями.

– Ну ты и... монстр.

Мужик, не видел ты ещё, как я выпиваю тентаклей чужие внутренности и целиком заталкиваю в себя домино.

– Ладно, лежи, регенерируй, – я окинул взглядом вновь затихшего синекожего. – Мне тут надо кое с чем разобраться.

Щупальца медленно отрастают. Думаю, на это не в последнюю очередь влияет параметр «живучесть». В стане красных лент, между прочим, прибавилось и теперь на одну больше. Ещё не подсчитывал, но на вскидку, дополнительный язык отрастает каждые четыре – пять уровней. Мой любимый тесак гопника снова со мной. Хоть немного подержу его в руках, пока та самая тентакля не регенерировала. Ещё я отыскал жетон гу'оз'гу. Единственный, что после удара домино не улетел в туман. Теперь есть с чем идти воевать. От домино, кстати, осталась подвеска. По виду расколотый на кусочки крестик и тоже на грубой нитке. В центре амулета ярко горит непонятная субстанция. Что за она не знаю, но именно субстанция, как я понимаю, не дает развалиться жетону, притягивает осколки друг к другу. Медальон гудит. Гудит вполне отчетливо, зловеще. Да, по поводу его названия

Подвеска Домино (Реликт, уникальное, превосходное)

Все накопившиеся «плюсы» я потратил в расколотую голову и зубастую харю. Первый талант, как говорилось, повышает ментальную стойкость. Второй, помимо запаха сладкого дурмана, теперь доносит ко мне запах чужих амулетов. Стоило усилить последний, как в голову ворвался ураган ароматов, погружая сознание в безумный хоровод диких, необузданных желаний. Так хочется вгрызться зубами в ме-

дальоны, кинуться вперед, беззаветно отдавшись инстинкту, следовать тропинкой запаха к его источнику.

– АГХР! – я рухнул на колени, силясь перебороть накатившее безумие.

Вдох—выдох. Максим, дави это сумасшествие, нельзя терять голову. Вдох—выдох. Не бегать же мне тупым болванчиком? Борись с давящими на тебя инстинктами. Вдох—выдох. Вот так, отлично. Вдох—выдох...

– Нам туда, – я глубоко вдохнул, определяя направление. Домино впереди, чувствую манящий запах жетонов. Там же находится ещё несколько источников аромата. Не удивлюсь, если эта та самая Во-Ту-Несса и разыскиваемый мохнатыми паренек. Кельтун'Хель слева. Сумасшедший городишко с черными воротами далеко позади. Лес... лес где—то правее. Оттуда струится целый океан крышесносных запахов. У меня просто чудовищное обоняние. Десяток плюсов в характерный талант задрали его на недостижимую высоту. Единственный нюанс – теперь я ощущаю только два запаха: запах чужих жетонов и запах сладкого дурмана. Всё остальное, тот же пот собственного немытого тела, для меня теперь неразличим. Своеобразная плата за способности.

– Крюк, пошли, – я позвал синекожего. – Чего ты там разлегся?

Белоглазый молчит, отводит глаза в сторону.

– Собственная шкура дороже? Да, Крюк?

– Ты в землях отчаяния, парень. Тут каждый день так.

– Понятно с тобой всё. На вот, – я пнул к его ногам туманную перчатку домино, клинок, вытащил из кармана камень телепортации. – Зови шерстяного. Может, выторгуешь себе билет до разлома.

Крюк недоуменно посмотрел на меня.

– Я так не могу, синий, – пожал я плечами. – Полемика не заслужила быть размазанной тонким слоем по земле. Кое—кто ответит за её смерть. Брюнетку, как бы сильно она меня не доставала, я тоже не кину. Хватит уже смертей по моей вине.

Я сунул за пояс старый добрый тесак. Сжал в руке жетон домино и подвеску бородавочника, двинул в туман.

– Ты умрешь, парень, – прогудело за спиной.

Очень может быть. Но не стоит забывать один момент. Как показывает практика, я очень живучая тварь.

Глава 23

Неизменно закутанная в свою черную тогу, с аккуратно уложенными в пучок седыми волосами, величественная и насквозь пропахшая старостью Шимасса восседала на троне. Созданный некогда величайшим из арахнидов Ткачом Столапым этот трон без преувеличения являет собой вершину артефакторики божественного мира. Будучи предметом незатихающих споров и домыслов, монструозный трон был установлен здесь давным—давно, в зале, на небольшом пьедестале высотой в пару ступеней.

«Как там...» – Анубис напряг память. – «Олд—скулл!»

Времена меняются и высота божественных кресел вместе с количеством ступеней неумолимо растет. Встретить сейчас подобного монстра на таком низком постаменте уже не представляется возможным. И сейчас к этому мрачному раритету быстро семенил сухонький старичок. Под настороженным взглядом хозяйки помещения сгорбленный дедок миновал зал. Достигнув ступеней пьедестала бережно опустил на пол непонятный, квадратной формы агрегат с кучей рычагов, кнопок, трубочек и винтиков. Шустро двинул обратно к порталу. Ухватившись за приземистую, массивную колонну, с закладывающим уши скрежетом потянул её к трону Шимассы.

– Фу—ух, – дотолкав каменную подставку к подножию

трона, старичок развалился на его ступенях, вытер пот.

Несколько секунд посидел, отдышался, вновь поднялся. Дедок крúгом обошел приземистую колонну, окидывая взглядом и подслеповато щурясь, нахмурился.

– Не пойдет! – непонятно к кому обратился мужичок, глянул по сторонам, уверенно двинул в правую часть зала.

Приблизившись к неглубокой нише в стене остановился, осмотрел проем. Под перекрестным взглядом двух богов дедок вытащил оттуда усохшую мумию. Бесцеремонно откинул в сторону, освобождая место. Покрутился, повертелся, просеменил обратно к подставке и непонятному агрегату. Анубис все это время молча наблюдал за происходящим. Загривком чувствуя пристальный взгляд Шимассы, владыка мертвых старался не растерять каменного выражение лица на своей морде. Более того, бог загробного мира напустил побольше важности, косо поглядывая на закипающую старушку.

– Что здесь про... – не вытерпела хозяйка помещения.

– То что нужно! – воскликнул дедок, перебивая.

Мужичок двумя руками уперся в столб—подставку после чего вновь, с раздражающим душу скрипом и скрежетом принялся её толкать. Только теперь уже в сторону стенного проема. Дотолкав, вернулся к подножию трона, бережно поднял непонятный агрегат. Просеменил с несуразным устройством до колонны, аккуратно на неё водрузил. Не реагируя на дергающийся глаз богини, пнул в сторону мешающуюся под но-

гами мумию.

– Повелитель! – дедок рухнул подле Анубиса, требовательно вытянул руку.

– Кхм, да—да! – важно хмурясь, бог песков сотворил красный кирпичик на ладони старичка.

– Белигус—с, – процедили из темноты. – Что за концерт ты мне тут уст...

– Действуй! – воскликнул Анубис, перебивая хозяйку помещения

Главное не дать Шиме говорить. Белигус знает её натуру. Вовремя не останови эту ворчливую кашолку и всем здесь присутствующим не поздоровится. Лучше сбивать её с толку подобными бестолковыми выкриками.

– Слушай сюда, старый приду...

Не сработало.

– Приступай! – вновь воскликнул бог песков, резко пнул старичка.

От неожиданного пинка дедок вспахал носом пол, пролетел до колонны с несуразным агрегатом. Как ни в чем не бывало, вскочил. С характерным «тс—с» ловко вскрыл кирпич, высыпал содержимое в нутро загадочного устройства.

ТУНЬК!

Кривым старческим пальцем дедок вдавил одну из многочисленных кнопок агрегата. В ту же секунду машина задрогалась, закрипела, заклокотала своим содержимым. Переливаясь неоновыми огоньками, загадочный агрегат засве-

тился, позволяя злой Шимассе рассмотреть вычурные каракули на своем каменному боку.

«АНБС v1.0»

«BEST Quality»

Пока машина дергалась и бурлила, переливая в своих стеклянных трубках черную жидкость, злая Шимасса тарасилась на Анубиса.

– Вы, оба! А ну валите отсю...

Неожиданно агрегат чихнул, кашлянул, булькнул и внезапно затих, отсвечивая в темноте помещения зеленым огоньком стеклянного глаза.

– Лобригус! – рыкнул Анубис, возбужденно потирая руки, величественно глянул на Шимассу.

– Чего уставился? – злобно проскрипела царица ужасов.

За спиной Анубиса появилось кресло. Чинно сложив на животе руки, владыка мертвых с самодовольным видом уселся. Щелчок когтистых пальцев. Рядом с обхаживающим дьявольское устройство дедком возник поднос с двумя белоснежными чашечками. Старичок тут же установил посуду в каменное нутро машины.

ТУНЬК!

Кривой старческий палец вдавил мигающую зеленым светом кнопку агрегата. Несуразное творение, плюясь и чихая, принялось наполнять чашки подозрительной жидкостью. Через несколько мгновений, прекратив тарасить, машина затихла, молча отсвечивая теперь уже красным огонь-

ком своих многочисленных глаз.

– Ху! – удовлетворенно хмыкнул Анубис.

– Повелитель! – Лобригус осторожно подал богу песков блюдо с чашечкой черного варева.

– Госпожа! – дедок метнулся к растерявшейся старухе.

Наглым образом всучив чашку с напитком прямо в руки Шимассе, Лобригус шустро откатился к подставке и агрегату. Выудил из нагрудного кармашка белый платочек. Резко потеряв интерес к окружающим, дедок принялся скрупулезно протирать чудное изобретение.

– Кхм, да, – кашлянул Анубис, нарушив тишину, пригубил из чашки.

С блаженной улыбкой владыка мертвых расплылся в кресле, перевел на Шиму восторженный, выжидающий взгляд. Царица ужасов скривилась, наблюдая за этим «поехавшим». С опаской пригубила напиток:

«А неплохо...»

Вновь пригубила из чашки, ощущая на себе прицельный взгляд желтых глаз.

– Моя разработка! – самодовольно оскалился хозяин пирамид, выпятил грудь. – Как вкус?

– Так себе, – злобно проворчала старуха, аккуратными глотками продолжая отпивать кофе.

– Кхм... – стушевался бог песков.

Обиженно глянув на Шимассу, владыка мертвых вздохнул, поерзал в кресле, устраиваясь поудобнее.

– Может, перейдем уже к делу? – выгнула старческую бровь царица ужасов, смерила Анубиса тяжелым взглядом. – Чего приперся?

– Шима, прикажи девчонке не идти в разлом, – отчеканил бог песков.

Выражение лица хозяина пустыни приняло серьезный вид.

– Ты рехнулся, Белигус, – ровным голосом ответила Шимасса.

– Шима, у меня скверные новости.

– Не имеет значения. Я не изменю своего решения, – спокойно проговорила хозяйка помещения.

– Послушай! В разломе будет поглотитель, – мрачно прогудел Белигус, поднимая глаза на Шимассу.

Да, тот самый поглотитель. Мифическая тварь разлома, выпивающая силу богов через подвески гвардейцев. Монстр, чья жизнь, если верить слухам, началась из тела павшего легионера. Легионера, что решился на вторую попытку достигнуть ворот Пантеона. И слухи так бы и оставались слухами, если бы не каталогизированная Шепчущим, записанная и досконально разобранный череда случаев, прокатившаяся в пантеоне пару тысяч лет. Вереница смертей, косвенно указывающих на реальное существование этого монстра.

– Ты точно рехнулся, если приперся сюда с подобными заявлениями, – фыркнула богиня. – Поглотителя не существует. Даже я за всю свою жизнь ничего подобного не ви-

дела. Это всего лишь бредни. Сказка, которой страшат новичков. Тебе ли не знать об этом!

– Мониторы засекли его, Шима. В разломе Могильной плиты. Поглотитель реален и теперь всё стало на свои места. Шепчущий может подтвердить.

– Это бред!

– Хочешь сказать, две тысячи мониторов разом ошиблись? Разом потеряли рассудок просто так?

– Это. Бред, – отчеканила старуха. – Ошиблись, перепутали, выдумали – не имеет значения. Подобной твари не существует. Поедатель – вот что реально. И я о нем скоро позабочусь!

Анубис тяжело вздохнул, отдал Лобригусу чашечку с блюдцем. Пропустив мимо ушей замечание о поедателе, глухо заговорил:

– Мне всё не давала покоя эта ситуация с Улк—Атан. Сначала эта курица запрыгнула в койку О'Солуте. Использовала Темного, чтобы повлиять на мое решение. Затем пришла за личом. Расплатилась и даже не потеряла в силе. Как говорят смертные «один раз случайность, два – уже статистика».

– Что ты имеешь в виду?

– В Пантеоне образовался союз, Шима. Первый, Улк—Атан и некто третий, чьё имя мне пока неизвестно. Их цель проста: собрать отборную группу и убить монстра разлома. Первый желает получить амулет поглотителя.

– Союз? – скептически процедила Шимасса.

– Первый подготовил арбитра. С помощью прогусов они захватили Кельтун'Хель. Арбитр два года поднимал уровни на душах, что попадали в город. Качал навыки, пытался создать измененного. Несколько часов назад ему это удалось. Насколько я знаю, исходным материалом стал зулу девяносто девятого уровня.

– Измененный в Могильной плите? Очередной бред, Белигус. Арбитр не в состоянии повернуть подобное – уровень не позволит. Более—менее стабильный измененный получится не раньше двухсот пятидесятого уровня.

– Он прокачивался два года, Шима!

– Ладно, допустим, – махнула костлявой рукой старуха. – И что с того? Жалкий арбитр не в состоянии убить вашего вымышленного поглотителя.

– Дальше Улк—Атан, – не подал виду Анубис, – почти пять сотен смертных единым порывом совершили ритуальное самоубийство, отправились в земли отчаяния. Сразу после она пришла ко мне за личом из шестого сектора.

– Корм? – быстро докрутила логическую цепочку в голове Шимасса. – Ты на это намекаешь?

– Именно. Отправленные дорогой богов, они должны были быть нагнаны и пожраны. Лич расплодился бы невообразимым количеством. Но тут планы нарушил поедатель. Своим появлением землянин вызвал неожиданную реакцию стража черных врат. Тем самым, практически оставил лича без еды.

Анубис поерзал в кресле:

– Но даже здесь, как выяснилось, поедатель сыграл пернатой марамошке на руку. Воспользовавшись ситуацией, Улк —Атан прикрылась происходящим, выдала пантеону лича, как решение проблемы с потенциальной угрозой богов.

– Заявила, что ради этого потратилась на лича?

– Именно. Жаль я сразу не догадался, старый дурак!

Анубис повел когтистой лапой, покосился на Лобригуса. Сухонький дедок тут же защелкал кнопками чудо—машины, запуская агрегат.

– Безмозглая курица, оказывается, не такая уж и безмозглая, – скривился Анубис.— Ну и в конце. Некто третий, чье имя до сих пор остается в тени. Напитал двух прогусов силой, обособил сотню самых перспективных душ в городе, наобещав в своих явлениях этим недоумкам сладкую жизнь и горы богатства.

– Пушечное мясо?

– Верно, – кивнул Анубис, осторожно забирая из рук старичка маленькую чашечку. Такую же шустрый дедок уже успел вручить хозяйке помещения. – Основной силой будет лич, арбитр и прогусы. Все остальные – корм для отвлечения внимания.

Повелитель пустыни сделал глоток кофе, нахмурился:

– Мрачные мысли посещают меня, Шима. Если троица сможет убить монстра, в обоих мирах начнется хаос. Поедатель на фоне происходящего окажется соринкой в глазу.

– Поедатель реален! В отличие от твоих фантазий, Белигус.

Анубис рассерженно фыркнул:

– Шима, пойми! Через эту подвеску Первый устроит геноцид. Начнет отлавливать гвардейцев, шерстя один мир за другим. Через своего арбитра он поглотит силы тысяч легионеров. Первый рехнулся, Шима! Мы должны что-то сделать!.

– Ты утомил меня, Белигус! – нервно дернула уголком рта царица ужасов. – Утомил своими бреднями! Нет никакого поглотителя! Нет и никогда не было!

Анубис резко встал, рассерженно заговорил:

– Шима, если твой гвардеец попадет в лапы безумной твари, тебя выпьют через жетон девчонки. Ты это понимаешь? Останови её! Пусть подождет следующий разлом.

– Даже если предположить, что твои фантастические домыслы верны, – скривилась Шима, – ты предлагаешь мне подождать ещё двадцать лет?

Старуха хлопнула ладонью по массивному подлокотнику трона:

– Белигус, я у грани! Система с каждым днем все быстрее забирает силы. Мой срок давно истек! Эта девочка – последний шанс! Она принесет мне ядро разлома или я не протяну и десяти лет. И ты об этом знаешь!

– Тебя могут выпить уже сегодня, Шима! Разрыв откроется с минуты на минуту. Арбитр, прогусы, сотня вооруженных и прокаченных душ у его порога. Лич в нескольких ча-

сах пути. Да твоя девчонка там банально сдохнет! Её порвут на лоскуты! Повремени! Я что—нибудь придумаю!

– Девчонка войдет в разлом, Анубис! Я решила и мнение свое не изменю! Позаботься лучше о поедателе!

Анубис резко крутанулся на месте. Бесплезно, Шима никогда не верила в то, что не могла увидеть. Бог песков рассерженно дернул ухом:

– Мне пора. Гости ждут.

Владыка мертвых щелкнул коггистыми пальцами. Под потолок улетел маленький неоновый шарик, замер фиолетовой сферой.

– Он начнет работать, как только я открою око. Ты увидишь то же, что увидят и все остальные. Лобригус!

– Да, Повелитель!

– Остаься с Госпожой. Приготовь ей кофе. Возможно, в последний раз.

Глава 24

Я двигаюсь к троице домино. Ярко выраженный шлейф аромата ведет меня в тумане, петляя по сторонам. По мере приближения держать контроль над собственным разумом становится всё труднее. С каждым шагом во мне крепчает желание сорваться на бег, спустить тормоза. Может, резануть порядком отросшие тентакли? Пусть этот животный позыв задавит болью. Тот удар перчаткой, отрубивший мои щупальца, вызвал просто адские муки. И это здесь, в мире, где я всё чувствую наполовину. А что бы со мной случилось там, за разломом? Смерть от болевого шока?

Аромат быстро приближается. Три ярких источника сладкого запаха движутся ко мне навстречу. Из костяной мясорубки стрелять не буду, бессмысленно. Левая рука пока единственная рабочая конечность и мне важно сожрать подвеску. А вот и гости. Туман расступился, пропуская черные худые фигуры.

– Гу. О. Ши—и—и.

Домино перешли на бег, на ходу вытаскивают свои полыхающие изогнутые клинки. Три реликта и все стражи. Гвардейцы закончились, я так понимаю. Я тоже перешел на бег, запихнул в рот жетон гу'оз'гу. От запаха медальона крышу сносит напрочь. В животе словно черная дыра разверзлась, требует её накормить.

– О—о—о! – меня накрыло волной чистого кайфа.

Ошибка

...

Жетон гу'оз'гу (переваривается)

...

Вечный голод: 720/1000.

...

Добавлено: Жадная глотка (временно).

Осталось:

00:30

00:29

00:28

...

Я начинаю испытывать реальное удовольствие от процесса.

Левая половина челюсти теперь отсутствует. Образно. Кость, разумеется, на месте, но зубов там больше нет. Правая – я ощупал языком – три зуба осталось. Расколотые, они криво торчат острыми кусками. Передние, на удивление, все на месте. Однако, нельзя сказать что с ними все в порядке. Где-то больше, где-то меньше, но зубы пострадали. Треснувшие, надломанные, они вывернуты под разными углами. Лучше бы выпали, честное слово.

Я прекратил рассматривать собственное отражение в лезвии тесака. Перевел взгляд на свою голограмму. Шестьдесят второй уровень и плюс два языка за спиной. По традиции очки талантов в расколотую голову. Пока в состоянии метаморфозы не начну ощущать себя вменяемым – всё туда. Но даже этих «плюсиков» недостаточно. Убедился пару минут назад. За время, что я пожирал домино, мой разум плавал где-то на границе сознания. Я все ещё болванчик, а значит всё в расколотую голову.

По поводу языков. Прибавляя в мясных лентах тело неумолимо оттягивает назад. Мой центр тяжести сместился, организм катастрофически не справляется с нагрузкой. Предыдущий забег чуть не завел меня в могилу. В талантах, кстати, остался навык бодибилдера с кучей щупалец. Видимо, даже система понимает его острую для меня необходимость. Надо будет обязательно вкачать.

Вновь три источника запаха. Приближаются, но уже не так быстро, остановились. Они чувствуют меня? Видят в этом тумане? Все может быть. В затылке где-то пару минут назад начало нестерпимо свербеть – верный признак надвигающихся проблем. Знать бы ещё каких.

– О. Ши—и—и.

– Ком—о—ком! Пошхедатль!

Новые лица. Вместо гвардейца эту троицу возглавляет маг.

Домино, 99 ур. (реликт: 2000 лет)

Маг Во—Ту—Нессы

– О. Ши—и—и. Поедатль!

Маг пытается со мной заговорить. Тянет время? Хочет что-то сообщить? Который из вариантов реальнее? Думаю, первый. Реликт выглядит немного иначе. Надвое расколотую голову сдерживает костяной обруч. Угловатое, местами треснутое кольцо похоже на побитую тарелку с дыркой по центру. Вот этой дыркой и насажено блюдце чудовищу на голову. В левой руке у реликта по традиции изогнутый клинок. Маг, кстати, облачен в обрывки не то мешка, не то майки. Грубая серая материя, испещренная зелеными буквами, закрывает верхнюю половину его плоского прямоугольного тела. Чудесно! Майка мне не помешает. Непривычно бегать обнаженным по пояс. Взгляд постоянно цепляется за собственную худобу и смертельно бледный вид. Почему серая щупальца бездействует? Жадная глотка слишком резво всех подъедает? Наверное, так.

Ладно, где там трофейные крестики—подвески. Поглядим, какая метаморфоза ждет меня в этот раз. Помогут ли сохранить рассудок подаренные жадной глоткой и потраченные на расколотую голову очки талантов? Я буду прокачивать этот талант до конца, пока мозги не прекратят отрубаться! Жаль, конечно, что медальоны бородавочников закончились. Халявы в виде дополнительных талантов больше не будет. Зато монстров не сожру. Есть шанс получить рубашку. Отвлекся. Что там с домино?

– О. Ши—и—и. Поедатель!

Маг филигранно крутанул клинок, резким взмахом насквозь прошил себе голову. Лезвие клинка вошло строго в левое ухо и на добрую половину вышло из правого. Костяной обруч на голове монстра вспыхнул голубым светом.

– Ком—о—ком! – стражи синхронно исчезли.

Подвеску в рот! Стоило жетону оказаться на зубах, как тело сковал паралич. Маг поднял в мою сторону открытую ладонь, скрючил пальцы. Мой единственный глаз лезет из орбит. Домино буквально выдирает его из глазницы, воздействуя на орган невидимой силой. Лезвие клинка в его продырявленной черепушке стремительно тлеет, развеивается голубыми лоскутами пепла. Полыхающий синевой костяной обруч жадно подхватывает сгорающие куски меча, распалаясь всё ярче.

– О. Ши—и—и! Ком—о—ком!

Давление на мой глаз неумолимо растет. Ещё мгновение и его вырвут из черепа. Что за навыки такие, черт побери?! Паралич, глазовыдиранье... Почему я так не умею?! Жри подвеску, Максим! Жри через не могу. Шевели челюстями! Надо было заранее крошить жетон. Учту на будущее. Подвеска треснула, рассыпаясь на языке вместе с последними зубами. Рот наполняется слюной.

– О, да—а—а...

Какой же это всё—таки кайф.

Ошибка

...

Жетон домино (переваривается)

...

Вечный голод: сытость 820/1000.

...

Добавлено: Проклятая заточка, 1 ур. (уникальное)

Проклятая заточка – умение филигранной доводки холодного оружия. Значительно повышает остроту режущей кромки предмета. Требуется для навыка «Проклятый оружейник».

...

Сила: + 12 (временно)

Сила: + 2 (постоянно)

...

Ловкость: +300 (временно)

Ловкость: +32 (постоянно)

...

Реакция: + 240 (временно)

Реакция: + 18 (постоянно)

...

Хитрость: (навык усваивается)

...

Добавлено: Туманный слайсер «Восьмерка домино» (временно)

Туманный слайсер «Восьмерка домино» – проклятая, живая квинтэссенция фехтовальных навыков. Проклятие из-

ломанного тела компенсируется невероятной скоростью ударов. Испытывает непреодолимую тягу к разрубанию жертвы. Считает количество полученных ломтиков. Голова противника будет разрублена любой ценой.

9:59

9:58

9:57

...

...

– Хитрость? Надо же, у стража домино есть параметр хитрость. Как же болит голова.

...

...

– Когда тентакля успела выхватить тесак? Почему она черного цвета?

...

...

– Это я сейчас телепортировался? Что это было?

...

...

– Главное, рубашку на нем не испортить... главное рубашку не...

...

...

– Аха—ха—ха! Ничего себе его на ленточки порезало!

...

...

– Руба—а—шечка!

...

...

– Куда это вы собрались? Аха—ха—ха!

...

...

– Я могу порубить его ещё тоньше!

...

...

– Тесак нужно заточить, так не годится!

...

...

– ВУ—ХА—ХА! Да не убегай ты!

...

...

– Тоньше, тоньше, ТОНЬШЕ!

...

...

– Вот, сто восемьдесят ровных ломтиков! Тесак надо заточить...

...

...

– Мне нужно больше клинков. Как можно больше...

...

...

Я хотел рубашку, целую! А теперь это не рубашка, а долбаный моток каких-то рунных полосок. Вместо пожеванных объедков, оставляемых жадной глоткой, у меня под ногами теперь валяются нарезанные тонкими ломтиками домино. Чёрт! Так, ладно. Спокойно, Максим. Ленты причудливо отсвечивают. Описания нет.

– Ага, понятно, – пробормотал, рассматривая моток полосок.

Жаба внутри меня резко засуетилась. Носится из стороны в сторону, возбужденно потирает лапки. Куда бы мне их так сунуть, чтобы не потерялись? В карман! Готово! Всё, с «во-первых» разобрались. Теперь «во-вторых». Я отломал костяную тарелку с головы мага. Ту самую, что скрепляла его раздвоенную черепушку. Не знаю зачем. Как увидел его отрубленную голову – на меня что-то нахлынуло. Сам не свой, я подскочил к черепушке и принялся отдирать костяной обрuch. Жаба внутри меня в этот момент победоносно хохотала, отплясывая, кажется, румбу.

Проклятый черепной обруч домино (превосходное, реликт).

Обруч врезался мне в затылок. Сел, как влитой. Когда я говорю «врезался» и «сел», я говорю буквально. Круглый диск, стоило ему покинуть голову монстра, с гулом подлетел

в воздух. Треснул, раскалываясь на две части и со скоростью пули врубился мне в затылок одной из своих половинок. От удара меня кинуло на землю. Там же мою голову настиг второй снаряд, по ощущениям, отправив в прострацию минут на пять. Теперь у меня на затылке два костяных полумесяца, что тянутся от уха до уха. Что с ними делать и как это должно работать пока не знаю. Голограмма подсказок не даёт. Показывает эти кости, распознает качество, но дальше ничего путного. Вообще, с костями в этом мире у меня складываются какие-то особые отношения. Преимущественно с теми, что так или иначе крепятся на чужих головах. Вначале я отрывал челюсти еретикам, а теперь выдираю костяные блюдца у домино.

С тентаклями, между прочим, что-то происходит. Красные бичи с каждым уровнем становятся жестче, мясистее, длиннее. Сухой язык и вовсе на моих глазах покрылся мелкой сеткой, отдаленно напоминающей чешую. Страшно подумать во что они преобразятся на более высоких уровнях. После метаморфозы в туманного слайсера три языка мутировали. Теперь это черные, потрескавшиеся, кривые ветки, что сжимают клинки домино. Я при всем желании не смогу выдрать оружие из хватки собственных щупалец. Уже пытался, тщетно. Рукоятки, такое чувство, приросли к тентаклям. Ладно, потом разберемся. Пятерка отрубленных языков уже отросла. Один из них тут же выхватил у меня из-за пояса любимый тесак. В кого я превращаюсь? Три меча там,

тесак здесь, серый шланг и ещё пятерка красных лент.

Ладно, пора закругляться. Затылок холодит. Нужно быстро двигать к следующему «чек—поинту». Одинокая отметка меня уже ждёт. М—м... где-то метров пятьсот впереди. Нюх у меня просто сверхъестественный.

– О. Ши—и—и. Поедатель! Госпожа предлагает тебе уйти, – маг быстро тычет кривым пальцем в воронку портала.

Домино в пол оборота косится на меня своими многочисленными глазами. Он что, боится? Да ну, быть не может. По ту сторона портала Кельтун'Хель. Город горит, повсюду разливается пламя. Языки огня то тут, то там облизывают каменные стены. Даже отсюда я слышу взрывы, крики, мерзкий клеткот сотен глоток. Молочная спираль над городом гремит, извергает вниз снопы молний, добавляя огонька к происходящему. Над крышами домов мелькают какие-то фигуры, похожие на пауков. В городе творится форменная вакханалия.

– Иди. Поедатель! О. Ши—и—и!

Я сломал в руке жетон стража. Засыпал в рот осколки. Маг резко попятился, намеревается сбежать. Куда это ты собрался?

Стоит ли говорить о новом мотке рунических лент, новой порции костяных полумесяцев в моей голове, уровне? Скажу лишь, что я стою возле развалин. Впереди непонятные громады, запорошенные дымкой. Ах, да. Ещё живучесть перевалила за сотню. Появилась вот такая запись

Живучесть: достигнута первая граница.

Идёт анализ...

Осталось:

29:59

29:58

29:57

...

Любопытно к чем это. Но пока свалило нафиг, есть дела поважнее. Я должен подготовиться к неизведанному, кое-что проверить. Там, за границей тумана, несколько очень сильных источников аромата. Настолько мощные, что мне срывает крышу. Вдох—выдох, вдох—выдох. Собраться с мыслями, унять нечеловеческий голод внутри. Слюна ручейком вытекает из моего рта. Ничего не могу с этим поделать.

– Не сходи с тропы, поедатель, – шелест женского голоса в голове.

Давно я тебя не слышал. Если неизвестная нашептывает о тропе, то значит что? Значит, где-то рядом ждёт очеред-

ной кошмар, который я обязательно сожру/выпью/вдохну. Я шагнул вперед, оставляя туман за спиной.

– Поеда—атель, – протянула жуткая тварь старушечьим, дребезжащим голосом. – Вы всегда приходите не во—овремя.

Я обвел взглядом пространство передо мной. Поляна, окруженная туманом со всех сторон. В центре поляны какой-то монструозный, завалившийся на бок постамент. Похож на огромную черную плиту, усеянную сотней белесых глаз. На плоском боку громадины невесть как держится кривой, расколотый трон. Десяток изогнутых столбов окружают поляну по периметру. У вершины каждого на массивной цепи зафиксирована стеклянная сфера. Десятки стеклянных шаров, но обитаем лишь один. Внутри ползает изможденная рыжеволосая девушка. Худая, в каких-то обносках, она смотрит на меня, что-то кричит, колотит руками по стенкам своей прозрачной клетки. Где там фотография, которую дал мне Мрак. Всмотрелся. И почему я решил, что это парень? Из-за короткой прически, наверное. Значит, нашлась пропажа. И что мне теперь с ней делать? Убивать, как того просил мохнатый?

– Что же ты стоишь? Подойди к нам, трупое—ед.

Я перевел взгляд на говорящую. Огромная сторбленная старуха на кривых, мясистых ногах. Грушевидная голова, широкий плоский рот. На лысеющей башке вертикально торчит костяное блюдо.

Во—Ту—Несса, 100 ур.

Падший легионер.

Падший значит. Неужели можно рухнуть обратно в земли отчаяния? Судя по тому, кто передо мной – можно. Бабка говорит о себе во множественном числе. Старая кляча сказала «к нам». Вспомнился разговор с неизвестной сущностью. Пробудившийся Безымянный в теле бывшего легионера?

– Мы тебе нравимся? – мерзкая тварь коснулась огромного костяного полумесяца на своем несуразном черепе.

Вертикально торчащая из её головы тарелка увенчана двумя десятками глаз. И в одном из них я узнаю свой собственный. Очень любопытно. Ощупывая одной рукой костяное блюдо, второй падшая сжимает за обезображенную женскую голову обрубок тела. Я узнал её. Это брюнетка. То, что от неё осталось. Безногая, однорукая. Левого глаза уже нет – он торчит в костяном обруче. Правый пока ещё на месте. Лицо лопухой исполосовано, орлиный хищный нос – расплющенное месиво. Рот рассечен, нижняя губа вырвана с мясом, уши отрезаны. Просперус видит меня. Обезображенный рот что-то шепчет, адресует послание, понять которое я не в силах. Единственный глаз умоляет помочь. Старуха прекратила щупать блюдо с глазами. Прицелилась к последнему глазу девушки.

– Пора тебе занять положенное ме—есто, – карга вцепилась когтистыми пальцами в голову несчастной.

Я вскинул левую руку.

Ненасытное нутро: 385/4500 (ядовитый дурман)

Активировать: Да/Нет.

Сколько можно меня об этом спрашивать? Выпускай спираль! Костяной бур сорвался с моей руки. На краткий миг чудовище исчезло, чтобы через долю секунды появиться на том же месте. Гудящая мясорубка безрезультатно улетела в туман. Зря стрелял. Бабка даже не отреагировала. Потянула, вытаскивая из черепа брюнетки, глазное яблоко. Тело несчастной конвульсивно задергалось. Разорванные губы шепчут мне. Умоляют оборвать эти муки.

– Зря мы вас оставили в песках. Зря—я. Мерзкие червяки, вы постоянно портите нам жи—изнь, – падшая потянулась к обручу, вдавила окровавленный шарик в одно из двух свободных там отверстий.

С чавканьем, глазное яблоко погрузилось в разъем, крутанулось вокруг оси, выравниваясь, глянуло на меня вертикальным зрачком.

– Нужно было вас всех доби—ить, – карга, кажется, разговаривает сама с собой. – Нельзя было спешить. Нельзя—я.

Старуха запустила обмякшую фигуру лопухой в сторону домино. Я молча проследил за полетом. Обезображенное тело рухнуло возле приземистого бассейна, наполненного зеленой жижей. Вот откуда сладкий тягучий запах. Низенький колодец до краев заполнен кисельной субстанцией и вырванными глазами. Здесь сотни белых шариков. Кругляши полощутся в мутной жидкости, отсвечивают всеми цветами ра-

дуги. У меня на глазах домино выдернули руку из тела брюнетки, конечность окунули в заполненный зеленой слизью и глазами бассейн. Рука лопухой мгновенно почернела, начала гипертрофироваться, ломаться и хрустеть. Плавающие в бассейне белые шарики липнут к оторванной конечности. Стражи резво приделали измененную руку к тому самому черному постаменту. Монструозная многорукая и многоногая фигура мелко дрожит. Эта, усеянная сотнями глаз и рук черная плита, оказывается, гигантская доминошка.

– Ты пришел снять метку, поеда—атель? – падшая повернула в мою сторону голову. – Или ты забыл про мой тебе пода—арок?

Карга замерла на месте. Выразительно смотрит на мой лоб. Понятно. Вот, значит, откуда у моего проклятия ноги растут.

– Да—да, не удивляйся, трупое—ед. Мы учли прошлые ошибки. Твои ленты нас не доста—анут. Не в этот раз! Мы подгото—овились! Все, мы. Пора вернуться на небеса—а. Вы не сможете нас остановить!

Во—Ту—Несса глянула на меня двумя десятком своих разномастных глаз.

– Как же нам надоели эти зе—емли! Всем нам пора вернуться в белоснежную обитель. Объединиться, заняв положеное ме—есто.

За спиной монстра открылся портал. Я вижу очертания городской площади, заваленной трупами, вижу светящуюся

трещину разрыва. Для меня ещё не всё потеряно. Но действовать надо быстро. Бабку отпускать нельзя. Глаза старухи вспыхнули зеленым светом. Моё тело сковал паралич, во лбу что-то зашипело. Тентакли разом обмякли, повиснув безжизненными лоскутами, рука выпустила подвески.

– Думал, они тебе помо—огут? – старуха рассматривает валяющиеся у моих ног крестики—жетоны. – Зачем поедателю жето—оны? Глупе—ец!

Огромная доминошка пьяными движениями поднимается. Я перевожу взгляд с бабки на мутную зеленую жижу в бассейне. Падшая пахнет не менее аппетитно, чем колодец с глазами.

– Отдай мне свой глаз, поеда—атель, – карга ощупывает последнюю свободную дырку в костяном блюде. – Не сопротивляйся. Не сопротивляйся и мы тебя пощади—им.

Я с трудом разжал челюсть, сомкнул. Снова разжал. Заранее набить рот жетонами было правильной идеей. Правда, запихнуть нужно было поменьше. Теперь не могу проглотить. Две подвески реликтов, мага и стража, разом отправились в мое нутро. Наконец—то!

– Как тебе наше предложе—ение? – бабка всё не угомонится.

Сейчас, погодь минуту, поговорим.

Ошибка

...

Жетон мага домино, жетон стража домино (перевари-

ваётся)

...

Вечный голод: сытость 944/1000.

...

Добавлено: Туманный слайсер «Домино восьмерка» (временно)

...

Добавлено: Туманный маг «Домино четверка» (временно)

...

Изменено.

...

Добавлено: Блеклый воджираша. Расколотый убийца тумана (временно)

Осталось:

1:30

1:29

1:28

...

Получено: Многорукое скальпирование. Virtuозная трепанация черепа, 1 ур. (уникальное, историческое)

...

Ох, что-то мне не хорошо.

Глава 25

Размахивая своей тонкой ручкой и при этом что-то постоянно выкрикивая, через плотную толпу в сторону Базолг продиралась одна чересчур активная особа. Бесцеремонно толкаясь локтями и вызывая у всех на своем пути возмущенные возгласы, несносная дамочка продолжала щемиться через весь амфитеатр.

– Баз... Базо—о... Ба... Ба... Базоша! – восторженная мордашка в очередной раз выпрыгнула поверх голов, поймала взглядом местоположение первого гвардейца Анубиса.

Сориентировавшись в направлении живой бур стал резко забирать правее, вызвав новый приступ вздохов и проклятий в огромной толпе народа.

– Базо... Базолг!

Базолг закатила глаза, оглянулась по сторонам. Окружающие девушку боги и гвардейцы уже кидают на неё косые взгляды. Кто-то иронично, кто-то восторженно, а кто-то и вовсе презрительно. Как например вон та дурында 18 665 —й легионер Пакорегатока. Коза драная! Вечно распускает сплетни в сторону Базолг. Вот надо же было с ней в рубеже пересечься. У мымры хватило наглости залезть в чужой сектор. Случайно она туда забрела, мимо пробегала. Ага, как же! «Драная коза» встретила взглядом с Базолг, махнула копной роскошных, бордового цвета волос, скривила

презрительно мордашку и демонстративно продефилировала куда-то на соседнюю трибуну.

– БАЗОША! – взлохмаченное чудо ростом Базолг по плечо вывалилось из плотной толпы народа.

Первый гвардеец Анобиса тут же виновато улыбнулась грузному асолоту, которому Имельтида, разумеется, отдала ногу. Восьмой гвардеец какого-то там Зуберидоса Неприкосновенного грозно зыркнул на девушек, нахмурился, что-то неразборчиво пробубнел и обратно устался в центр амфитеатра.

– Фу—у—у—ух! – выдохнула Има.

Уцепившись за локоть подруги, гвардеец Шепчущего поправила модную туфельку на своей ножке.

– Еле тебя нашла! Ты ещё дальше не могла забраться? И чего меня не подождала? Подруга, называется! Тоже мне!

Базолг сделала вид, что не расслышала. Голова и так побаливает с утра, спасибо Повелителю. А тут ещё это гиперактивное чудо. Не хватало ещё всё собрание стоять и слушать неугомонное щебетание Имы. Но, видимо, это судьба. Скрыться от подруги не получилось.

– Ты чего это вздыхаешь? – прекратив возиться с обувью, Има пнула подругу в бок. – А—а, я поняла! Завидуешь моему платью, да?

Получив в ответ грозный, ничего хорошего не предвещающий взгляд, несносная малявка же заткнулась:

– Ладно, ладно! Поняла. Не зыркай так на меня! Понапри-

ходят тут всякие не в настроении, а лучшим подругам стра-
дай потом!

И чуть тише добавила куда-то в сторону:

– Старая дева...

Базолг, разумеется, прекрасно всё расслышала и уже по-
тянулась в сторону длинных ушей подруги, представляя, с
каким наслаждением будет сейчас их накручивать. Как вне-
запно перед двумя подругами нарисовалась парочка легио-
неров.

– Дамы!

Гвардеец Аноубиса резко потеряла интерес к ушам Имель-
тиды: «Ну, начинается. Закадычная парочка собственной
персоной. Гростлер и Мазуччи. Какого они там рейтинга?
Тридцатая тысяча. Как они вообще тут оказались? Кто их
сюда пустил? Тут двадцатая тысяча и та по приглашению, а
здесь эти вон».

– Прекрасная Имельтида! – небрежно кивнул в сторону
фыркнувшей Имы Гростлер.

– Уважаемая, Базолг! – проговорили в унисон дружки, от-
весив легкий поклон первому гвардейцу Аноубиса.

«А чего это она прекрасная, а я уважаемая?» – Базолг
сдвинула брови, глянула на припершихся легионеров.

Дружки синхронно подвинулись вдоль скамейки, подаль-
ше к Имельтиде.

– Платье не помни! – с места в карьер погнала Има на
Гростлера. – Куда прешь?!

«Понятно. Опять эти двое сцепятся» – Базолг протяжно вздохнула.

– Великолепнейшая, – Гростлер натянул на лицо резиновую ухмылочку. – Нижайше прошу простить! Я очень сожалею о случившемся. Но, увы! Подол вашего платья теперь останется помятым. Впрочем, таким он больше подходит вашему лицу!

«Ну всё, понеслась» – Базолг незаметными движениями сместилась парой метров левее, подальше от концерта, который сейчас начнется. Народ уже вон пялится на эту галдящую компашку.

– Чё сказал, плешивый?! – уперла руки в бок Имельтида.

«По больному бьёт» – Базолг кинула взгляд на проплеши-ну Гростлера.

Лучше бы этому усатому вояке прийти сюда в своем неизменном шлеме. Глядишь, у соперницы было бы меньше шансов в этом бою.

– Чё, котелок свой потерял в рубеже пока от туманника убегал, да?! – продолжала наседать мелюзга.

– Прекраснейшая! – в разговор полез Мазуччи, спасая дружка от приступа резкого закипания. – Вы совершенно правы!

«Зря влез», – мысленно прокомментировала попытку защиты Базолг. – «Кранты тебе»

Мазуччи приосанился, глянул сверху вниз на коротышку Иму:

– Мы так быстро убежали от туманника, что случайно споткнулись о какую-то козявку. Простите, это были не вы слушаем? Право слово, мы не специально! Надеюсь, от нашего пинка вы не далеко улетели?

– Слышь, кучерявый! – глянула на лысую голову Мазуччи Имельтида. – Ты, наверное, бежал, боялся не успеть на собрание? Так спешил, что свой вонючий наплеч гомункула не сменил на что-то более приличное?

«Даже вдвоем им не победить» – Базолг окинула сочувствующим взглядом багровеющую на глазах парочку. Перевела взгляд с победоносно зыркающей Имы на костяной наплеч Мазуччи. – «И правда, мог бы снять».

Лицевая кость гомункула, стилизованная под наплеч, выглядит, в самом деле, убого. Не самый сильный артефакт, но даже так он требует ещё три—четыре обработки у мастера. Конкретно этот наплеч у Мазуччи ещё сохранил на себе следы органики. Базолг даже рассмотрела омертвевшую плоть в левой глазнице.

– Ты ещё пожалеешь, коротышка! – Мазуччи перевел взгляд со своего артефактного наплечника на зыркающую в его сторону Имельтиду. – Очень скоро ты попросишь у меня прощения!

– Эй, одоспешенный! – гул толпы разрезал звонкий веселый голос. – Ты, часом, ничего не попутал?

На голову готовой уже вцепиться в Мазуччи Имельтиды опустилась мужская рука.

– Потому что я могу тебе объяснить, кто у кого тут должен просить!

– А могу и я, – грузный баритон раздался позади Базолг.

– Не—не, Мотогаши, сначала я! – первый гвардеец Друта Сумасшедшего озорно улыбаясь, встал рядом с Имельтидой, обвел парочку взглядом. – Ну, чё встали, болезные? Я вам сейчас рога быстро обломаю, придурки! Катитесь отсюда!

«Сразу видно братскую кровь» – Базолг окинула взглядом Имельтиду и продолжающего смешно лохматить макушку сестры Имельгора.

Родной брат Имы, когда дело доходило до прямого столкновения, сразу врубал отсаженного на всю голову боевика. Как родная сестра, короче.

– Вы скоро пожалеете. Все вы! – выплюнул Гростлер, ухватив под локоть Мазуччи.

– Поглядим, как вы запоете после разлома! – кинул Мазуччи, утаскиваемый куда-то в толпу Гростлером. – Ждите! Скоро увидим!

– Что он имел в виду? – Базолг глянула на примастившегося на соседнюю скамейку Мотогаши.

Легионер сейчас аккуратно подвинул какого-то гвардейца, усаживаясь напротив Базолг и улыбаясь от уха до уха. Ну как подвинул. Поднял своей огромной перекаченной рукой трепыхающегося и сыплющего проклятиями пернатого и пересадил того на другой ряд к удивленно хрюкнувшему хомяку.

Мотогаши, 2999—й легионер.

Воплощение камня

– Они привязали к себе души из Могильной плиты! – Имельгор, с хохотом уклоняясь от сестры, решил прояснить ситуацию. – Да ладно тебе, Има! Хорош уже! Ну подумаешь, испортил прическу! Зато я спас тебя от двух придурков! Ну, скажи какой я молодец!

– Пфхгр! – но Има похоже больше была сосредоточена на том, чтобы дотянуться до этого высоченного, закованного в черный, украшенный костяными доспех, красавца.

Рассматривая крохотную, тоненькую фигурку Имельтиды в её блестящем платье, с модной прической и на шпильках, Базолг каждый раз удивлялась, как эти два родных друг другу парагонца смогли оказаться такими разными. Утонченная, невысокая Имельтида с перламутрового цвета кожей, элегантными продолговатыми ушками и рожками. И Имельгор, высоченный, сухощавый, с разлапистыми длинными ушами и огромными закрученными назад рогами. Ну, полная противоположность друг другу как внешне, так и в навыках. Первый гвардеец Шепчущего ещё при своем появлении в землях отчаяния выбрала класс темного архитектора, сменив тот лишь раз на семьсот шестидесятом уровне и став мрачным деконструктором. Имельгор же как начал свой путь заклинатеlem костей, так его и закончил, не меняя специализации и вкладывая свободные очки талантов в эту одну единственную ветку развития.

– Они привязали души из Могильной плиты, – перекрывая шум толпы, прогудел Мотогаши. – У нас половина сектора об этом знает!

– Придурки! – скривилась Има, прекратив попыток подобраться к весело хохочущему над её потугами брату. – Подписали себе приговор. Могут сказать «привет» срединному миру!

– Не факт, – враз став серьезным, Имельгор опустился на скамейку рядом с сестрой. Выудил откуда-то две причудливых костяшки, начал крутить в руке. – Они оба привязали к себе ма'шутцу разведчиков.

– Это ничего не меняет! – Има смерила брата кровожадным взглядом.

Кажется, она сейчас решала: напасть на молчаливого Имельгора или нет.

– Зато меняет арбитр Первого. Они в одной команде, насколько я знаю.

Вся компания синхронно повернула головы в противоположный угол амфитеатра. Там сейчас занимая целый сектор восседал Первый. Этот закованный в латы, монструозный великан даже отсюда выглядит огромным. Примостившаяся на его коленях Улк—Атан кажется на фоне громилы миниатюрной куклой.

– Базолг, – Мотогаши повернулся к первому гвардейцу Анубиса. – Правду говорят, что хозяин песков свернул голову Алиголестусу?

Вокруг разом как-то стало тихо. Десятки глаз сомкнулись на Базолг. Даже, казалось бы, не подающие виду посторонние покосились на Базолг. Первый гвардеец глянула вниз. Повелитель в данный момент вместе с О'Солуте находятся в центре помещения, о чем-то переговариваясь и не обращая внимание на окружающих.

– Алиголестус совершил телепорт через тронный зал, – отчеканила Базолг под затяжной, удивленный свист Имельгора. – Дважды проткнул копьём махровую дорожку повелителя.

Теперь уже Мотогаши хмыкнул, не удержавшись.

– А после потребовал.

– Что? – троица хором переспросила.

– Потребовал? У Анубиса? – Имельгор засвистел пуще прежнего, не скрывая своего удивления. – Дак это он ещё легко отделался!

– И то правда, – почесал огромной ручищей свой каменный затылок Мотогаши.

Этот, практически целиком состоящий из камня легионер, кажется, был удивлен побольше растерявшегося от таких новостей Имельгора.

– Ну, свернул да и свернул! – вклинилась в разговор Има. – Скажи, Базоша! Тоже мне, новость. Лучше про этих двух придурков, поясните!

– А, да, – встрепенулся старший брат Имы. – Присягнувшие Мазуччи и Гростлеру души войдут в разлом в составе

группы вместе с арбитром. Так что сами понимаете, шансы у них есть. Если младшие гвардейцы добудут частицу разлома эти два придурка, считай, будут купаться в шоколаде. Прыгнут сразу на пару тысяч в рейтинге.

– Они поубивают друг друга раньше, – прокомментировала Базолг. – Вы же знаете как там в разломах.

– Не в этот раз, – усмехнулся Имельгор, вновь поворачиваясь в сторону Первого. – В разломе будет лич. И насколько я знаю он также в составе группы. Ментальная стойкость лича ляжет на рассудок всех, кто вместе с ним. Разлом не снесет им мозги. Междоусобной резни в группе не будет.

– Кстати, Базоша! – Има покосилась на переговаривающихся в центре амфитеатра Анубиса и Шепчущего. – Как думаешь, это правда? Ну, я про *того самого*.

– Вы о чем? – прогудел Мотогаши, заинтересованно глянув на Базолг.

– Ни о чем! – свела брови гвардеец Анубиса, зыркнула на подругу дурёху.

Имельтида, всполошившись под грозным взглядом, тут же затараторила:

– Неважно! Всё, не спрашивайте! Тут до разлома осталось пару минут. Скоро все сами увидите.

– Да? Ну ладно... – растерянно глянул на девушек легионер.

– Кстати, девчонки! – Имельгор подмигнул Базолг. – Я у мохнатых ставку сделал! Если сыграет – приглашаю в ку-

пальни. За мой счет, разумеется! Попаримся, выпьем парочку эссенций!

– И сколько ты поставил? – снизу вверх укоризненно глянула на брата Имельтида.

– Четыре «девятисотки»! Вчера с туманников выбил.

– Мда-а, – протянула Има, смерив долгим взглядом брата—идиота. – И на что ставил?

– На количество, конечно!

– На количество? – Базолг решила для себя уточнить.

Про ставки она, конечно, слышала, но ни разу не играла. Вот ещё! Не по статусу первому гвардейцу Анубиса заниматься подобным.

– Ставил на то, сколько живых выйдет из разлома.

– Ну и? – Има скептически выгнула бровь, глянула на довольного Имельгора. – На какое число поставил?

– Я поставил на «пятнадцать – двадцать»!

– Как-то многовато, по-моему. В прошлый раз из разлома вышло около десяти живых.

– В прошлый раз там не было арбитра и лича. Эта парочка любую угрозу пустит на салат. Так что, девчонки, если ставка сыграет, идем в купальни! Отказы не принимаются!

– Мы с булыжником, кстати, оба ставили! Ты чего молчишь Мотогаши? Я не понял! – сдал своего подельника Имельгор.

Вся троица перевела взгляд на здоровяка, который, кажется, покраснел и сейчас кидал редкие взгляды на Базолг. Вне-

запно, лицо Имельгора вытянулось, глаза загорелись, в них блеснул странный огонек. Набрав в грудь побольше воздуха и кидая лукавый взгляд с Базолг на «булыжника» старший брат Имельтиды затынул:

– Да ла—адно, Мотогаши?! При Базолг стесня...

– Тише! Всё, начинается! – Има пнула брата, не дав договорить.

Народ на трибунах стал затихать, наблюдая, как огромная неоновая сфера медленно поднимается из центра амфитеатра, на лету открывает свой желтый глаз.

– Тише, тише! – вокруг раздаются приглушенные оклики.

Толпа возбужденно шикает друг на друга. Базолг заметила, как Первый нетерпеливо подался вперед. Спорхнувшая с его колен Улк—Атан сцепила в замок руки, встала рядом. Народ затаил дыхание.

– После разлома идем в купа—альни! – во всю мочь прошептал Имельгор, показывая большой палец Базолг.

Неоновое око окончательно раскрылось, глянуло вниз. На площадку амфитеатра заструился поток фиолетового света, запуская громадную проекцию. Народ на трибунах разом перестал дышать. Сейчас все увидят наиболее вероятных будущих легионеров.

– Тварь глазастая! Кха—а, – я вывалился из портала, сбле-

вывая кровь на собственные босые ноги.

Прощай обувь, ты долго держалась.

– Тебе помочь? – рыжеволосая пытается поддерживать, уперлась худым телом в моё плечо.

– Себе лучше помоги, – я мутным взглядом обвел эту дрожащую, похожую на живой скелет девчущку. – Кха—а... Долбанная старуха! Кранты тебе, падла!

Я пошевелил переломанными конечностями. Вспышки боли разом отрезвили сознание, туман перед глазами слегка рассеялся. Гребаные домино! Здоровенная ожившая плита меня чуть не раздавила. Половину языков в лепешку ещё и ногу задело, разодрав бедро в ошметки. Чудом успел телепортироваться в сторону. Перед глазами сыплются строчки текста, сообщая о превращениях, талантах, наградах, победах. Какие победы, когда старуха сумела сбежать в разлом? Я задрал голову. В небесах бушует молочного цвета ураган. Гигантская белоснежная спираль целиком затянула небосвод, извергнув на землю кривую ломанную линию. Огромная вертикальная трещина разлома в десятке метров передо мной. Повсюду вокруг обезображенные тела, горы трупов, чадящий дым и горящие здания.

– Ну, ничего, тарелку твою я тебе доломаю! – я покрепче сжал дико вибрирующий в руке осколок многоглазого головного блюда старухи.

Будучи в форме воджираши успел разломать парализующий меня своими глазами костяной диск. Долбанная ста-

руха! Падшая дважды запускала меня башкой в дебильное кресло на боку огромной доминошки. Мало мне паралича, дак старая кляча, оказывается и телекинезом владеет! Швыряла меня по всей поляне, чуть кони из-за неё не двинул! Ещё этот колодец с зеленой слизью всё время отвлекал. Разок парктически слетел с катушек, приземлившись у самой кромки мерзкого бассейна. Инстинкты взвыли, безудержный голод захлестнул сознание. Как сумел удержать себя в руках – сам не знаю. Но колодец я выпил! Сразу как порезал на куски гиганта—домино! Чертова живая плита!

– Мы в разлом? – рыжая что-то бормочет под рукой.

Что значит «мы»? Не хватало мне попутчиков. Сдохнет в разломе, а я потом вини себя за случившееся.

– Ты, – я выделил слово, – куда хочешь.

А я в разлом. Нужно закончить со старухой. Сколько из меня будет вытекать этой кровищи, блин?! Дыра в боку не такая уж и большая!

– Я с тобой!

Она меня что, не слышала?!

– Мы можем избавить вас от данной проблемы, – за спиной раздался знакомый голос.

Мрак. Стоит в окружении синекожего и Д'артаньяна. На правой руке мушкетера гудит та самая туманная перчатка. Понятно. Значит Крюк выторговал себе билет на ту сторону.

– Парень? – белоглазый заговорил. – Что с тобой?

– Нормально все со мной!

– Кхм, – Мрак прочистил горло, сейчас будет что-то говорить. – Видите ли, уважаемый, мы не можем её просто так отпустить.

Мрак повел в воздухе когтистой лапой, хищно глянул на прижавшуюся ко мне рыжеволосую. Д'артаньян вскинула руку, целясь в девушку из туманной перчатки.

– Только рыпнись, мушкетер недоделанный! – рыкнул я, ощетинившись всем своим арсеналом.

Кольца на руке гудят в закладывающем уши вихре, лицо закрылось подобием костяного намордника. Полумесяцы на моем затылке все-таки начали работать, набрав необходимое количество запчастей. Превратились в некий аналог подвижного забрала. Черно-зеленая клякса (мрачный двойник) уже вытекла наружу, сформировалась в подобие моей ноги. Да — да, выпитая слизь из колодца смешалась с черной размазней в животе. За спиной непрерывно летает хоровод из глаз. Те самые глазные яблоки из бассейна сейчас кружатся над моей головой, требуют принять решение что с ними делать. Дополняет картину пятерка кривых черных языков, сжимающих проклятые мечи, и выжившая тентакля со своим тесаком. Куда же без неё.

– Только рыпнись, я сказал!

Д'артаньян неуверенно глянула на мохнатого. Хомяк переводит хмурый взгляд с меня на рыжую. Недвусмысленно задерживает внимание на худощавой девушке, поднимает глаза на Цию, смотрит на меня. Вот только пошел ты, хитрая

рожа! Не верю я вам тут всем! Хватит с меня, научился уже! Сам решу, что делать с этой болезнью.

– Пожалуйста! – рыжеволосая окончательно спряталась мне за спину, дергает за языки, что-то там бормочет про Мрака, его подружку и охотников за головами.

Спираль на моей руке, повинуюсь желанию хозяина, перешла на утробный рокот. Не можешь отпустить? Ну, тогда попробуй останови! Сейчас сожру пару медальонов, глянем сколько из вас ломтиков получится! А тебе, Крюк, лучше бы свалить в разлом прямо сейчас, если не хочешь попасть в руки хохочущей мясорубке по имени Максим. То, что ты увидишь, тебе точно не понравится.

– Но! – хомяк, кажется, пытается на ходу придумать решение. – Но, вы можете выкупить на некоторое время наше слово её не трогать!

Надо же, как ты заговорил! Выкупить! А могу и не выкупать! Порезу вас тут сейчас на салат и дело с концом. У меня время тает, бабка где-то уже в разломе. Долбанная старуха! Ну, ничего, сейчас тут быстро закончу и приду за тобой! Так, ладно, надо что-то решать. Устраивать бойню с этой парочкой не лучшая затея.

– Сколько будет здесь эта трещина? – я мотнул головой себе за спину.

– Около часа, – Мрак перевел взгляд с разрыва на меня. Отлично, тогда так.

– Вот, – я кинул под ноги мохнатому мерцающие зеле-

ным светом рунические ленты, те самые, что получились из рубашки магов. – Хватит чтобы пару часов не трогать эту несчастную?

– Вот это вот? – скривилась Д'артаньян, пнула носком сапога моток рунических лент.

– Не беси меня, – злобно процедил я. Как же достали эти высокомерные особы! Может, размазать её мясорубкой? – Я и так на взводе!

– Ция, подбери, – Мрак исподлобья поглядывает на своего мушкетера.

– Но...

– ПОДБЕРИ! – хомяк рыкнул так, что даже у меня уши заложило.

Синекожий отшатнулся подальше от кровожадного мохнатого. Нормальные у Мрака зубища повылезали. Оказывается, хомяк тот ещё мутант. Умеет менять форму и размеры своих частей тела. Мушкетер резко согнулась, подхватила лоскуты ткани. Резко разогнулась, вытянулась по стойке смирно. Шерстяной тут же проворно выхватил ленточки, осмотрел, щелкнул пальцами. Перед мордой мохнатого проявился один из проклятых клинков домино. Удерживаемый за лезвие П—образной скобой, пестрящей сотнями символов, клинок замер в воздухе. Мрак, не теряя времени, под перекрестным взглядом всех присутствующих принялся плотно обматывать рукоять оружия моими трофейными полосками. Стараясь не касаться клинка, хомяк накрутил с деся-

ток лент на черную рукоятку.

Клинок неожиданно дернулся, закрипел. Рукоять налилась слепящим зеленым светом, зашипела, источая клубы мутного, зловещего пара. Несколько секунд проклятое оружие домино дергалось и клокотало после чего всё внезапно прекратилось. Клинок затих, пар, бьющий из рукоятки, исчез. Мрак ловко схватил меч своими маленькими ручками, потянул за причудливую скобу, освобождая лезвие. Ничего! Короткие ручонки мохнатого не ломаются и не чернеют, как мои тентакли. Полюбовавшись результатом, хомяк перекинул клинок мушкетеру. Ция молниеносно и точно схватила изогнутый меч. Отточенным движением крутанула клинок, ловко поцепила у бедра. Теперь Д'артаньян помимо своей рапиры обзавелась мечом реликтов.

– Да, этого определенно хватит! – улыбнулся мне Мрак.

Довольно потирая ручки мохнатый поглядывает на меня с хитрым прищуром. Ты глянь какой прошаренный! И почему я о подобном фокусе не догадался?! Ладно, не время сейчас. Главное, вопрос с девчонкой решен. Я повернулся к рыжеволосой. Раз уходить она не собирается, тогда поступим по-другому.

– Рыжая, слушай сюда. Где-то в этом городе есть бабка циклоп шестого уровня. Найди мне её и тащи в разлом, поняла?!

– Но... я...

– Я спрашиваю, поняла?! – приблизил я свою костяную

рожу с торчащими вразной зубами.

Побледневшая, та резко кивнула.

– Счита́й, это твоя оплата за проезд, – я пристально посмотрел девчонке в глаза. – Хочешь идти со мной – найди мне кикимору или то, что от неё осталось. Отличительная примета – рассеченное ухо, скрепленное кольцом.

Найти в этом полыхающем городе бывшего вурка – шанс один на миллион. Но просто так кинуть её и жить потом с этой мыслью я тоже не могу. Я должен попытаться, пусть даже таким образом. Да, оставил решение проблемы на совести практически незнакомого мне человека. Но это земли отчаяния и я уже не тот идеалист, который бежал из песков забвения.

Ладно, пора заканчивать. Старуха ответит мне за дырку в боку, разорванную ногу и раздавленные языки. Я сорву с грушевидной башки этой мерзкой клячи вторую половину её костяного блюда! Сорву и заберу подвеску в том числе. К Брестусу и светлой компашке из верхнего города у меня отдельный разговор. Я не забыл про пернатого и мой глаз, невесть как оказавшийся у падшей. Кому ещё там надо раздать долги?! Черт, не помню. Ладно, соображу на месте. Я двинул в разлом, один за другим кроша жетоны домино и закидывая в рот.

– Уважаемый! – опять Мрак. – Мы идем с вами!

Я обернулся, присматриваясь. Мрак стоит в паре метров от меня. Зыркает своими маленькими глазками, кровожадно

потирая ручки. У мушкетера глаза заволокло туманом, перчатка на руке со свистом затягивает в себя воздух. Мне, в общем-то, по барабану. Лишь бы под ногами не мешались. Сделать они мне врядли что-то смогут. Под этой дозой жетонов я порублю их в капусту раньше чем они поймут что произошло.

– Только близко не подходите, – я раскрошил в руке последний крестик—подвеску, закинул в рот, проглотил. – Я всё ещё неадекватен.

– Что, простите? – переспросил Мрак.

Он прикидывается, или в самом деле не понял?

– Я вас предупредил.

Всё вокруг заливают белым светом. Десяток амулетов разом оказались в моем желудке. Строчки текста бегут перед глазами. Тело меняется, трансформируется, отращивает новые, невообразимые конечности и вооружается смертоносными боевыми навыками. Долбанная бабка, арбитр, «светлые», лич, боги... Перед глазами промелькнул образ обезображенной брюнетки, что тянет свою дрожащую руку, умоляет, шепчет мне. Всплыла из памяти картинка размазанной в фарш Полемики – маленькая арахна, которую превратили в бурый росчерк из костей и мяса. Я ошетинился языками, ощущая разливающуюся по телу мощь, крутанул щупальцей любимый тесак:

– Готовьтесь, придурки. У меня к вам долгий разговор.

В оформлении обложки использована фотография с <https://pix.playground.ru/bloodborne/2053239/> по лицензии CC0. Использование материалов сайта разрешено при наличии прямой ссылки на источник.